
Зейн Грей
ПОГРАНИЧНЫЙ
ЛЕГИОН

Зейн Грей Пограничный легион (др. перевод)

Сканирование, распознавание и вычитка – Никольский О.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157994

Похороны викинга. Рекорд приключений. Пограничный легион»: Свенас;

Киев; 1992

ISBN 5-85722-020-3

Оригинал: ZaneGrey, "Border Legion"

Аннотация

«Пограничный легион» – один из самых известных романов писателя, действие которого происходит в середине XIX века на границе штатов Айдахо и Калифорния.

Погоня за золотом наводнила Калифорнию сбродом свирепых и беспардонных людей. В горах всюду копошатся тысячи золотоискателей. С востока сюда так и прет толпа полных надежд и обалдевших охотников за счастьем. Промытое золото есть всюду, его легко получить, лишь была бы поблизости вода. Нет ни одной пяди неразрытой земли. Однако «жирной» находки еще нет. Но рано или поздно должна быть и она. А когда наступит «золотая лихорадка» и золото необходимо будет вывозить, тогда в дело вступит «Пограничный легион» – банда отчаянных и жестоких головорезов.

Содержание

Глава I	4
Глава II	17
Глава III	30
Глава IV	46
Глава V	61
Глава VI	69
Глава VII	86
Глава VIII	96
Глава IX	117
Глава X	137
Глава XI	154
Глава XII	178
Глава XIII	192
Глава XIV	207
Глава XV	233
Глава XVI	252
Глава XVII	272
Глава XVIII	292
Глава XIX	306
Глава XX	331

Зейн Грей

Пограничный легион

Глава I

Жанна Рэндль направила свою лошадь к поросшему кедрами горному кряжу. Дикий вид высившихся кругом скал постепенно пробудил в ее груди раскаяние и страх.

«Значит, Джим не шутил, – промолвила она про себя. – Он серьезно взялся за дело и теперь мчится прямо к границе... О, зачем я только насмеялась над ним!»

Действительно, эта восточная пограничная полоса штата Айдахо имела весьма неприветливый вид, особенно в тот жуткий для всего Запада год. Погоня за золотом наводнила Калифорнию сбродом свирепых и беспардонных людей. Так называемый «усмирительный комитет» и богатые золотом участки в Айдахо отодвинули вглубь всю эту темную толпу, но жуткие рассказы о кровопролитиях и золоте продолжали еще ходить в народе. То и дело сталкивались охотники и золотоискатели со всевозможными таинственными личностями.

Жанна недавно рассорилась с Джимом Клэвом и теперь горько раскаивалась в этом. Она была стройной и сильной брюнеткой лет двадцати. Родилась она на Миссури, где ее

отец занимал видное положение, пока, как и большинство его современников, не погиб от шальной пули. Тогда Жанна попала под покровительство своего дяди, тоже погнавшегося за золотом; таким образом, остальные годы своей жизни она провела в полной глуши.

Уже несколько десятков миль проехала она за Джимом и, наконец, решила слезть и посмотреть, действительно ли так свежи следы его лошади, как она думает. Из их маленькой деревушки он выехал еще до восхода солнца. Один крестьянин видел его и тотчас же сообщил ей об этом. Вероятно, Джим где-то задержался, так как солнце уже показывало полдень. Жанна принялась размышлять. К постоянным угрозам Джима она уже привыкла, а его вечная нерешительность надоела ей. Ведь в самом деле, это было просто жалко. В общем, Джим был очень мил и любезен, но со времени знакомства с ней он еще ни в чем не проявил силу своего характера.

Жанна подошла к своей лошади и принялась вглядываться вдаль – в высокие и мрачные горы. Отважная и находчивая, привыкшая к переездам на лошадях, она всегда умела позаботиться о самой себе. В эту минуту девушка ясно видела, что заехала дальше чем следовало, но она так была уверена, что догонит Джима. Разве он не всегда готов каяться перед ней? Однако на этот раз все вышло по-иному. Она вспомнила его худое лицо, настолько побледневшее, что даже выступили маленькие веснушки, которых она до тех пор

не замечала. А его глаза? Обычно такие мягкие и нежные, в тот момент они блестели подобно острой стали. Да, его лицо в самом деле выглядело очень расстроенным, даже больше того: оно выражало отчаяние. Но что же особенного она сказала ему? И Жанна начала вспоминать.

Вчера вечером, еще до сумерек, Жанна ожидала его. Из немногих молодых людей, живших в деревне, она всегда выделяла Джима, и, как ей это сейчас казалось, он недостаточно ценил такое внимание. Это сердило ее. Поведение Джима ни с какой стороны не выглядело удовлетворительным, за исключением только его нежной к ней привязанности. Но, увы, этого для нее было недостаточно. Все в нем казалось ей преувеличенным, даже его чувство.

Жанна задумалась, действительно ли так сильна любовь Джима к ней, и постепенно все детали прошедшего вечера ожили в ее памяти. Она увидела себя сидевшей возле блокауза под большой сосной. Постепенно тени сгустились, но взошедший месяц снова заставил их побледнеть. Она прислушивалась к тихому жужжанию насекомых, к отдаленному смеху женщин в деревне и сонному журчанию ручейка. В тот вечер Джим заставил ждать себя дольше обыкновенного. Вероятно, он задержался в кабачке, в том самом кабачке, который, по словам ее дяди, с недавних пор сделался сборищем всех нарушителей спокойствия в деревне. Кроме того, Жанну раздражало постоянно возраставшее население деревушки. Слишком много набралось в одно место скандаль-

ных, вечно пьяных мужчин. Еще не так давно пойти в деревенскую лавку было одним удовольствием, теперь же это было риском. Особенно же дурно то, что все эти новые обстоятельства очень скверно повлияли на Джима, хотя он никогда не переходил границ дозволенного. Ее досада на него возрастала. Она больше не намерена дожидаться его. Ни одной секунды дольше. А если ей придется встретиться с ним, то пусть не ждет от нее ничего больше, кроме черствой истины...

Но как раз в эту минуту позади нее послышался легкий шорох, и, прежде чем она успела обернуться, две сильных руки крепко обхватили ее. Хватка была настолько неожиданна, что Жанна не успела ни крикнуть, ни защититься. Темное лицо приблизилось к ее лицу. Быстрые и жгучие поцелуи загорелись на ее щеках, закрыли ей глаза и, наконец, страстно замерли на ее устах. Какая-то странная нега на секунду охватила все ее существо, однако в следующее мгновение она уже снова овладела собой.

Отпрянув назад, Жанна остановилась, напуганная и возмущенная. Она была настолько ошеломлена, что сразу не узнала, кто перед ней стоит, и только смех выдал ей виновника. То был Джим.

– Ты всегда говоришь, что я слишком робок, – промолвил он. – Что же ты теперь скажешь?

В душе Жанны поднялась слепая ярость. Казалось, она могла бы убить его в ту минуту. Никогда не давала она ему никакого права над собой, никогда ничего не обещала, ни-

когда не старалась уверить его, что хоть сколько-нибудь отвечает на его чувство. И он осмелился... Горячая волна прилила к ее щекам. Она злилась на него, но еще более на самое себя, ибо эти поцелуи пробудили в ней какое-то новое и странное чувство мучительного стыда. В тот момент Жанна от всей души ненавидела этого человека.

– Ты... ты? – вырвалось у нее. – Ну, Джим Клэв, теперь между нами все кончено.

– А по-моему, ты еще ничего и не начинала, – сказал он с горечью. – Так или иначе, все ведь осталось, как и было... но я не жалею... Черт возьми! Я... Да, я все-таки целовал тебя!

Он тяжело дышал. При неясном свете луны она увидела, как он побледнел. Во всем его существе произошла какая-то перемена. Жанна почувствовала в нем холодное упрямство.

– Ты еще расскаешь в этом, – сказала она. – Отныне наши дороги разошлись.

– Отлично, но я все-таки не раскаиваюсь и никогда не раскаюсь.

Жанна подумала сперва, не пьян ли он, но вспомнила, что Джим не любил напиваться – пожалуй, это было его единственное достоинство... Тогда какая же причина побудила его вести себя подобным образом? Может быть, он догадывался, что его поцелуи так сильно действуют на нее? Если бы он только еще раз осмелился... При этой мысли она вся задрожала. Теперь она как следует отчитает его.

– Послушай, Жанна, я целовал тебя потому, что мне надо-

ело ходить около тебя каким-то нераскаянным грешником, – сказал Джим. – Я люблю тебя и без тебя ни на что не годен. Давай поженимся. Я...

– Никогда! – жестко оборвала она. – Из тебя все равно не получится никакого толку.

– Ошибаешься! – страстно запротестовал он. – Еще не так давно я здорово работал, но с тех пор... с тех пор, как я встретил тебя, я сделался тряпкой. Я с ума схожу при мысли о тебе. Ты знакомишься с некоторыми мужчинами, которые недостойны даже... чтобы... чтобы... У меня постоянно так скверно на душе. Я истерзался от тоски и ревности... Ну дай мне хоть маленькую надежду, Жанна.

– Почему я должна сделать это? – холодно ответила она. – Ты все время слоняешься, не хочешь работать. А если и найдешь когда немного золота, то тотчас же его спускаешь. У тебя ничего нет, кроме твоего револьвера, и ты больше ничего не умеешь, как палить из него.

– Это может мне очень пригодиться, – легкомысленно заявил он.

– Джим Клэв, ты даже не способен стать настоящим негодяем, – резко сказала она.

При этих словах он круто повернулся к ней, и наклонившись, спросил:

– Неужели ты это серьезно?

– Конечно, – последовал ответ. Наконец-то ей удалось заставить разгореться его ленивую кровь.

– Так, значит, по-твоему, я такой тюфяк, что не могу стать даже негодяем?

– Я в этом уверена.

– Так вот ты какого обо мне мнения, хотя из любви к тебе же я и дошел до этого?

Она расхохоталась. Какую странную и горячую радость ощущала она, причиняя ему боль.

– Клянусь, я докажу тебе обратное! – воскликнул он хрипло.

– Ну-с, с чего же ты начнешь, Джим? – спросила она насмешливо.

– Я уйду из этого лагеря и доберусь до границы, найду Келса или Гульдена... И ты еще услышишь обо мне, Жанна Рэндль.

Гульден и Келс! Это были жуткие имена страшных главарей постепенно разраставшейся пограничной шайки бандитов. Где-то там, далеко, жили десперадо – разбойники, грабители и убийцы. Все новые и новые слухи доходили о них до этой когда-то совершенно мирной деревеньки. Сердце Жанны ущипнул легкий холодок страха. Но стоило ли беспокоиться? Это одна из обычных высокопарных угроз Джима. Такой поступок совершенно не вяжется с ним. Кроме того, и она никогда не допустит его до этого. Однако по непонятной женской прихоти она ничего ему не сказала.

– Ба! – воскликнула она с издевкой. – У тебя и смелости не хватит.

Мгновение посмотрев на нее растерянными и дикими глазами, он вдруг повернулся и, не сказав больше ни слова, удалился. Жанна осталась сидеть, пораженная, немного напуганная и растерянная, но обратно его все же не позвала.

А на следующее утро она уже мчалась следом за ним в горы. Он поехал по широкой дороге, по которой обычно ездят все охотники и золотоискатели. Заблудиться она не боялась, но зато могла встретить на пути какого-нибудь негодяя из пограничной шайки, уже начавшей понемногу навещать ее деревню. Буквально за каждой скалой, за каждым кедром высматривала она Джима. Может быть, он только пригрозил? Но ведь она говорила с ним в таком тоне, какого не может перенести ни один мужчина.

Раскаяние и страх Жанны все больше возрастали. В сущности, Джим еще совсем мальчик, он только двумя годами старше нее. А вдруг он и в самом деле натворит что-нибудь? Неужели она ошибочно судила о нем? Если это так, то, значит, она была очень, очень груба. Но ведь он имел дерзость поцеловать ее!

Внезапно, к своему глубокому изумлению, Жанна почувствовала, что, несмотря на оскорбленное самолюбие и всю их ссору, несмотря на то, что Джим все-таки поехал на границу, а она теперь в страхе и раскаянии едет по его следу, несмотря на все это – в ней растет странное и робкое чувство уважения к Джиму Клэву.

Поднявшись на второй холм, девушка снова останови-

лась. На этот раз она увидела в заросшем кустарником овраге одинокого всадника. Сердце ее сильно вздрогнуло. Без сомнения, это Джим. Значит, он просто грозил и теперь возвращается обратно? Жанна почувствовала себя разом радостно и легко, но в глубине души все же шевельнулась легкая тень сожаления.

Однако постепенно она разглядела, что то была вовсе не лошадь Джима. Спрятавшись за кустами, Жанна принялась следить оттуда. Тем временем всадник подъехал ближе, и она узнала не Джима, а хорошего друга своего дяди, Гарвея Робертса, из одной с ней деревни. При звуке голоса Жанны Гарвей вздрогнул и схватился за револьвер – жест, характерный для беспокойной местности.

– Хелло, Жанна! – воскликнул он, увидев ее. – Однако вы здорово напугали меня. Совсем одна?

– Да, одна. Я поехала за Джимом и увидела вас, – ответила она, – приняла вас сперва за Джима.

– За Джимом? Что такое стряслось?

– Мы поругались, и он поклялся отправиться на границу. Я же точно с ума сошла и подзадорила его... И теперь страшно раскаиваюсь в этом.

– Вот оно что! Так значит, это следы Джима я только что видел там, мили за две на повороте к границе. Я знаю эту дорогу, не раз сам ездил по ней.

Жанна пристально посмотрела на Робертса. Его изрытое оспой, обросшее седой щетиной лицо выглядело серьезно.

Он старательно избегал ее взгляда.

– Неужели вы думаете, что Джим действительно отправился к границе? – быстро спросила она.

– Похоже на то, Жанна! – ответил он, немного помолчав. – Джим достаточно глуп для этого. За последнее время он распустился окончательно. Да и времена теперь не такие, чтобы парень мог остаться безупречным. Вчера вечером Джим попал в паршивую перепалку: чуть было не уколошил молодого Бредли, но ведь вам все это должно быть уже известно.

– Я ничего не слыхала, – отвечала она. – Расскажите.

– Кто-то сболтнул, будто бы Бредли недостаточно почти-тельно отозвался о вас.

Жанна почувствовала, как волна горячей крови сладко прокатилась по ее телу. Опять совершенно новое и незнакомое для нее явление. Бредли она не терпела. Он всегда был страшно навязчив и вел себя самым оскорбительным образом.

– Почему же Джим не рассказал мне всего этого? – спросила она, обращаясь больше к самой себе.

– Вероятно, ему было не особенно приятно вспоминать вид Бредли, в котором он его оставил, – заметил Робертс со смехом. – А теперь, Жанна, повернем-ка обратно восвояси.

Несколько мгновений девушка молчала. Взгляд ее скользил по зеленым холмам, к высившимся вдали громадным серо-черным горам. Странное чувство шевельнулось в ее груди. В молодости ее отец был авантюристом, и его кровь за-

говорила в ней с неожиданной силой.

– Я поеду дальше, – сказала она.

Робертс несколько не удивился. Он только посмотрел на солнце и, повернув лошадь, лаконически произнес:

– Надеюсь, что мы догоним его, и до захода солнца успеем вернуться домой. Сейчас поедем наперерез и спустя мили две снова нападём на его след. Ошибиться невозможно.

Тронув удила, он поехал рысью, а Жанна последовала за ним.

Вскоре они свернули в долину, лежавшую между ближайшими горами, и поехали несколько быстрее. Долина оказалась в несколько миль длиной. Доехав до середины, Робертс неожиданно издал радостный возглас. Жанна поняла, что они снова напали на след. Всадники пустили лошадей галопом и ехали таким темпом все время, пока не оставили за собой поляны и не наткнулись на узкую тропинку, шедшую в глубину гор. Полная надежды увидеть Джима, девушка беспрестанно жадно всматривалась в даль. Однако впереди никто не появлялся. Робертс все чаще поглядывал на садившееся солнце, а Жанна начала беспокоиться о своих домашних. Она была так уверена, что догонит Джима и вернется домой еще днем, что ей и в голову не пришло предупредить кого-нибудь о своих намерениях. Вероятно, ее уже разыскивают. А тем временем и местность становилась все более и более дикой. Всюду громадные обломки скал, кедры и колючий кустарник. В зарослях часто пробегали олени, а дикие

куропатки прыскали из-под самых копыт лошадей.

– А не лучше ли отказаться от этого дела? – крикнул Робертс через плечо.

– Нет, нет! Поедем дальше, – сказала Жанна.

И они быстрее погнали лошадей; наконец взобрались на самую вершину склона. Перед глазами Жанны раскинулась залитая светом долина, но и здесь она не увидела никого. Мужество девушки ослабевало. Очевидно, не было никакой надежды догнать сегодня Джима. Как раз в эту минуту лошадь Робертса попала в размытую водой впадину и захромала. Робертс слез на землю и принялся осматривать ее ногу.

– Ого! Нога-то еще осталась цела, – сказал он, давая понять, насколько серьезно повреждение. – Ну, Жанна, как бы нам не пришлось здорово помяться на обратном пути. Ваша лошадь с двойной ношей не справится, а я пешком идти не могу.

Жанна молча сошла с лошади и помогла Робертсу застоявшейся в канаве водой обмыть вывихнутую и сильно вспухшую ногу лошади.

– Придется, видно, нам здесь переночевать, – сказал Робертс. – Хорошо еще, что я кое-что прихватил с собой и смогу устроить вас поудобнее. Однако с огнем нам следует быть поосторожнее: как только стемнеет, костер придется затушить.

Робертс отстегнул от своего седла пакет, а затем снял и самое седло. Едва он принялся снимать и седло Жанны, как

вдруг вся его фигура разом напряглась.

– Что это такое? – резко проговорил он.

Сначала Жанна услышала мягкий и глухой стук по траве, а затем раздался резкий топот неподкованных копыт по голому камню. Обернувшись, она увидела троих всадников, находившихся по другую сторону канавы и ехавших прямо на них. Один из седоков указал на нее рукой. На светлом фоне неба, красного от лучей заходящего солнца, они выглядели мрачно и жутко. Жанна боязливо взглянула на Роберта. Тот не отрываясь смотрел на подъезжавших, и в его лице отразилась какая-то догадка, словно он ожидал встретить нечто знакомое. Приглушенным голосом он пробормотал проклятье. Жанне показалось, будто по его лицу скользнула какая-то тень.

Трое всадников остановились у края канавы. Один из них держал под уздцы мула, нагруженного узлами и тушей убитого оленя. В своей жизни Жанна перевидела множество всадников, в общем-то очень схожих с этими тремя, однако ни один из них еще не действовал на нее так странно и властно.

– Добрый день! – сказал один из мужчин. И тут Жанна увидела, что лицо Роберта превратилось в пепельно-серую маску.

Глава II

– Так это вы... Келс?

Вопрос Робертса был в то же время и ответом на его мысли. Смех вопрошаемого как бы подтвердил это.

Двое других перебрались через канаву и снова остановились. Все они были еще молоды, каждому лет по тридцати. Своей примитивной одеждой и грубыми чертами они напоминали людей, каких Жанна привыкла видеть почти ежедневно. Но Келс явно выделялся. Пока он не смотрел на нее, ей казалось, будто она уже где-то встречала этого мужчину, однако когда его взгляд упал на нее, то она в странном смятении поняла, что еще никогда в жизни не видела такого человека. Бледный, с серыми глазами, интеллигентный и любезный, он, вероятно, когда-то был порядочным человеком, но теперь его окружало нечто странное, непостижимое и чудовищное. Создавалось ли такое впечатление в его присутствии, или то было действие его имени? Келс! За последние годы множество мрачных историй передавалось в Айдахо из лагеря в лагерь, и некоторые из этих слухов бывали настолько необычны и жутки, что им трудно было поверить. С каждой вестью слава Келса возрастала. Росла также и ужасная уверенность, что там, на границе, организуется шайка жутких бандитов. Но никто в лагере никогда не признавался, что когда-либо встречался с этим Келсом. Неужели страх застав-

лял всех умалчивать об этом? Услышав, что Робертс знаком с ним, Жанна поразилась.

– Где мы в последний раз виделись с вами? – спросил Келс.

– Как будто под Фресно, – ответил Робертс, явно стараясь отделаться от какого-то неприятного воспоминания.

Слегка прикоснувшись к своей шляпе, Келс бросил мимолетный взгляд на Жанну.

– С пути сбились, не так ли? – спросил он Робертса.

– Очевидно, – ответил Робертс. Затем его сдержанность слегка ослабела, голос зазвучал ровнее.

– Выслеживали любимого коня мисс Рэндль. Недавно удрал. Постепенно заехали дальше, чем предполагали. Как на грех, и моя лошадь повредила себе ногу. Боюсь, нам не попасть сегодня домой.

– Откуда вы?

– Из Хоудли. Билла Хоудли стоянка, миль так за тридцать отсюда.

– В таком случае, Робертс, если вы ничего против не имеете, мы тоже заночуем здесь вместе с вами, – продолжал Келс. – У нас есть свежее мясо, закусим.

И он коротко отдал приказание своим товарищам, которые тем временем расположились неподалеку под кедром и уже начали расседлывать лошадей.

Робертс сделал вид, будто распаковывает собственную поклажу, и, наклонившись к Жанне, хрипло прошептал:

– Джек Келс, калифорнийский грабитель больших дорог. Опасный стрелок, дьявольски хитрая гремучка! Когда я его видел в последний раз, он стоял с петлей на шее, но товарищи его вызволили. Жанна, если он только вздумает, то прикончит меня. Я прямо не знаю, что делать. Ради всего святого, придумайте какой-нибудь выход. Испробуйте свою веселость, женскую хитрость. Все, что захотите! Хуже вляпаться мы уже больше не можем.

Усталая Жанна опустила на землю. Ее точно оглушило. Какая-то большая опасность нависла над ней. Люди, подобные Робертсу, зря так не говорят. Смелая девушка привыкла ко всяким опасностям. Однако здесь дело шло о чем-то совершенно ином. Она не вполне уяснила еще себе намеки Робертса. Почему его непременно должны убить? С собой у них не было ни денег, ни драгоценностей. Даже их лошади не были настолько хороши, чтобы пробудить разбойничьи аппетиты. Вероятно, опасность для нее и для Робертса заключается в том, что она – девушка и может сделаться добычей этих бандитов. Подобные истории она уже не раз слыхала. Но ведь Робертс защитит ее, и, кроме того, этот любезный, воспитанный Келс так не похож на обычных диких грубиянов.

Так она сидела, терзаясь душою и переходя от опасности к предчувствию всяческих неожиданностей. Тем временем мужчины занялись устройством лагеря. Казалось, ни один из них не замечал ее. Во время работы они болтали, смеялись

и перешучивались между собой, как будто были обыкновенными работниками. Келс наносил воды, разжег костер и наломал кедровых веток, чтобы ночью поддерживать огонь. Один из незнакомцев, которого они называли Биллом, спутал лошадей и, развязав узел, достал холщовую простыню, Робертс месил тесто для лепешек.

В красном зареве садилось солнце; воздух отсвечивал дрожащим пурпуром. Но вскоре краски поблекли. Темнота уже окутала лес, когда, наконец, Робертс подошел к Жанне, держа в руках хлеб, кофе и кусок жареной дичи.

– Вот ваш ужин, Жанна! – воскликнул он громко и весело, и тут же тихо добавил: – Может быть, все обойдется хорошо. Выглядят-то они довольно приветливо, но я все-таки боюсь, Жанна. Если бы вы только не были так чертовски хороши, и если бы он мог каким-нибудь чудом не увидеть вас.

– А не можем ли мы ночью улизнуть? – тихо спросила Жанна.

– Попробовать было бы не худо, но вряд ли это помогло бы нам, если только эти парни задумали плохое. Я еще не знаю, что нас ожидает. Хорошо, если вы разыграете пугливую овечку. Только не теряйте мужества.

После этого он снова вернулся к костру. Жанна была голодна и с удовольствием подкрепила свои силы. Несмотря на свою все еще не улегшуюся тревогу, она почувствовала любопытство. Ей стало даже казаться, что это неожиданное приключение вовсе не лишено некоторой прелести. Она все-

гда была страстной натурой, с сильной волей и хорошим самообладанием. И всегда ее тянуло куда-то вдаль, к чему-то неизвестному. А к чему, собственно, она даже и сама точно не знала.

Ночь наступила черная, густая. Бледный Млечный Путь, весь пронизанный звездами, раскинулся по темно-голубому небу. Ветер стонал в верхушках кедров и раздувал огонь в костре. Искры летели во все стороны, исчезая в темноте. Легкая струйка дыма, долетавшая до Жанны, нежно и приятно пахла паленым кедром. Где-то далеко в кустах лаяли койоты, и с холмов доносился упорный вой волка. Лагерная жизнь не была в новинку для Жанны. На телегах и в фурах переезжала она по равнинам, и не раз ее провожал протяжный клич враждебных индейцев. Со своим дядей она по неделям жила в горах в поисках золота. Но еще никогда так живо не проникала в ее душу вся прелесть этой дикой и пустынной местности, как в эту ночь.

Жанна видела Робертса, стоящего на коленях и посыпавшего костер мокрым песком. Его большая, косматая голова кивала, озаренная светом пламени. Он производил впечатление глубоко задумавшегося, тяжело удрученного человека. Человек, названный Биллом, и его товарищ прислонились спинами к обломку скалы и о чем-то тихо разговаривали между собой. Келс стоял во весь рост возле самого костра. Держа в руке трубку, он глубоко вдыхал дым и затем медленно выпускал его к небу. Издали в его фигуре не было ничего

внушительного, и ничего сколько-нибудь интересного в его лице. Однако уже с первого взгляда было ясно, что этот человек выделялся из ряда обыкновенных людей. От него веяло энергией и властностью. По временам он бросал взгляды в сторону Жанны, но она не была в этом точно уверена, ибо издали его глаза походили на два круглых темных пятна. Сбросив куртку, он остался в расстегнутой жилетке, из-под которой виднелась мягкая пестрая рубашка с черным галстуком, беспорядочно болтавшимся на шее. С его бедер свисал широкий пояс, на конце которого торчал в кобуре тяжелый револьвер. «Странный способ носить револьвер, – подумала Жанна. – Прямо смешно! Во время ходьбы ремень, вероятно, болтается взад и вперед и бьет хозяина по ногам».

– Скажите, у вас есть одеяла для девушки? – вдруг спросил он Робертса, вынув трубку изо рта.

– У меня есть только одеяла из-под седла, – ответил Робертс. – Мы, видите ли, не думали, что нам придется заночевать в горах.

– Можете взять мое, – сказал Келс и отошел от огня. – Будет очень холодно. – Через минуту он возвратился с одеялом и бросил его Робертсу.

– Очень благодарен, – пробормотал тот.

– Я буду спать тут, возле костра, – продолжал Келс и, опустившись на землю, погрузился в размышления.

Собрав свои подстилки и предложенное одеяло, Робертс направился к Жанне. Бросив все на землю, он принялся но-

гами и руками расчищать от камней и сучьев место на земле.

– Чертовски каменистое ложе, – сказал он, – но, надеюсь, что хоть немножко вы все-таки поспите.

Раскладывая одеяла, Робертс незаметно дернул Жанну за платье.

– Я буду совсем близко от вас, – прошептал он, прикрывая рот своей широкой рукой, – и ни на секунду не сомкну глаз.

После этого он вернулся обратно к костру, а Жанна послушно улеглась на свои одеяла. Разговор разбойников утих. Однажды Жанна услышала звон шпор и треск кедровых веток. Спустя мгновение к ней подошел Робертс, таща за собою свое седло, и улегся возле нее. Слегка приподнявшись, Жанна увидела около костра неподвижно сидящего, задумавшегося Келса. Он выглядел нервно и взволнованно. Она вновь медленно опустилась на свое ложе и устремила взгляд к далеким, ярким звездам. Что-то будет теперь с ней?

Спать она не должна. Об этом нечего и думать. Внезапно в ее лихорадочно работавшем мозгу мелькнула мысль тихонько прокрасться к лошадям. Этот план некоторое время сильно занимал ее, но затем она отказалась от него: слишком хорошо ей были известны условия этой местности.

Время шло, становилось поздно. Огонь в костре то замирал, то снова ярко вспыхивал, тени то сгущались, то рассеивались. По временам кто-нибудь из мужчин вставал и подбрасывал в огонь веток. Стук спутанных лошадиных ног гулко звучал в ночной тишине. Ветер утих, и койоты примолк-

ли. Глаза Жанны слипались, как будто веки ее были смазаны клеем. Постепенно исчезало ощущение ночной поры, дикой местности, исчезло и само убаюкивающее чувство сонливости...

Когда она проснулась, было очень холодно. Верхушки кедров поблескивали в красноватых лучах восходящего солнца. Костер весело трещал, и синий дым, клубясь, вздымался к небу. Вздрыгнув от неожиданного воспоминания, Жанна быстро села. Робертс и Келс возились у костра. Человек по имени Билл носил воду. Другой разбойник только что пригнал лошадей и снимал с них путы. Казалось, Жанна для них не существовало. Встав на ноги, девушка кое-как пригладила свои сбившиеся волосы, которые во время верховой езды всегда носила заплетенными в толстую косу. Значит, она все-таки спала, как есть – в сапогах. Этого с ней до сих пор не случалось. Когда она подошла к ручью, чтобы вымыть лицо и руки, ее спутники все еще ни разу не взглянули на нее. Робкая надежда шевельнулась в ее груди: может быть, Робертс все-таки преувеличил опасность? Лошадь Жанны была с норовом и никого чужого к себе не подпускала. Узнав, что путы ее лошади оказались порванными, Жанна отправилась искать ее и зашла так далеко, что лагерь скрылся из виду. Поймав коня, она возвратилась обратно и крепко его привязала. Затем решила подойти к огню и поздороваться с мужчинами.

– Добрый день! – сказала она весело.

В эту же самую минуту Келс повернулся к ней спиной, ни одним жестом не показав, что слышал ее. Билл бесцеремонно уставился на нее, но также не проронил ни слова. Один Робертс ответил на ее приветствие, но, услышав его голос, она удивленно взглянула на него. Он сейчас же отвернулся. Его лицо было мрачно и озабоченно.

Радостное, полное надежды настроение Жанны в тот же миг исчезло. Неожиданно во всех своих членах она почувствовала странную, гнетущую тяжесть. С большим трудом дойдя до ближайшего камня, она с облегчением на него опустилась. Робертс принес ей завтрак, но ничего не сказал и старался не смотреть на нее. Его руки дрожали. Жанна испугалась.

Внезапно она заметила, что Келс и Робертс о чем-то спорят, но говорили они настолько тихо, что разобрать их слов Жанна не могла. Она видела, как Робертс сделал протестующее движение. Но его собеседник оставался по-прежнему холоден, непреклонен и повелителен. Он даже перестал отвечать, как будто вопрос был вполне решен. Робертс же поспешно и взволнованно схватил свой тюк и подвел лошадь. Животное все еще хромало, но чувствовало себя уже гораздо лучше. Оседлав коня, Робертс крепко привязал тюк. После этого он стал готовить лошадь Жанны. Когда все было готово, он повернулся к девушке с видом человека, которому предстоит лицом к лицу столкнуться с неминуемой опас-

ностью.

– Вперед, Жанна! Мы готовы! – крикнул он. Его голос прозвучал громко и неестественно.

Жанна встала, намереваясь подойти к нему, но в ту же минуту Келс преградил ей дорогу. Она могла и вовсе не трогаться с места, так как этот жуткий человек, казалось, совершенно не замечал ее присутствия. Подойдя к Робертсу, он тихо произнес:

– Робертс, садитесь на свою лошадь и убирайтесь отсюда. Слыхали?

Вместо ответа Робертс отбросил поводья и выпрямился. Этот жест был гораздо отважнее всего его поведения до этой минуты. Возможно, что он сбросил маску: неясные страхи сделались очевидностью, хитрость и притворство не помогли. Настала минута, когда он должен был действовать прямо. Глубокое волнение отразилось на его лице, побледневшем и суровом.

– Нет, – сказал он, – без девушки я не поеду.

– Но вам не удастся взять ее с собой.

Услышав это, Жанна вздрогнула. Так вот что ей предстояло! Ее сердце вдруг почти перестало биться. Вся дрожая, она уставилась на обоих мужчин.

– Ой ли! В таком случае, я остаюсь с вами, – ответил Робертс.

– Ваше присутствие здесь нежелательно.

– Ха! Все равно я не отстану.

«Пока это только игра слов», – подумала Жанна. В Робертсе она почувствовала свирепую решимость пойти на встречу неминуемой опасности. А голос Келса! Что таилось в этом голосе? Он был все так же ровен, непринужден и любезен.

– Я не думал, что вы так неразумны, Робертс, – сказал он. Робертс молчал.

– Отправляйтесь домой! Болтайте или молчите, как вам угодно будет, – продолжал Келс. – Когда-то в Калифорнии вы оказали мне услугу. Подобных вещей я никогда не забываю. Образумьтесь и уезжайте.

– Только с девушкой, иначе... – заявил Робертс, и руки его странно задержались, задрожали.

От Жанны не ускользнуло особенное напряжение бледно-голубых глаз, наблюдавших за лицом, взглядом и руками Робертса.

– Стоит ли нам бороться? – спросил Келс и холодно рассмехался. – Ей это не поможет... Вам-то уже должно быть заранее известно, чем может кончиться дело.

– Келс, пусть я подохну, но девушка не останется в ваших лапах! – страстно воскликнул Робертс. – Я же вовсе не собираюсь торчать здесь и спорить с вами. Пустите ее ко мне, или...

– Вы не кажетесь мне дураком, – прервал его Келс, и голос его зазвучал урезонивающе и холоднее. Какая-то особенная сила и уверенность крылась в нем. – Я не любитель разгова-

ривать с глупцами. Используйте возможность, которую я вам предлагаю. Уезжайте! Жизнь дорога, голубчик... Вы ничего не выиграете здесь. И, кроме того, что за важность, одной девушкой больше или меньше?

– Келс, пусть я дурак, но я мужчина, – ответил Робертс. – Вы же какой-то дьявол, а не человек. Это я узнал еще там, на золотых россыпях. Вы способны произносить сладкие, приятные слова, без малейшего понятия о мужском долге... Пустите девушку ко мне, или я буду стрелять!

– Робертс, разве у вас нет жены или детей?

– Да! – хрипло крикнул Робертс. – И эта же жена стала бы презирать меня, если бы я добровольно отдал вам Жанну Рэндль. У меня также есть взрослая дочь. Как знать, может быть, и ей когда-нибудь понадобится мужчина, который бы защитил ее от таких типов, как вы, Джек Келс.

Однако вся пылкость и пафос Робертса не произвели на бандита ни малейшего впечатления. В эту минуту особенно ярко сказалась страшная и бессердечная сущность Джека Келса.

– Намерены вы убираться или нет?

– Нет! – загремел Робертс.

До этой минуты быстрый обмен словами между ее другом и врагом совершенно парализовал Жанну. Но затем ее охватил настоящий ужас. Она видела, как Робертс нагнулся подобно затравленному волку. Безумная ярость душила его. Он дрожал от гнева. Вдруг его плечо рванулось, рука взлете-

ла вверх... Жанна в ужасе метнулась в сторону, закрыла глаза и, схватившись за голову, куда-то побежала. Позади нее грянул выстрел.

Глава III

Она бежала все дальше и дальше, спотыкаясь о камни и сучья. В глазах ее темнело, душу охватывал панический ужас. Неожиданно кто-то схватил ее сзади. Объятия были крепки и ловки, точно змеиные кольца. Она чувствовала дурноту, но сознавала, что не смеет упасть в обморок. Сильно рванувшись, она высвободилась. Схвативший ее был человек, прозванный Биллом. Он бормотал что-то непонятное. Добравшись до ближайшего засохшего кедра, она прислонилась к нему, стараясь побороть слабость и холодный ужас, чем-то осязаемым застывший в ее мозгу, крови и мускулах.

Придя немного в себя, она оглянулась и увидела подходившего к ней Келса; он вел под уздцы лошадей. Взглянув на него, она вся вспыхнула от гнева, но мысль о Робертсе опять смяла ее мужество.

– Ро... Робертс? – прошептала она.

Келс бросил в ее сторону пронизывающий взгляд.

– Мисс Рэндль, мне пришлось слегка умерить пыл вашего друга, – сказал он.

– Вы... вы... Он мертв?

– Я только слегка обезвредил его правую руку, иначе он натворил бы немало беды. Теперь он, вероятно, по дороге обратно в Хоудли и сообщит обо всем вашим людям. Что ж, таким образом они хоть узнают, что вы в безопасности.

– В безопасности?! – прошептала Жанна.

– Совершенно верно, мисс Рэндль, если вы хотите попасть на границу, то, черт возьми, это вам удастся только со мной.

– Но я хочу домой! О, прошу вас, отпустите меня обратно.

– Об этом не может быть и речи.

– Но... тогда для чего же я вам нужна?

И снова скользнули по ней его серые глаза; они были ясны, без малейшей тени, словно кристаллы, без холода, без тепла, без выражения.

– Через вас я получу порядочную толику золота.

– Золота? – недоумевающе спросила она.

– Да, я потребую за вас выкуп. Рано или поздно, а ваши старатели должны напасть на богатую золотonosную жилу. Пребогатеишую даже. Это я знаю наверное. Как-нибудь да должен же я зарабатывать свой хлеб.

С этими словами Келс крепко стянул ремни ее седла. Его голос, жесты, приветливая усмешка на его умном лице – все дышало неподдельной искренностью. И если бы не эти странные глаза, Жанна бесповоротно поверила бы ему. Однако сомнение не исчезало. Постепенно к ней вернулось мужество. И только мысль о Робертсе совершенно лишила ее сил, но узнав, что он ранен легко и находится на пути к дому, она ободрилась. Страх за свою жизнь перестал сковывать ее душу.

– Билл! – окликнул Келс одного из разбойников, стоявшего возле них и с усмешкой на красной нахальной роже при-

слушивавшегося к их разговору.

– Пойди и помоги Робертсу увязать тюки. После этого следуй за мной.

Кивнув головой, Билл отправился исполнять приказание.

– И еще, Билл, – добавил ему вслед Келс, – не говори Робертсу ни слова. Он сейчас же взлетит наверх, как бочка пороху.

– Ха-ха-ха! – загоготал Билл.

Грубый смех бандита резанул слух Жанны, хотя она и привыкла уже к черствым людям, высмеивающим самые тяжелые переживания.

– Вперед, мисс Рэндль! – сказал Келс, вскакивая на лошадь. – Нам предстоит долгий путь. Вам придется собрать свои силы. Советую спокойно следовать за мной и предупреждаю, что всякие попытки к бегству бесполезны.

Жанна села на свою лошадь и послушно поехала за Келсом. Один раз она оглянулась с тайной надеждой увидеть Робертса, но заметила только его оседланную лошадь и возле нее Билла, согнувшегося под тяжестью тюка и спотыкавшегося. Затем кедры сдвинулись и лагерь исчез. Следующей ее заботой было оглядеть и оценить лошадей. Она с раннего детства знала в них толк. Келс ехал на большом, ловком жеребце; ноздри животного говорили о его быстроходности и выносливости. Никогда не убежать ее пони от такой громадной скотины.

А тем временем настало розовое, ясное и холодное утро;

легкий сухой запах разлился в воздухе. Белохвостые олени большими прыжками уносились с полянок в чащу. Серые блестящие горы своими черными выступами бросали тень на лежащие у их подножия холмы.

Жанну обуревали самые противоречивые чувства. Вот она едет с разбойником, грабителем больших дорог, представляя собою залог. Все это казалось невероятным. Страх перед возможными опасностями все еще не покидал ее. Попробовала было изгнать из своей памяти слова Робертса, но они беспрестанно преследовали ее. «Будь вы не так красивы», – сказал он. Жанна хорошо знала достоинства своей внешности, которая, правда, до сих пор не причиняла ей никаких особых хлопот. Если Келса заинтересовало именно это обстоятельство, – как полагал Робертс, – то это было очень странно. Келс едва удостаивал ее взглядом. Золота, одного золота жаждут подобные люди. Она задавала себе вопросы, какую потребууют за нее сумму, откуда ее дядя достанет эти деньги и действительно ли предвидится находка богатой золотоносной жилы?

Жанна вспомнила свою мать, которая умерла, когда она была совсем маленькой девочкой, и сладкая печаль наполнила ее душу. Затем эта печаль прошла, и она мысленно представила себе дядю – этого большого, добродушного и славного старика, с его громким смехом и любовью к ней. Он всегда твердо верил, что в самом скором будущем откроет богатые залежи золота. Какую бурю поднимет он в деревне,

когда узнает о ее похищении!

Неожиданно Жанна вспомнила о Джиме Клэве, главном виновнике ее настоящего положения. За это время она ни разу не подумала о нем. Как было приятно узнать, что он заступился за нее и умолчал об этом! Если рассудить, то в общем она неправильно его оценивала. Ведь, по существу, она ненавидела его за то, что он ей нравился, а может быть, и больше. Эта мысль поразила ее. Она тотчас же вспомнила о его поцелуях и снова вся загорелась от возмущения. Если она и ненавидит его, то по крайней мере ненависть эта теперь является ее долгом. Парень он был всегда довольно безалаберный, бегал за ней точно собачонка и служил мишенью для насмешек всей деревни. Его поведение нередко давало повод ее друзьям и остальным кавалерам думать, что он ей нравится больше других. Однако теперь все выглядело иначе. Где-то он теперь? Джим поехал к границе с отчаянным намерением отыскать Келса и Гульдена, этих страшных и разнузданных главарей шайки. Он и Келс должны встретиться. Джим найдет ее в плену у Келса, и тогда... тогда начнется сплошной кошмар! – подумала Жанна.

Эта возможная встреча снова глубоко взволновала ее и пробудила прежние страх и ужас. Но в ее душе в эту минуту пробудилось новое чувство. С бьющимся от волнения сердцем она проверяла эту новую сторону своего существа, борясь со смущением, стыдом и недоверием.

Пока в ее уме одна мысль сменяла другую, часы летели, и

дорога шла то круто в гору, то под гору. Бесконечные холмы предшествовали цепи гор.

Наконец Келс остановился у покрытого зеленой тиной болотистого ручья.

– Слезайте! Здесь мы пообедаем и дадим передохнуть лошадям, – сказал он Жанне. – Ну и молодец же вы! Ведь сегодня мы отмахали около двадцати пяти миль.

Только сойдя с лошади, Жанна почувствовала, как ныли ее ноги и как приятно было снова их выпрямить. Оглянувшись назад, она увидела двух остальных разбойников с лошадьми и поклажей. Привыкшая к острой наблюдательности, она заметила с ними еще одну лишнюю лошадь, но решила, что просто с самого начала не обратила на нее внимания. Затем она принялась наблюдать за Келсом, распрягавшим лошадей. Жилистый и сильный, он двигался быстро и ловко. Большой, голубоватый револьвер болтался у него сбоку. Этот револьвер до смешного притягивал к себе внимание Жанны. Келс не стал спутывать ног лошадям. Похлопав своего рыжего по ляжке, он погнал его вниз к ручью. Пони Жанны последовал за жеребцом. В эту минуту подъехали двое остальных с поклажей. Жанна обрадовалась. Она почувствовала, что будет гораздо лучше для нее не оставаться с Келсом наедине.

– Сними тюки, Билл, – приказал Келс.

Снова развели костер и взялись за приготовления к обеду. Насвистывая какую-то песенку, Келс пошел к ручью.

Билл тотчас же воспользовался этим и нахально уставился на Жанну. Она сделала вид, что совершенно не замечает его и, наконец, совсем отвернулась. Мужчины захихикали.

– Вот гордая, ведьма! Но меня не проведешь. Я на своем веку достаточно возился с бабами. – При этих словах Галлоуэй громко заржал, и, сдвинув головы, они принялись обмениваться какими-то таинственными замечаниями. Келс вернулся, неся полное ведро воды.

– Какая муха укусила вас, молодцы? – спросил он.

Оба повернулись к нему с нахально-невинным видом.

– Как будто та же, которая и тебя щекочет, – ответил Билл. Из этого ответа было видно, какую большую роль играл случай в жизни этих необузданных людей. Незначительное происшествие мгновенно разжигало их страсти и круто изменяло взаимоотношения.

– Сам знаешь, хозяин, что это не совсем обычная для нас компания, – добавил Галлоуэй с примирительной усмешкой. – Вот Билл понемногу и оттаял. Ничего не поделаешь. Я его знаю постоянным брюзгой и злоюкой, а тут словно кто подменил парня. От души радуюсь за него.

Келс не стал дальше слушать и снова взялся за свою работу. Теперь Жанна увидела его глаза совсем близко, и снова ее охватил испуг. Они не походили на обычные человеческие глаза: то были два круглых серых пятна, два непроницаемых отверстия, в которых ничего не отражалось и которые все же таили в себе что-то ужасное.

Вскоре мужчины принялись за обед с таким аппетитом, который может проснуться только после долгого пребывания на свежем воздухе и быстрых движений. Жанна сидела поодаль, на берегу ручья, и, пообедав, улеглась в тени ольхи.

Топот и фырканье лошадей разбудили ее, и, вскочив на ноги, она увидела своих спутников за упаковкой и заседлыванием коней. До сих пор Келс говорил с ней всего два раза. Она была благодарна за такую молчаливость, но о причине этого не догадывалась. Келс казался все время погруженным в какие-то мысли, и это совсем не подходило к любезному выражению его лица. Он выглядел мягким и добродушным, его голос звучал тихо, и от всего его существа веяло дружелюбием. Однако Жанна уже знала, что он далеко не тот, кем кажется. Что-то есть у него на уме. Но, конечно, то не были ни укоры совести, ни какая-либо сердечная печаль. А вдруг в его уме созрел какой-нибудь новый, дерзкий план? Жанна робко спрашивала себя, касались ли его мысли только денег, которые он хотел получить за нее?

Когда все было готово, она поднялась. Внезапно жеребец Келса заартачился. Билл протянул Жанне повод ее лошади, и руки их соприкоснулись. Это прикосновение было сплошной случайностью, но ей показалось, что Билл нарочно хотел схватить ее за руку. Она моментально отдернула свою, а его загорелое лицо залила густая темная краска. Протянув к ней руки, он схватил ее за грудь. Это был грубый, понукающий жест. Она поняла, что иначе он и не мог заставить ее взять

повода. В его жесте не было ничего двусмысленного. Однако это грубое, звериное прикосновение заставило ее отшатнуться назад. При этом она даже вскрикнула.

Внезапно возле нее раздались быстрые шаги и свистящее дыхание, похожее на змеиное шипение.

– А, Джек! – крикнул Билл.

С мягкостью дикой кошки к ним подскочил Келс и, взметнув револьвер, выстрелил прямо в лицо Билла. Последний тяжело грохнулся на землю и остался лежать с большой кровавой раной на лбу. Нагнувшись к нему, Келс медленно опустил свой револьвер. Жанна решила, что он хочет еще раз выстрелить.

– О, не надо, не надо! – крикнула она. – Он ничего не сделал мне!

Келс оттолкнул ее от себя. Лицо его не изменилось, но глаза были ужасны. В самой глубине серых кружков прыгали странные красные искорки.

– Возьмите свою лошадь! – приказал он. – Нет, перейдите ручей вброд. Там вы найдете дорогу. Поезжайте по ней. Я догоню вас. Не бегите и не прячьтесь, это только ухудшит ваше положение. Ну, быстреей!

Жанна повиновалась. Она прошла мимо разинувшего рот Галлоуэя и, переходя с камня на камень, перебралась на противоположный берег ручья. Найдя тропинку, быстрым шагом направилась по ней. Девушка ни разу не оглянулась, ей ни разу не пришла в голову мысль спрятаться или попробовать убежать. Она слепо повиновалась, чувствуя над собой чью-то давящую силу, бесповоротно подчинившую себе ее волю. Один раз она услышала голоса и ржание лошади. Вдруг послышались как будто выстрелы. Жанна остановилась и начала прислушиваться. Но больше ничего не было слышно, кроме бульканья быстрого ручья и свиста ветра в вершинах сосен.

Громкий окрик заставил ее оглянуться назад. Две лошади с тюками бежали по тропинке. Келс гнал их перед собой и держал под уздцы пони Жанны. Двух остальных бандитов нигде не было видно. Бросая ей повод, Келс приказал:

– Садитесь!

Она повиновалась. Затем храбро взглянула в его лицо.

– А где же те двое? – спросила она.

– Мы расстались, – был короткий ответ.

– Почему? – настаивала она.

– Ну если вам так хочется знать... Потому что вы чересчур сильно завоевали симпатию этих двух молодчиков.

– Завоевала их симпатию? – растерянно воскликнула Жанна.

На одно мгновение серые глаза Келса остро впились в нее, но тотчас же снова скользнули в сторону. Она поняла сокровенный смысл его слов. Он подозревал ее во флирте с теми двумя негодьями и в намерении с их помощью ускользнуть от него. Но ее лицо доказало ему, что это подозрение беспочвенно. «Не поможет ли мне, – подумала Жанна, – хорошо разыгранное непонимание его намерений и нарочитая невинность?» И она решила использовать всю свою женскую хитрость, свою способность к острой наблюдательности и свой ум. Ведь, к счастью, она имела дело с культурным человеком, решившим жить жизнью разбойника и отщепенца. Глубоко в его душе, может быть, еще дремлют воспоминания о другой жизни. А воспоминания можно пробуждать...

– Билл и его товарищ слишком заинтересовались... выкупом, которого я сам жажду, – продолжал Келс с коротким смехом. – А теперь вперед! Держитесь поближе ко мне.

Они двинулись, а у Жанны все еще звучал в ушах этот смех. Неужели она ошибалась, уловив в нем насмешливую

нотку? Внезапно она почувствовала себя беспомощной и несчастной. Они въехали в ущелье. Извилистая тропинка, бежавшая теперь вдоль желтых стен, судя по виду, вероятно, редко кому служила проезжей дорогой. Громкий треск диких зверей в кустах, почти ручных кроликов и тетеревов, медленно разбегавшихся при их появлении, свидетельствовали о дремучей глуши этого места.

Наконец они проехали мимо старого развалившегося блокгауза, вероятно, когда-то служившего убежищем для золотоискателей и охотников. В этом месте тропинка кончалась, и Келс свернул в сторону. Горы становились все выше, деревья гуще, окрестности шире.

На одном из поворотов вторая нагруженная лошадь, видимо, еще не приученная к такой работе, вдруг целиком показала глазам Жанны, и та сразу же решила, что где-то раньше видела эту лошадь. Вряд ли то было мимолетное впечатление, оставленное лошадьми Келса или Билла. Она принялась внимательно следить за животным, изучая его ход и повадку. Ей вовсе не потребовалось много времени, чтобы увидеть, что то была не выючная лошадь. Поклажа явно раздражала ее, и она всячески старалась подладиться под груз. Это обстоятельство сильно взволновало Жанну, и она стала еще внимательнее следить за лошадыю. Вдруг ей вспомнилась лошадь Робертса. У нее разом захватило дыхание, снова зашевелился прежний холодный, грызущий страх. Жанна закрыла глаза, желая как можно точнее припомнить все особен-

ности жеребца, принадлежавшего Робертсу: белая передняя нога, старый ожог, лохматая челка и затем один совершенно особый признак – белая узкая полоска поперек морды. Вспомнив все эти признаки, Жанна почувствовала, что обязательно найдет их у этой лошади, и боялась открыть глаза. Но, принудив себя взглянуть на нее и найти три первые отметины, она все-таки еще надеялась не встретить последней решающей. Но в эту минуту осторожно ступавшая лошадь повернулась к ней и показала свою морду с поперечной белой полоской.

Итак, Робертс не поехал домой. Келс солгал ей. Келс убил Робертса. Как это просто и ужасно! Он оправдал мрачные предсказания Робертса. Жанна почувствовала себя несчастной, голова ее закружилась, и она закачалась в своем седле. С охватившим ее ужасом она боролась, как с диким зверем. Низко наклонившись вперед, закрыв глаза, она предоставила своему пони самому выбирать дорогу. Открытие ошеломило ее. Борясь со своей мучительной слабостью, она остро и ярко проникла в сущность своего положения. Она поняла Келса и грозившую ей опасность. Все стало ясно, беспощадно и неотвратимо. Как ребенок, дала она себя обморочить. Вся эта болтовня о выкупе – сплошная ложь; ложь и то, что он расстался с Биллом и Галлоуэем только из одного нежелания поделиться с ними деньгами. Всякая мысль о выкупе казалась попросту смешной. С самого первого мгновения Келс хотел только одну ее; он пробовал убедить Робертса

оставить ее у него, а когда это не удалось, убил его. Точно так же отделался он и от тех двух бандитов. Теперь Жанна знала, что слышанный ею шум у ручья действительно был выстрелами. Все эти мрачные размышления еще больше подчеркнули намерения Келса. Перед ее глазами ясно встала ее судьба – страшнее всякого плена, пытки и даже самой смерти, – худшее из несчастий, когда-либо постигавших женщину.

Действительность оказывалась тем чудовищнее и невероятнее, чем менее она раньше верила подобным рассказам. Если ее друзья вдалеке от опасности, мирно сидя за своей работой, пытались иногда описывать подобные истории, то они и наполовину не постигали всего того ужаса, который теперь ожидал ее. Нападение разбойников на почтовую карету, убийство и ограбление какого-нибудь одинокого золотоискателя, схватки в кабаках и на дорогах, бесполезное преследование отчаянных бандитов на границе, хитрых, как арабы, и ловких, как апаши, – все это достаточно страшно, но есть нечто еще более страшное. Настоящий смысл ее плена действовал на ум и мужество Жанны Рэндль подобно грубым, возмутительным ударам острых шпор. Теперь она должна бороться с Келсом всем, что только есть в ее распоряжении, всеми кошачьими хитростями, всем лукавством, всей особенной чертовской ловкостью, на какую только когда-либо была способна женщина. Она должна обмануть его, провести, убить... или же покончить с собой. Ее страх и отвращение ушли в самую глубину души и разбудили незнакомые

до сих пор ей силы. Страха она больше не испытывала. Она почувствовала себя равной этому человеку. Что ж, хорошо! Она пойдет ему навстречу, и кто проиграет – неизвестно.

Глава IV

Жанна ехала все дальше и все больше собиралась с силами, стараясь не встречаться с Келсом глазами. Наконец почувствовала, что больше ничем не выдаст себя.

Этого она добилась как раз в тот момент, когда путь их круто пошел под гору и ей пришлось следить за своей лошадью и думать о собственной безопасности. Затем Келс начал подниматься на одну из сплошь усыпанных глыбами гор. Временами Жанне приходилось идти за ним пешком. Бесконечно тянулась эта каменистая пустыня. Пробегавшие по полянкам лисицы и волки пугливо оглядывались на незнакомцев. Кругом высились темные вершины. Полдень уже давно прошел, когда они снова начали спускаться, зигзагами двигаясь по прорытым бурей ущельям и острым выступам.

Освещенная красным закатом, одинокая вершина отчетливо вырисовывалась на голубом небе. Наконец Келс остановил свою лошадь. Закончился самый длинный путь, когда-либо совершавшийся Жанной. Милю за милей пробиралась она то вверх, то вниз по едва уловимым извилистым тропкам и вот проникла в самую сердцевину гор.

Место, где они остановились, представляло собой самое дикое и прекрасное зрелище, какое ей когда-либо приходилось встречать. Отсюда начиналась узкая ложбина, окруженная невысокими стенами, сплошь покрытыми густой травой,

дикими розами, соснами и бальзамином. Между деревьями, наостривши уши, неподвижно стояли любопытные лани. В волнующейся траве сновала масса мелких зверьков.

Под громадным бальзаминовым деревом Жанна увидела открытый маленький блокгауз. Судя по свежей желтизне балок, домик этот был построен совсем недавно.

Одним быстрым взглядом охватила Жанна особенности этого уголка. Сойдя с лошади, Келс подошел к ней. Она открыто взглянула на него, хотя и не прямо в глаза.

– Я так устала, что, пожалуй, мне даже не слезть самой, – сказала она.

– Пятьдесят миль то в гору, то под гору. И ни разу не запыть при этом! – воскликнул он, пораженный. – Вы настоящий молодец!

– Где мы находимся?

– Это «Последняя ложбина». Очень немногие знают ее, и эти немногие – мои подчиненные. Я решил доставить вас сюда.

– Надолго? – спросила она, чувствуя его упорный взгляд.

– Гм! До тех пор, пока... – медленно произнес он, – пока я не получу своего выкупа.

– Какую сумму вы потребуете?

– Сейчас вы стоите сотни тысяч золотом... Возможно, что потом я соглашусь отпустить вас и за меньшую сумму.

Жанне было понятно двусмысленное, почти обнаженное значение его слов. Он оглядел ее.

– О, мой бедный дядя! Никогда-то не найдется у него столько денег!

– Найдется! – сурово сказал Келс.

Подойдя к ней, он помог ей сойти с лошади. Все ее члены затекли, и, беспомощная, она доверилась его рукам. Келс обращался с ней нежно и по-джентльменски. Первая мучительная проба окончилась для Жанны благополучно. Интуиция не обманула ее. Ход был сделан правильный. Келс мог быть самым опустившимся из всех негодяев, да, по всей вероятности, он и не представлял собою ничего иного; однако присутствие девушки, несмотря даже на его грубое желание, вызвало смутные воспоминания о том времени, когда, живя среди других людей, он сам был совсем другим человеком. Это последнее звено, связывавшее его с прошлым и с его лучшим «я», как раз и поддерживало мужество Жанны. Она видела предстоящую ей трудную и опасную игру, на которую шла.

– Вы весьма благовоспитанный разбойник, – заметила она. Но он не услышал ее слов или же просто не обратил на них внимания. Его глаза оглядывали ее с головы до ног. Внезапно он подошел к ней почти вплотную, точно желая померяться с ней ростом.

– Я и не думал, что вы так высоки, вы выше моего плеча.

– Да, я очень тощая и длинная.

– Тощая? Нисколько! У вас прекрасная фигура, высокая, гибкая, сильная. Вы похожи на одну наездницу, которую я

некогда знал. Вы – прекрасное создание, знаете ли вы это?

– Приблизительно. Мои знакомые не решаются льстить мне так прямо. Ну, а от вас мне, вероятно, волей-неволей придется принять это. Но, признаться, я вовсе не ожидала, что мне придется выслушивать комплименты от Джека Келса, атамана пограничного легиона.

– Пограничного легиона? Откуда у вас это название?

– Я нигде его до сих пор не слышала. Оно пришло мне в голову только сейчас.

– А! Это блестящая мысль, и я использую ее... со временем. Ну-с, а как вас зовут? Я слышал, как Робертс называл какое-то имя.

При имени Робертса Жанна почувствовала, как ужас ущемил ее сердце, однако она даже глазом не моргнула.

– Меня зовут Жанна.

– Жанна! – Положив свои тяжелые, жесткие руки ей на плечи, он повернул ее лицом к себе.

И снова увидела она его взгляд, странный, точно отблеск солнца на льду. Ей волей-неволей приходилось смотреть на него, и это было самым тяжелым испытанием. Часами подготавливалась она к этому моменту, настраивала себя, напрягалась как струна. Теперь она быстро подняла на него взор. Ах, эти глаза! Два окна в серую бездну ада. Но она глядела в них, в этот полный мрак и бездушие, и ее взгляд выражал одну только робость, испуг и неведение невинной девушки.

– Жанна! Знаете вы, для чего я привез вас сюда?

– Конечно, вы уже говорили мне об этом, – ответила она твердым голосом. – Вы хотите получить за меня выкуп... Но я боюсь, не придется ли вам отправить меня обратно домой, не получив за меня ни цента.

– Догадываетесь ли вы, что я с вами сделаю? – продолжал он хрипло.

– Со мной сделаете? – повторила она, не дрогнув ни мускулом. – Вы... вы ничего не говорили мне... Я не думала больше ни о чем... Но ведь вы не сделаете мне ничего дурного – не правда ли? Я ведь не виновата, что у моего дяди нет денег, чтобы выкупить меня.

– Понимаете вы, что я хочу сказать? – спросил он, сильно встряхнув ее за плечи и мрачно глядя на нее.

– Нет! – Она сделала попытку сбросить с себя его руки, но тем сильнее и крепче он держал ее.

– Сколько вам лет?

– Мне? Семнадцать, – ответила она. Ложь легко слетела с этих губ, всегда ненавидевших всякую фальшь.

– Семнадцать? – удивленно воскликнул он. – Честное слово?

Вместо ответа она презрительно закинула голову.

– А я считал вас за женщину, по крайней мере, лет двадцати пяти, но никак не меньше двадцати двух. Семнадцать при такой фигуре! Совсем девчонка, ребенок! Ведь вы же еще ничего не понимаете!

И, почти оттолкнув ее, точно сердясь не то на себя самого, не то на нее, он пошел к лошадям. Жанна направилась к хижине. После этого первого столкновения и пережитого напряжения Жанна почувствовала во всем своем теле полную разбитость. Но тем не менее она поняла, что хорошо закинула петлю, и ее душевное равновесие сразу же восстановилось.

Дикий вид места ее заточения странно очаровывал ее. Под бальзаминовым деревом лежали два больших плоских камня, исполнявших, очевидно, роль скамеек, возле которых пробегал быстрый, неширокий ручеек. На стволе дерева Жанна заметила что-то белое и, подойдя ближе, увидела червонный туз, пригвожденный к коре несколькими пулями. Каждая отдельная дырочка касалась красного сердечка, но один выстрел пронзил его насквозь. Под этой дырочкой стояло грубо нацарапанное карандашом имя «Гульден». Когда Джим Клэв напугал ее именами Келса и Гульдена, ей и в голову не пришло, что дело идет о настоящих людях, с которыми ей придется встретиться и пережить столько страхов. Теперь же она была пленницей одного из них. Ей захотелось расспросить Келса, что представляет собою этот Гульден.

Блокгауз походил на коробку без окон, без печи; пол его был устлан сухими и полусгнившими ветвями бальзамина. Едва заметная тропинка шла от хижины вдоль ложбины. Жанна поняла, что эта дорога уже несколько месяцев не видала ни одной лошади. Келс в самом деле хорошо выбрал

место, запрятав ее в этой дыре. Только индеец мог бы проследить весь путь Келса, друзьям же никогда не отыскать ее в этой западне.

Долгая езда давала себя знать. Жанна разгорячилась. Вся она была покрыта пылью, руки расцарапаны, волосы растрепаны, юбка разорвана. Подойдя к своему седлу, она открыла потайной карман и пересчитала свои вещи. Их было немного, но теперь, принужденная жить в такой глуши, она очень их ценила. Достав полотенце, мыло и гребенку, она пошла к ручью и, засучив рукава, принялась приводить себя в порядок. Ловкими пальцами расчесав волосы, она сделала ту прическу, которую носила, когда ей было всего шестнадцать лет. Затем решительно направилась к Келсу, распрягавшему тем временем лошадей.

– Давайте я помогу вам приготовить ужин! – сказала она.

Стоя на коленях среди беспорядочно разбросанных по земле пакетов, он удивленно поднял на нее глаза; оглядев сперва ее прекрасно округленные, сильные, с нежным загаром руки, он остановился на ее лице, порозовевшем от усердного омовения ключевой водой, и воскликнул:

– Алло! Вы прямо прелесть, что за девушка!

Эти слова были сказаны с таким простым восхищением, безо всякой тени двусмысленности, что будь он даже сам дьявол во плоти, то и тогда этот комплимент можно было бы спокойно принять, просто как дань красоте и молодости.

– Рада слышать это, но, пожалуйста, не говорите мне этого

слишком часто, – просто ответила она и с деловитым видом быстро принялась помогать ему развязывать тюки. Когда все было приведено в порядок, она замесила тесто на лепешки, а он стал разводить костер. Он больше подчинялся ее ловкости, чем желанию помочь ей. Говорил он мало, но подолгу смотрел на нее и временами впадал в задумчивость. Положение было ново и странно для него. Иногда Жанна читала его мысли, но порой он становился для нее загадкой. Она хорошо сознавала, какое впечатление оказывает на него ее присутствие. С руками, запачканными мукой, склонившаяся над сковородкой, она знала, насколько такая женщина способна удивить мужчину. Вместо разбитой, расслабленной и тоскующей по своему дому девушки она показывала себя человеком с выносливой, богатой душой, который не падает духом даже в самую критическую минуту.

Вскоре они сели друг против друга и, скрестив ноги, принялись за ужин. Жанне все казалось сном, но она знала, что этот сон превратится в явь. Постепенно любезность исчезла с лица Келса и уступила место некоторой сухости. Он обращался к ней только тогда, когда подавал ей что-нибудь из еды: мясо, кофе или хлеб. После ужина он ни за что не разрешил ей вымыть сковородки и горшки и всю эту работу выполнил сам.

Жанна снова пошла под дерево и села недалеке от костра. Вся ложбина наполнилась пурпурными сумерками. Высоко на острой скале догорал последний луч заката. Ни ве-

терка, ни звука, ни малейшего движения. Жанна задумалась. Где мог сейчас находиться Джим Клэв? Как часто проводили они вместе такие вечера. Она вновь почувствовала гнев против него и, сознавая свою вину, по-прежнему обвинила одного его. Затем ей вспомнился дом, дядюшка и ее добрая тетка. Ах, как много у нее причин для горя! За этих дорогих ей людей она гораздо больше печалилась, чем за самое себя. На мгновение ее мужество ослабело. Беспомощная, растерявшаяся, раздавленная внезапным чувством горя и страха, она опустила голову на колени и закрыла лицо. Слезы принесли ей облегчение. Она забыла о Келсе и о той роли, которую решила играть. Но едва только его рука грубо коснулась ее, как она уже вновь овладела собой.

– Эй! Никак вы плачете? – сурово спросил он.

– А вы думали, смеюсь? – ответила Жанна, поднимая к нему свои полные слез глаза.

– Сейчас же перестаньте.

– Я не... не могу иначе – я... должна немного поплакать. Я вспомнила свой дом, людей, заменявших мне отца и мать с самого раннего моего детства. Я плакала... не о себе. Они там будут очень несчастливы. Меня очень любили...

– Ваши слезы все равно ничему не помогут.

Тут Жанна встала: вся ее искренность и непосредственность исчезли. То снова была женщина, задумавшая глубокую и хитрую игру.

Близко склонившись к нему, она прошептала:

– Любили ли вы когда-нибудь? Была ли у вас сестра, такая же девушка, как я?

Ни слова не сказав, Келс большими шагами удалился в темноту.

Жанна осталась одна. Она не знала, верно ли она истолковывает сейчас его настроение. Однако она все же надеялась, что ее слова разожгут в его сердце последнюю искорку доброты и сострадания. Лишь бы ей только удалось скрыть от него свой страх, свое отвращение к нему и его планам!

Боясь темноты, она развела яркий огонь. Воздух заметно посвежел. Сделав себе из седла и одеяла удобное сиденье, она примостилась на нем и принялась поджидать Келса. Вскоре в траве раздались шаги, и из темноты вышел Келс с вязанкой дров на плече.

– Ну как, справились вы со своим горем? – спросил он, подойдя к ней.

– Да!

Нагнувшись к ярко пылавшему в темноте углю, он зажег свою трубку и тоже сел поближе к огню. Освещенный красным светом пламени он выглядел менее грозным, жестоким и порочным. Он начал расспрашивать Жанну, где она родилась, и, получив ответ на один вопрос, уже задавал второй. Так продолжалось до тех пор, пока Жанна не догадалась, что его не столько интересуют ее ответы, сколько ее присутствие, голос, ее личность. Она поняла его одиночество и тоску по звуку человеческого голоса. От своего дя-

ди она слышала, что люди, обреченные жить в глуши из-за работы, заблудившиеся или же скрывающиеся нарочно, по ночам охвачены глубокой грустью и в золе костров нередко склонны увидеть близких и милых сердцу людей. Ведь как-никак, а Келс тоже был человеком.

И Жанна болтала с ним, как никогда еще в своей жизни. Весело и охотно рассказывала она ему о своем детстве и юности, обо всех своих радостях и горестях, вплоть до того момента, как она попала в Кэми Хоудли.

– В Хоудли у вас остался какой-нибудь любовник? – спросил Келс, немного помолчав.

– Да.

– И сколько?

– Весь наш лагерь, – ответила она со смехом, – но воздыхателями было бы гораздо лучше назвать наших славных ребят.

– Так значит, избранника еще нет?

– Едва ли, едва ли!

– А как бы вам понравилось, если бы вам пришлось остаться в этом месте, ну, скажем, навсегда?

– Совсем не понравилось бы, – ответила Жанна. – Подобная бивуачная жизнь, правда, не была противна мне, лишь бы только мои домашние знали, что я жива и невредима. Я очень люблю пустынные и красивые уголки. Чувствуешь себя такой далекой от всех, плотно и целиком окруженной скалистыми стенами и мраком. Тихо и чудно. Я обожаю звезды,

они точно говорят со мной. А прислушайтесь к ветру в соснах... Слушайте, как он тихо и жалобно стонет. Что-то шепчет, что мне и завтра понравилось бы здесь, если у меня не будет никакого горя. Ведь я же еще совсем маленькая. Я влезу на дерево и буду охотиться за зайцами и птицами. Ах, какие они прелестные! Совсем крошечные, только что родившиеся, мягкие, пушистые. Как они кричат и пищат, трясаясь от страха. Но ни за что на свете не прикоснулась бы я ни к одному из таких зверьков. Я не могу причинить кому-либо боли. Даже свою лошадь я никогда не бью и не колю шпорами. О, я так ненавижу всякую боль!

– Вы странная девушка! Как только вы смогли ужиться в этой стране? – сказал он.

– Я ничем не отличаюсь от других девушек. Вы просто не знаете их.

– Я когда-то прекрасно знал одну, но она довела меня до петли, – ответил он свирепо.

– До петли?

– Да, да, я говорю о виселице, о самой настоящей виселице. Но я обманул ее расчеты.

– О-о... Хорошая девушка?

– Испорченная! Испорченная до самой глубины своего черного сердца, такая же дурная, как и я! – воскликнул он с дикой страстностью.

Жанна вздрогнула. В одну минуту этот человек сделался мрачным точно сама смерть. Казалось, будто в дрожащем

свете костра он видит лица и духов своего прошлого.

– Почему бы нет? – продолжал он. – Почему бы сейчас не сделать то, что было невысказано в продолжение многих лет? Почему не сказать этого девушке, которая никогда ничего не выболтает... Все ли забыл? Клянусь, что нет! Слушайте, и вы узнаете, что я еще не совсем погибший человек. Меня не зовут Келсом. Я родился на Западе и посещал там школу до тех пор, пока не сбежал оттуда. Я был молод, честолюбив, необуздан. Прогорев, я начал красть. Совсем недавно я попал сюда, в Калифорнию, на золотые прииски. Тут-то я и сделался золотоискателем, игроком, разбойником – громилкой с большой дороги. Как во всех людях, во мне тоже жили злые побуждения, а за эти дикие годы они разрослись. Выхода у меня не было. Злоба, золото и кровь – все это одно и то же. Я натворил столько преступлений, что, наконец, ни одно место, даже самое надежное, не смогло быть безопасным для меня. Гонимый, преследуемый, голодный, обстреливаемый, почти уже болтающийся в петле... Вот когда я стал Келсом, предводителем шайки бандитов, которых вы называли пограничным легионом. Сколько всевозможных черных преступлений, но одно... самое ужасное... самое черное. Оно-то и преследует меня сегодня ночью, жжет меня!

– О, что за страшные вещи вы говорите! – воскликнула Жанна. – Что я могу сказать вам? Мне жалко вас. Я не верю всем этим ужасам. Какое... преступление может так жестоко преследовать вас? О, что-то еще будет этой ночью – здесь, в

этой пустынной ложбине?

Мрачный и устрашающий поднялся он.

– Девушка! – прохрипел он. – Этой ночью... этой ночью... Что вы сделали со мною? Еще один день – и я с ума сойду от желания поступить с вами справедливо... Понимаете ли вы это?

Протянув руки, с дрожащими губами Жанна наклонилась к костру, потрясенная его горячим признанием, борьбой с остатками мужской чести и мрачным нарастанием его страсти.

– Нет, нет, я не понимаю... Я не верю вашим словам! – воскликнула она. – Вы так пугаете меня. Ведь я совсем, совсем одна здесь с вами. Вы сказали, что со мной ничего дурного не случится. О, не надо, не надо...

Ее голос оборвался и, измученная, она откинулась на свое сиденье. Вероятно, Келс слышал только первые слова ее мольбы, так как принялся быстро ходить взад и вперед по освещенной площадке. Кобура с револьвером болталась вокруг его ног. Жанне она начала казаться каким-то мрачным чудовищем. Борясь со своим животным «я», Келс как будто готов был покориться остаткам своего давно заглохшего человеческого достоинства. Девичья же миловидность и невинность Жанны вызывали в его памяти одни жуткие воспоминания, как бы насмехавшиеся над его благородным порывом. Он не давал ни побороть себя, ни перехитрить. Во что бы то ни стало она должна заполучить его револьвер,

убить этого человека или... умереть.

Так сидела она, все еще нагнувшись вперед, медленно собираясь с силами и выжидая, когда настанет самый отчаянный момент.

Глава V

Медленно расхаживая взад и вперед, Келс низко склонил голову на грудь, словно над ним реяли целые сонмы ведьм и фурий.

С обостренной чуткостью проникла Жанна в состояние этого человека. Вот он перед нею, подавленный своими поступками, мрачный и жестокий, полный отвращения к самому себе. Сейчас мужчина борется и презирает в нем труса. Люди его склада бывают трусами очень редко или почти никогда. Вся их жизнь не требует ни низости, ни трусости. Жанна пламенно ненавидела его, но в то же время в сердце ее все еще теплилась искра жалости к этому человеку.

Откинувшись на свое седло, она лежала с широко раскрытыми глазами. И, несмотря на эту расхаживавшую возле нее фигуру и единственную застывшую в ее мозгу ужасную мысль, она еще разглядывала сверкающий искрами костер, далекие безразличные звезды и притаившиеся густые тени возле скал. Ее слух откликался на непрерывные тихие вздохи ветра в верхушке бальзаминового дерева, на серебристое шуршание ручейка и массу всевозможных понятных и непонятных звуков.

Внезапно Келс неслышно приблизился к ней и низко нагнулся. Его лицо выглядело темным расплывчатым пятном, поза напоминала волка, приготовившегося к прыжку. Все

ниже и ниже наклонялся он к ней. Жанна не спускала глаз с тяжелого револьвера, болтавшегося у него на боку. При свете костра холодный голубоватый отблеск играл на его рукоятке. Наконец Келс настолько приблизился к ней, что она могла видеть его лицо. В смотревших на нее глазах отражалось дрожащее пламя. Жанна открыто и безбоязненно, без малейшей дрожи устремила на него твердый взгляд. Он смотрел на нее, казалось, целую вечность. Затем выпрямился и снова принялся ходить взад и вперед.

Время для Жанны распалось на мгновения, из которых каждое обозначалось грозным приближением Келса. Он подходил к ней решительно со всех сторон. Ее широко раскрытые глаза постоянно встречались с ним; хмурый взгляд его скользил по ее стройной, эластичной фигуре, и он снова отходил в сторону, в темноту ночи. Иногда она не слышала его шагов и тогда в страхе чувствовала, как болезненно напрягаются ее нервы. Она прислушивалась к его приближению, бесшумному, как у пантеры. Иногда он ярко разжигал костер, а порой давал ему почти погаснуть. Этот мрак больше всего страшил ее. Ночь выглядела предательски, точно заключила союз с врагом Жанны. Темнота тянулась бесконечно. Жанна молила о рассвете, но и грядущий день не сулил ей ничего утешительного. Были минуты, когда она дрожала, как в ознобе, и сердце ее так стучало, что даже ребенок догадался бы о ее отчаянии. Но едва только Келс приближался или, подкравшись издали, наблюдал за ней, слов-

но кошка за мышью, как к Жанне снова возвращалось ее самообладание, и, насторожившись, она все свое внимание направляла на револьвер.

Среди ночи Келс куда-то ушел. Надолго ли? Жанна решить не могла. Его отсутствие пугало ее еще больше, чем его близость.

Наконец ночной мрак начал сменяться хмурой серостью. Рассвет приближался. Ужасная, бесконечная ночь прошла. Ни на одну секунду Жанна не сомкнула глаз.

Когда совсем рассвело, она поднялась. После долгого неподвижного лежания на земле ее мускулы затекли и ныли. Она принялась ходить, чтобы как-то размять ноги. Как раз в это время и Келс вылез из-под бальзаминового дерева, где он пролежал остальную часть ночи. Его лицо выглядело хмурым и осунувшимся. Жанна видела, как он спустился к ручью и, окунув руки в воду, принялся яростно плескаться. Затем подошел к костру. Какой-то хмурой жестокостью и унынием веяло ото всей его фигуры.

Ледяная вода благотворно подействовала на пылавшее лицо Жанны. Заметив, что Келс не обращает на нее никакого внимания, Жанна медленно поплелась к ручейку под скалой. Это местечко находилось приблизительно в ста шагах от лагеря. Жанна решила бежать при первой же возможности. Лучше блуждать по горам, пока голод не прекратит ее страданий. День, может быть, пройдет сносно, но вторая подобная ночь доведет ее до сумасшествия. Так размышляя и

строая планы, она присела на обломок скалы. Громкий окрик Келса вспугнул ее.

– Вы хотите кушать? – спросил он ее.

– Я не голодна.

– Так или иначе, а вы должны что-нибудь съесть, хотя бы вы даже подавились при этом, – приказал он.

Жанна послушно села. Она избегала смотреть на него, но не чувствовала его взгляда и на себе. Вчера они были далеко друг от друга, но сегодня их разделяла неизмеримая пропасть. Жанна через силу поела и отодвинула остатки в сторону. Встав, она принялась расхаживать туда-сюда, не видя как следует того, на что глядели ее глаза. Она то прислонялась к дереву, то отдыхала, сидя на камне, но тут же снова ощущала потребность в ходьбе. Время двигалось страшно медленно; она не знала, сколько его прошло. Внезапная слабость напала на нее.

Но резкий и звучный окрик Келса мгновенно изгнал всякую расслабленность. Ее душа тотчас же наполнилась прежним холодным напряжением. Он шел ей навстречу. Его лицо казалось приветливым. Дружелюбная маска прикрывала какую-то затаенную мысль. Он шел к ней большими шагами. Жанна, застыв, смотрела в его серые глаза, в которых теперь уже нескрываемо светилась жестокость и прыгали огоньки необузданной страсти.

Схватив ее за руку, он резко дернул ее к себе.

– Ты сама выкупишь себя!

Он обращался с ней так, как будто ожидал сопротивления, но Жанна не защищалась. Она только опустила голову, чтобы скрыть глаза. Обвив ее плечи рукой, он почти потащил ее к хижине. С болезненной отчетливостью видела Жанна у себя под ногами сначала еловые и бальзаминовые ветки, затем бледно-розовые маргаритки и наконец засохшие прутья. Она была в хижине.

– О, девушка!.. Я изголодался по тебе! – хрипло прошептал Келс. Круто повернув ее к себе, он обнимал ее так, будто был только дикарем и не мог обойтись без грубой силы.

Если Жанна и защищалась, то совсем слегка; точно змея, вертелась и извивалась она, стараясь просунуть свою руку под плечо, пока он держал ее за шею. Добившись своего, она сдалась. Прижав ее к себе, он изогнул ее стан назад, грубой и жадной рукой дернул ее лицо кверху и, словно безумный, стал осыпать ее поцелуями. Жаркие, жадные, дрожащие поцелуи. Жанна была ослеплена, оглушена... Однако ее движение было настолько же мгновенно и ловко, насколько его страсть оказалась порывистой и необузданной. Первое, на что натолкнулась ее шарящая рука, был его пояс. Молниеносно она нащупала шнур с револьвером. Коснувшись холодной стали, ее пальцы судорожно уцепились за оружие и скользнули дальше. Затем она с усилием подняла курок. После этого с энергией, почти равной его напору, она оттолкнулась назад и вытащила револьвер из кобуры. Подняв револьвер, она продолжала лежать с закрытыми глазами, непо-

движная, будто добровольно отдавшаяся поцелуям Келса. То были поцелуи человека, почти всегда лишённого сладости и опьяняющей прелести женских уст. Но вот их примитивные чувства столкнулись: его звериная жажда обладания и ее первобытное чувство самосохранения против насильника. Приложив револьвер к его спине, Жанна спустила курок. Громовой и пустой звук. Сильный запах пороха. Крепкая хватка Келса напряглась, а затем медленно распалась. Жанна отшатнулась в сторону и, все еще не раскрывая глаз, сбросила с себя его руки. Резкий крик вырвался из его горла. Вся вздрогнув, Жанна открыла глаза. Келс шатался, словно раненый волк, попавший в стальной капкан. Отняв окровавленные руки от, спины, он беспомощно махал ими, брызгая кровью на стену и на разбросанные на полу ветки. Наконец он догадался, что произошло, и протянул к Жанне свои страшные руки.

– Праведный боже!.. – прохрипел он. – Ты... ты стреляла в меня!.. Ты – девочка!.. А! Ты провела меня... Ты знала, ты все знала, чего я хотел от тебя. А, хитрая кошка. Отдай... мне револьвер!

– Назад, Келс! Я убью вас! – крикнула Жанна. Вытянутый между ними громадный револьвер снова угрожающе закачался.

Но Келс не видел его. В своей безумной ярости он попробовал броситься вперед и схватить Жанну, но ноги его подогнулись, и он упал на колени. Не будь возле него стены, он

упал бы на пол. Лицо его преобразилось: из мрачного, перекошенного и распухшего оно постепенно сделалось призрачно-белым: крупные капли пота заструились по его лицу; его глаза даже и в этот миг не утратили своей особенной живости; в них отражались быстрые и разноречивые ощущения – боль, страх, гнев, изумление.

– Жанна, ты прикончила меня! – прохрипел он. – Ты раздробила мне позвоночник... От этой раны я погибну. О, о, эта боль! А я совершенно не переношу боль. А ты, ты – девочка? Ты маленькая, невинная семнадцатилетняя девочка, которая никогда никому не причиняет боли! Ты такая нежная, такая робкая... Ба!.. Ты здорово провела меня. Хитрая баба! Уж я-то должен был раскусить тебя. Хорошая женщина страшнее... страшнее самой дурной. Но я заслужил это. Когда-то я тоже... О, эти муки! Почему ты не прикончила меня сразу? Жанна Рэндль... смотри теперь, смотри, как я буду умирать. Что ж!.. Когда-нибудь, да и мне надо... от веревки... или от пули... Я даже рад, что ты... ты... убила меня... О, зверь ты или человек, я думаю... мне кажется... я любил тебя!

Бросив револьвер, Жанна опустилась возле него на колени, ломая руки, обезумев от ужаса. Она хотела сказать, что он сам довел ее до такого поступка, а теперь пусть разрешит ей молиться за него. Но слова не шли с ее губ. Язык прилип к гортани. Ей казалось, что она вот-вот задохнется.

И снова лицо Келса изменилось. Он уже больше не смот-

рел на Жанну. Белый цвет его щек сменился серостью, такую же, какой всегда светились его глаза. Казалось, жизнь покинула его. Дрожь затихла. Внезапно его плечи скользнули вдоль стены, и с тяжелым стуком он неподвижно растянулся у ног Жанны. Спустя мгновение и она лишилась чувств.

Глава VI

Когда Жанна очнулась, она лежала поперек порога и над ней медленно тянулась в дверь хижины голубая струйка дыма. Весь недавний ужас разом ожил в ее памяти; она лежала и прислушивалась. Но ничего, кроме нежного побулькивания ручейка, не было слышно. Значит, Келс мертв. Ужас перед содеянным смешался в ней с чувством неизмеримого облегчения.

Жанна встала и, боясь заглянуть внутрь хижины, быстро отошла от двери. Солнце стояло почти в зените.

«Я должна бежать», – сказала себе Жанна, оживляясь при этой мысли. Вдали паслись лошади. Жанна быстро пошла по тропинке, стараясь решить, ехать ли ей по ней или же направиться по тому пути, которым она попала сюда. Она остановилась на последнем. Поймав своего пони, девушка повела его обратно в лагерь.

«Что необходимо с собой взять?» – рассуждала она и решила захватить как можно меньше вещей: всего одно одеяло, узел с хлебом и мясом и одну флягу с водой. Возможно, что в пути ей понадобится оружие... Но, кроме револьвера, из которого она убила Келса, ничего не было. Тронуть эту страшную вещь она не могла. Однако раз она все-таки освободилась, и вдобавок такой ценой, то поддаваться всяким мягким чувствам теперь неуместно. Решительными ша-

гами Жанна направилась к хижине, но, дойдя до дверей, едва передвигала ноги. Длинный, хмуро-голубоватый револьвер лежал все там же, где она его бросила. Краешком глаза Жанна все же видела неподвижно лежавшую у стены фигуру. Вся дрожа от напряжения, она протянула руку и схватила оружие. Но в ту же самую секунду тихий, протяжный звук пригвоздил ее к месту.

Жанна застыла. Сердце подкатилось к самому горлу, глаза застлала какая-то пелена. Но новый стон быстро разъяснил все. Келс был еще жив. И вдруг сковавшее ее холодное, липкое чувство и противная судорога в горле сменились горячей волной радости. Он жив! Ее руки не обгажены чужой кровью, она не убийца.

Быстро повернувшись, Жанна уставилась на Келса. Вот он, белый, словно покойник. Радость ее исчезла, уступив место жалости, настолько переполнившей сердце, что, все забыв, она склонилась к нему. Он был холоден, как камень. Ни в руке, ни у виска она не нащупывала пульса. Но, приложив голову к груди, Жанна услышала слабый стук сердца.

– Он жив еще, – прошептала она, – но при смерти. Что мне делать?

Ум лихорадочно заработал. Помочь Келсу она ничем не могла; вероятно, он скоро умрет. Остаться возле него было тоже небезопасно: его товарищи могли каждую минуту приехать сюда. Но если его позвоночник не поврежден и ей удастся спасти ему жизнь, не поступит ли он с ней опять, как гру-

бый дикарь? Разве что-нибудь способно изменить этот характер? Это злой человек, который вдобавок не обладает достаточной силой воли, чтобы побороть в себе зло. Он вынудил Робертса взяться за оружие и, когда тот сделал это, — убил его. Несомненно, он так же хладнокровно и обдуманно разделался и с двумя негодьями, Биллом и Галлоуэем. Ему бы только не видеть больше их плотоядных взглядов и остаться с ней наедине. Он заслужил того, чтобы подохнуть здесь, как собака.

Но как истая женщина Жанна решила одно, а поступила наоборот. Осторожно повернув Келса, она увидела, что вся рубашка и жилетка густо намокли от крови. Она отправилась за ножом, полотенцем и водой.

Жанне уже приходилось перевязывать раны, и кровь не пугала ее. Единственная разница в том, что эту кровь она пролила сама. Ей было очень не по себе, когда, разрезав одежду Келса, она дрожащими руками принялась обмывать окровавленное место. Громадная пуля проделала большую рану, кровь все еще струилась. Поперек позвоночника тянулась распухшая синяя полоса. Разорвав свой платок на части, Жанна как умела соорудила компресс и бинт. Затем осторожно положила Келса на одеяло. Она сделала все, что было в ее силах, и сознание этого подействовало на нее успокоительно.

Келс продолжал лежать без сознания и походил на покойника. Страдание и близость смерти стерли с его лица и же-

стокое выражение, и приветливую улыбку, обычно предвещавшую самые страшные намерения. Его жуткие глаза наконец закрылись. Жанна сидела и ждала конца. Полдень давно прошел, а она все еще не выходила из хижины. А вдруг он придет в себя и попросит пить?

Солнце зашло, наступили сумерки, и ложбину окутала ночь. Одиночество начало казаться Жанне чем-то осязаемым. Притащив свое седло и одеяла к порогу хижины, она кое-как устроила себе постель и, глядя на звезды, прилегла. Темнота не мешала ей видеть вытянутую фигуру Келса. Он лежал так тихо, словно уже умер. Жанна чувствовала себя измученной, разбитой и сонной. Среди ночи храбрость ее испарилась, и она стала бояться каждой тени. Жужжание насекомых казалось ей диким ревом; жалобный крик волка и хриплые возгласы кугуара нагоняли на нее панический ужас; ночной ветер стонал, как заблудшая душа.

Утреннее солнце разбудило Жанну. Проспав несколько часов подряд, она почувствовала себя отдохнувшей и окрепшей. Вместе с ночью ушли и все страхи. Она знала, что Келс все еще жив. Осмотрев его, она убедилась в том, что права. Состояние Келса не изменилось, но рана уже не кровоточила. Жизнь едва теплилась в его теле.

Часть следующего дня Жанна провела возле Келса, весь же день показался ей не длиннее одного часа. Иногда она выходила из хижины, ожидая вот-вот увидеть приближающихся всадников. Что она скажет им? Вероятно, остальные мо-

лодцы ничем не отличаются от своего атамана; и вдобавок у них отсутствует и то единственное достоинство, которое сделало его хотя бы на один час человеком. Сказать, что состояние Келса – дело ее рук, – невозможно. Поэтому, достав револьвер. Жанна тщательно вычистила его и снова зарядила. Если кто-нибудь явится сюда, она скажет, что Келса ранил Билл.

Келс по-прежнему находился между жизнью и смертью.

Жанна убеждалась, что он останется жив. Иногда она приподнимала его голову и вливала ему в рот по нескольку капель воды. Каждый раз он стонал при этом.

И второй день прошел так же, как и предыдущий. Наконец наступил третий, но до вечера состояние Келса не изменилось. С наступлением темноты Жанне показалось, что сознание возвращается к нему. Она часами просиживала рядом, ожидая, не захочет ли он что-нибудь сказать ей перед концом, передать что-нибудь... В эту ночь над ложбиной висел месяц, роняя свои бледные лучи на восковое лицо Келса. утратившее отпечаток злых страстей. Но вот его губы зашевелились, он попробовал говорить. Жанна дала ему пить. Бормоча какие-то бессвязные слова, он снова впал в забытьё, но тотчас же пришел в себя и как безумный понес всевозможную чепуху. После этого он долго лежал совершенно тихо и вдруг испугал Жанну тихим, но совершенно ясным возгласом:

– Воды! Воды!

Приподняв его голову, Жанна дала напиться. Она видела его глаза – две темные дыры на белом фоне.

– Это... ты... мать? – прошептал он.

– Да! – ответила Жанна.

Раненый снова затих. Однако это состояние более походило на сон, чем на беспмятство. В продолжение ночи он больше ни разу не подал голоса. Его возглас «мать» тронул Жанну. И у самых злых людей есть матери, даже у такого, как Келс. Когда-то он тоже был мальчуганом. Мать гордилась им и целовала его розовые ручонки. Вероятно, она тоже строила воздушные замки, думая о его будущем. А он? Вот он лежит здесь – умирающий, наказанный за позорный поступок, самый последний из целого ряда еще более ужасных преступлений.

На следующее утро Жанна не сразу пошла к Келсу. Она так же боялась найти его в полном сознании, как и содрогалась при мысли, что он, может быть, уже мертв. Но, собравшись с силами, она подошла и нагнулась над ним. Он не спал. В его глазах отразилось изумление.

– Жанна? – прошептал он.

– Да, – ответила она.

– Вы все еще... у меня?

– Конечно! Ведь не могла же я оставить вас одного.

Утомленные глаза Келса странно омрачились.

– Я жив еще. И вы остались... Это было вчера, когда вы стреляли в меня из моего револьвера?

– Нет, четыре дня тому назад.

– Четыре дня! Пуля попала мне в хребет?

– Я не знаю, не думаю. Там страшная рана. Я... я сделала все что могла.

– Вы хотели меня сперва убить, а потом решили спасти?

Жанна молчала.

– Вы хорошая, вы поступили благородно! – сказал он. – Но лучше бы вам быть злой. Тогда бы я мог проклинать вас... задушить...

– Сейчас вам надо вести себя только спокойно, – ответила Жанна.

– В меня не раз всаживали пули. Я и на этот раз выберусь, лишь бы только остался цел мой хребет. Как нам узнать это?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Поднимите меня.

– Но ведь может же открыться рана! – запротестовала Жанна.

– Поднимите меня.

Непреклонная воля этого человека слышалась даже в его шепоте.

– Но зачем, для чего?

– Я хочу проверить, могу ли я сесть. Если нет, то дайте мне сюда мой револьвер.

– Его вы не получите! – ответила Жанна и, подсунув руки ему под мышки, осторожно посадила его. Затем отняла руки.

– Я... мерзкий трус... когда дело касается боли, – прохри-

пел Келс, и крупные капли пота выступили на его бледном лице. – Я... я не могу больше!..

Однако, несмотря на невыносимые страдания, он все-таки продолжал сидеть без поддержки и даже попробовал нагнуться. Но после этого, застонав, без памяти упал на руки Жанны. Она снова уложила его, и прошло довольно много времени, прежде чем привела его в чувство. Теперь Жанна была окончательно уверена, что он выживет, и радостно сообщила ему об этом. Он странно усмехнулся. А когда она принесла ему питье, то с благодарностью его выпил.

– Я выживу! – сказал он слабым голосом. – Я снова поправлюсь, ибо мой хребет цел. А вы принесите сюда побольше воды и еды и отправляйтесь.

– Отправляться? – повторила она.

– Да, но не вдоль ложбины – там вам худо придется... Идите в обратном направлении. У вас есть шанс выбраться из гор... Идите!

– И оставить вас одного? Бросить такого слабого, ведь вы даже не в состоянии поднять чашку? Нет!

– Будет лучше, если вы послушаетесь.

– Почему?

– Потому что через несколько дней я буду значительно лучше чувствовать себя, и тогда снова вернется мое прежнее «я»... Мне кажется... я боюсь, что люблю вас... Это может превратиться для вас в сплошной ад. Уходите же сейчас, пока не поздно... Если вы останетесь и я поправлюсь, я нико-

гда больше не отпущу вас от себя.

– Келс, я показалась бы себе трусом, если бы оставила вас здесь одного, – серьезно ответила Жанна. – Вы умрете без помощи.

– Тем лучше для вас. Но я не умру. Я тертый калач. Уходите, говорю вам!

Жанна покачала головой.

– Не спорьте, это ни к чему не приведет. Вы опять взволновались. Прошу вас, попробуйте успокоиться.

– Жанна Рэндль, если вы останетесь... Я свяжу вас, голую замурую, прокляну, изобью!.. Убью! О, я на все способен... Идите, слышите?

– Вы с ума сошли. Раз и навсегда – нет! – твердо ответила Жанна.

– Ты... Ты!.. – его голос оборвался и перешел в жуткий, непонятный шепот.

Весь следующий день Келс почти ничего не говорил. Выздоровление его подвигалось вперед очень медленно, все еще не давая твердой надежды на благополучный исход. Без Жанны он, конечно, не протянул бы долго. Когда Жанна подходила к нему, все его лицо и глаза освещались печальной и красивой улыбкой. По-видимому, ее присутствие задевало и утешало его одновременно. Каждый день он спал по двадцати часов кряду.

Только теперь Жанна поняла, что значит настоящее одиночество. Бывали дни, когда она совершенно не слыхала зву-

ка собственного голоса. Привычка к безмолвию – один из главнейших признаков одиночества, – овладела ею. День ото дня она все меньше размышляла и все больше чувствовала свою отрешенность от внешнего мира. Часами предавалась она полному бездействию. Но иногда, глядя на горные вершины, походившие на тюремные башни, на тенистые деревья и монотонные, неизменные черты места своего заточения, она чувствовала кипучую и страстную ненависть. Она ненавидела окружающее за то, что утратила любовь к нему, что оно стало частью ее самой. Жанна охотно сидела на солнце, грелась и любовалась его золотыми лучами. Иногда она даже забывала о своем пациенте. И постепенно, проживая в таком бездействии часы за часами, она все чаще стала вспоминать Джима Клэва. Это воспоминание было для нее спасительным. Во время бесконечных, торжественно-молчаливых дней и особенно ночью, когда одиночество достигает своего высшего напряжения. Жанна уносилась в мечтах к Джиму. Она вспоминала о его поцелуях без прежнего гнева и стыда. В сладостные минуты таких размышлений она все больше углублялась в свою любовь к Джиму.

Вначале Жанна старалась запоминать дни, но когда прошло более трех недель, она утратила счет времени. Запасы пищи катастрофически таяли, и перед Жанной возникла еще одна серьезная проблема.

Как-то утром, занятая размышлениями о пище, Жанна вдруг увидела вдали группу всадников, приближавшихся к

хижине.

– Келс! Какие-то люди едут сюда, – торопливо сказала она.

– Отлично! – воскликнул он слабым голосом, и улыбка осветила его исстрадавшееся лицо. – Они довольно долго искали дорогу. Сколько их?

Жанна принялась считать. Пять всадников и несколько лошадей с поклажей.

– Да. Это Гульден.

– Гульден! – испуганно вскрикнула Жанна.

Этот возглас и звук ее голоса заставили Келса внимательно ее посмотреть на нее.

– Вы уже слышали о нем? Он – самая отъявленная сволочь в этой пограничной полосе... Таких, как он, я еще никогда не видел. Ни одну секунду вы не будете в безопасности. Я же так беспомощен сейчас... Что ему сказать, как объяснить?.. Жанна, если я все-таки скovyрнусь, вы должны сразу бежать отсюда или застрелиться.

Жанне казалось странным, что этот бандит теперь старался избавить ее от той опасности, которой сам же подвергал ее. Достав револьвер, Жанна спрятала его в расщелину между балками. Затем она снова выглянула на поляну.

Всадники были уже почти у дома. Передний, мужчина геркулесовского телосложения, погнал своего коня через ручей и затем, резко дернув поводья, заставил остановиться. Другой двинулся следом за ним, остальные тем временем постепенно приближались с навьюченными лошадьми.

– Ого-го! Келс! – крикнул великан. Его голос звучал громко и зычно.

– Он где-нибудь здесь поблизости, – заметил другой.

– Само собой, я только что видел его коня. Джек не может быть далеко от своей скотины.

После этого оба направились к хижине. Жанна еще никогда не видела таких исключительно свирепых и отталкивающих людей. Один из них был гигантского роста. Его ширина и массивность делали его коротконогим, и весь он удивительно походил на гориллу. Другой был тоже высок, но тощ, с багрово-красным лицом, на котором лежал отпечаток жестокой алчности. Сутуловатый, он держал голову совершенно прямо и походил на волка, почуявшего запах крови.

– Там кто-то есть, Пирс, – предостерег его толстый.

– Хо, Гуль, никак там девушка!

Жанна вышла из темного угла хижины и молча указала на распростертую фигуру Келса.

– Здорово, ребята! – сказал Келс слабо. Гульден удивленно выругался, тогда как Пирс озабоченно нагнулся к Келсу. Затем оба они разом заговорили. Келс прервал их слабым движением руки.

– Нет, нет, я еще не собираюсь отправляться к праотцам, – сказал он. – Я только чуть жив от голода и должен зарядить свой желудок... Половина спины отстрелена...

– Кто же это так обработал тебя, Джек?

– Гульден, это сделал твой любимый дружок Билл.

– Билл? – спросил Гульден грубо, забавно стараясь скрыть принужденность своего тона. Затем резко добавил: – Я ду- мал, вы поладите...

– Вышло наоборот.

– А где же Билл... сейчас?

На этот раз в его голосе Жанна ясно уловила оттенок какой-то холодной тягучести. По тону вопроса было ясно, что Гульден хорошо знал наперед ответ Келса.

– Билл мертв, и Галлоуэй тоже, – ответил Келс.

В этот момент Гульден повернул свою четырехугольную, лохматую голову в сторону Жанны. Она не в силах была вы- держать его взгляда. Пирс заметил:

– Из-за девчонки поцапались, Келс?

– Нет! – резко ответил Келс. – Они начали фамильярни- чать с... с моей женой, и за это я пристрелил их обоих.

– Женой!? – воскликнул Гульден.

– Это твоя настоящая жена, Джек? – допытывался Пирс.

– Ну, конечно же! Вот, погодите, представляю вас... Жан- на, мои друзья: Сэм Гульден и Рыжий Пирс.

Гульден проворчал что-то под нос.

– Миссис Келс, я рад познакомиться с вами, – сказал Пирс.

В эту минуту в хижину вошли трое остальных бандитов, и Жанна выскользнула за дверь. Она чувствовала себя испу- ганной, и одновременно с этим ее душила ярость. Она даже слегка пошатнулась от волнения. Визит бандитов с нежи-

данной яркостью подчеркнул ее ужасное положение. В одном только Гульдене было достаточно жуткого. Бежать! Однако теперь всякая подобная попытка была гораздо опаснее, чем раньше. Рискни она только, как все эти новые «друзья» бросятся по ее следу, словно стая кровожадных собак. Жанна отлично поняла, почему Келс назвал ее своей женой. Она пришла к выводу, что необходимо держаться спокойно, естественно и как можно дольше поддерживать этот обман. Вспомнив о револьвере, спрятанном ею в расщелине, она собралась с силами и, поборов свое волнение, вернулась обратно в хижину. Тем временем бандиты повернули Келса спиной кверху и обнажили его рану.

– Ах, Гуль, не трепли его, лучше дать ему виски, – сказал один из мужчин.

– Если ты все время будешь выдавливать у него кровь, то ясно – ему придет капут, – запротестовал другой.

– Послушай, он здорово ослаб! – заметил Рыжий Пирс.

– Убирайтесь к черту, вы ничего не понимаете! – взревел Гульден. – В свое время я служил... но это вас не касается... Видите вы это синее пятно? – И своим громадным пальцем Гульден нажал синий желвак на спине Келса. Бандит застонал. – Это олово, пуля, – заявил Гульден.

– Черт побери! А если ты в самом деле прав! – воскликнул Пирс.

Келс повернул голову и промолвил:

– Когда ты нажал на это место, все мое тело разом как бы

отмерло. Послушай, Гуль, если ты нащупал пулю, то просто вырежь ее.

Жанна не присутствовала при операции. Она убежала к своему постоянному месту ночлега под бальзаминовым деревом. Внезапно до нее донесся резкий крик Келса и затем громкие восклицания мужчин. Очевидно, свирепый Гульден оказался так же быстр на деле, как и на словах.

Вскоре бандиты вышли из хижины и принялись распаковывать привезенный груз.

Пирс нашел глазами Жанну и крикнул ей:

– Келс хочет поговорить с вами!

Придя в хижину, Жанна нашла бандита сидящим; верхняя часть его туловища была прислонена к седлу. Его побелевшее и мокрое от пота лицо выглядело совершенно изменившимся.

– Жанна, пуля-то в самом деле давила на мой хребет, – сказал он. – Теперь у меня пропало всякое онемение. Я чувствую себя воскресшим, скоро и совсем поправлюсь... Но пуля страшно заинтересовала Гульдена: ни Билл, ни Галлоуэй не употребляли пули этого калибра. Гульден хитер. С этим Биллом у него была тесная дружба, как ни с кем из нас. Я не доверяю никому из них, и особенно Гульдону. Все время держитесь как можно ближе ко мне.

– Келс, отпустите меня... Помогите мне добраться до дому, а? – тихо взмолилась Жанна.

– Девочка моя, это было бы слишком опасно, – серьезно

ответил он.

– Ну все равно, не сейчас, потом... При первой возможности...

– Посмотрим... Но теперь – ты моя жена!

В этих последних словах снова почувствовалась прежняя властность Келса.

– Неужели... – от внутреннего волнения Жанна даже не закончила фразу.

– Я на все способен: попробуй-ка выйти сейчас и сказать этим молодцам, что ты не моя жена, – заметил он. Его голос окреп, и глаза снова блеснули холодом.

– Ни один мужчина не обошелся бы так скотски с женщиной, которая спасла ему жизнь, – прошептала она.

– Повторяю, я способен на все. У тебя была возможность. Я даже требовал, чтобы ты ушла отсюда. Вспомни, я предупредил тебя, что вместе со здоровьем вернется мое прежнее «я».

– Но без меня вы бы умерли!

– И это было бы лучше для тебя... Жанна, я предлагаю тебе следующее: я честно женюсь на тебе, и мы уедем из этой страны. У меня есть золото. Я молод, я страстно люблю тебя, хочу тебя. Ради тебя я начну новую жизнь... Что ты скажешь на это?

– Что скажу? Да лучше мне тут же умереть, чем выйти за вас замуж! – с ненавистью прошептала Жанна.

– Отлично, Жанна Рэндль! – с горечью промолвил бан-

дит. – Одну минуту я видел призрак: свое умершее, лучшее «я». Теперь он исчез... И ты останешься со мной.

Глава VII

С наступлением темноты Келс приказал своим людям развести костер возле дверей хижины. Он удобно лежал, укутанный в одеяла; вся шайка бандитов присела к костру, образуя перед ним полукруг.

Жанна отнесла свою постель в самый темный угол, откуда ее никто не мог увидеть, зато она видела всех.

Сильнее чем когда-либо ей бросилась в глаза вся прелесть этой дикой местности. Даже костер пылал как-то особенно: он то и дело выбрасывал громадные красные языки пламени, со свирепой алчностью пожиравшие большие поленья. Необычно выглядели при этом мрачном освещении и жестокие лица бандитов. Наконец опустилась непроницаемая ночь. Койоты полчищами повылазили из своих нор, и вся окрестность огласилась их резким и диким лаем. Но сущность дикости, казалось, сконцентрировалась в самих бандитах. Освещенный дрожащим пламенем, Келс выделялся своим бледным, как у призрака, лицом. То было четко очерченное, умное и решительное лицо. О злобе и насилии говорили морщины возле его рта и глаз. Казалось, этот человек снова насторожился и напряженно был занят составлением новых страшных планов. Красная рожа Пирса выглядела еще краснее. То была сухая, черствая, почти бестелесная красная маска, натянутая на усмехающийся череп. Другой, кото-

рого они называли Француз, был маленького роста, с мелкими чертами, глазами пуговками и ртом, произносившим одни только злые, полные ненависти слова. Остальные двое ничем не отличались от рядовых жуликов. Но Гульден был так необычен, что Жанна долго не решалась глядеть на него. Его движения свидетельствовали о страшной силе. Это был колосс, горилла – с копной русых волос на голове, с бледной кожей. Черты его лица казались наспех вырубленными грубой корявой лопатой. Казалось, будто вся жестокость, все пороки и страсти, когда-либо существовавшие в мире, притаились в громадных впадинах его глаз, в тяжелых складках лица и в ужасающей расщелине, полной крепких белых клыков, служившей ему ртом. Это было чудовище, и Жанна скорее была бы рада тут же умереть, чем согласиться как-нибудь прикоснуться к нему. Он курил и не принимал никакого участия в грубом добродушном перешучивании окружающих. Это была гигантская машина разрушения.

После перенесенной операции Келс начал поправляться с изумительной скоростью. Вместе со здоровьем к нему вернулся и интерес к внешнему миру. На все его вопросы отвечал рыжий Пирс. Из их разговора Жанна узнала, что свою славу атамана Келс любил так же искренно, как и то золото, которое он крал по всей золотопромышленной линии Айдахо, Невады и Северо-Восточной Калифорнии. Из ответов Рыжего и по манере, с которой он обращался к Келсу, Жанна увидела, насколько громадна его власть.

– Мне кажется, ты верно рассудил, Джек, – сказал Рыжий Пирс, снова набивая свою трубку. – Рано или поздно, а здесь будет столько золота, сколько не видывал еще никто на всем Западе. Каждый день тянутся хвосты дилижансов от Солнечных Вод. Стаи золотоискателей рыщут в горах. Все пещеры и долины Медвежьей горы облеплены лагерями. Промытое золото есть всюду, его легко получить, лишь была бы поблизости вода. Нет ни одной пяди неразрытой земли. Однако жирной находки еще нет. Но рано или поздно должна быть и она. А когда весть разнесется по всем большим дорогам и проникнет во все уголки за горами, тогда поднимется такое нашествие, против которого 49-й и 51-й годы покажутся ребячьей забавой. Не так ли, Бейд?

– Ну, конечно, – ответил седовласый негодяй, прозванный Бейдом Вудом. Он был гораздо старше своих товарищей, несколько серьезнее, менее свиреп и более скуп на слова.

– Видал я и 49-й и 51-й годы. Вот были денечки! Но я согласен с Рыжим. На границе Айдахо еще разыграются картины. Сам откапывал золото, хотя к этой дьявольской работе меня никогда не тянуло. Оно тяжело достается и легко спускается, зато легче всего переходит из чужого кармана. Кое-какие признаки я заметил уже в этой местности. Там же, в горах, куда ни плюнь, всюду копошатся тысячи золотоискателей. Они скрытничают, но ведь золото необходимо вывезти; оно тяжелое, и его не спрячешь. С востока сюда так и прет

толпа полных надежд и обалдевших охотников за счастьем. За ними потянутся бабы и картежники и, наконец, мужчины. Где и когда все это столкнется, неведомо, но если столкнется, то разыграется такая дьявольщина, какой мы никогда не видывали.

– Вот, ребята, – сказал Келс, и жестокость прозвучала в его мягком голосе, – тогда-то и наступит жатва для моего пограничного легиона.

– Для кого? – с любопытством переспросил Бейд Вуд.

Все бандиты за исключением Гульдена с интересом повернулись к Келсу.

– Для пограничного легиона, – ответил Келс.

– А что это такое? – спросил Рыжий Пирс.

– Когда наступит золотая лихорадка, как ты пророчествуешь, надо организовать такую банду, какой никто еще не видывал. Я организую ее и назову «Пограничный легион».

– Положись на меня, как на свою правую руку, – ответил Рыжий с энтузиазмом.

– А на меня и подавно, – прибавил Бейд.

Замысел Келса был встречен шумным одобрением. В эту минуту Гульден поднял свою массивную голову и, тяжело ворочая языком, не столько спросил, сколько проворчал.

– Что вы скандалите?

Вопрос этот произвел на всех бандитов и даже на Келса странное и тревожное впечатление. Казалось, будто вдруг явилось какое-то большое препятствие, требующее серьез-

ного обсуждения. На секунду все примолкли, а затем Рыжий повторил весь проект.

– Ничего в этом нового нет, – ответил Гульден. – Сам как-то участвовал в такой банде. Это было в Алжире, но звали ее «Королевский легион».

– Алжир? Это что за штука?

– Африка, – ответил Гульден.

– Ты, оказывается, успел поездить по свету, Гуль? – удивленно спросил Рыжий Пирс. – Что это был за легион?

– Ничего особенного. Толпа дьяволов со всех концов света. Тамошняя граница являлась концом мира. Преступников там уже больше не преследовали.

– Что же вы там делали?

– Друг дружку пристреливали. Осталось совсем немного, когда я ушел оттуда.

– Кто знает тебя, тот не найдет в этом ничего удивительного! – воскликнул Вуд многозначительно; однако его намек совершенно не подействовал на Гульдена.

– В своем легионе я не разрешу ни драк, ни перестрелок, – холодно заметил Келс. – Я сам наберу людей для этой банды.

– В этом весь секрет, – ответил Вуд. – Нужны настоящие парни. Уж я-то побывал во всевозможных шайках. Помню, как-то участвовал даже в карательном отряде.

Это сообщение вызвало среди бандитов взрыв смеха, за исключением неподвижного Гульдена с его точно из дерева высеченным лицом.

– Сколько людей понадобится? – спросил Рыжий Пирс.

– Число тут ни при чем. Главным образом это должны быть мужчины, на которых я могу положиться. Все будут подлежать только моему контролю. Затем для лейтенантов мне понадобится пара молодцов вроде тебя, Рыжий. Жилистые, хладнокровные, отважные, с быстрой сообразительностью.

Выслушивая похвалу, Рыжий Пирс вызывающе поднял плечи.

– Знаешь, хозяин, – сказал он, – мне вспоминается некий паренек, недели две тому назад явившийся в Кэбин-Галч. Прямо ввалился в хижину Бэрда, где мы как раз дулись в картишки, и спросил, где Джек Келс. Конечно, сперва мы решили, что парень просто-напросто из-за чего-нибудь хочет свести счеты. Некоторые из нас хотели тут же кокнуть его. Но он почему-то сразу приглянулся мне, и я уговорил своих не трогать его. Теперь рад этому. Паренек же вовсе и не собирался совать нам под нос свою погремушку. Его намерения были самые дружелюбные. Само собой, я не любопытствовал, кто он и что он. Очевидно, попал голубчик на кривую дорожку и теперь просто ищет новых друзей. Должен сказать тебе, хозяин, это крепкий парень!

– Как его зовут? – спросил Келс.

– Джим Клэв, – ответил Пирс.

Скрытая в тени и не замечаемая бандитами, Жанна услышала имя Джима со страхом и болью, но совершенно не уди-

вилась этому. С этого момента, как Пирс начал свой рассказ, она готовилась услышать имя своего сбежавшего обожателя.

– Джим Клэв... – размышлял Келс. – Никогда не слышал такого, хотя обычно не забываю ни одного лица, ни одного имени. Как он выглядит?

– Опрятный, стройный парень, среднего роста, – ответил Пирс. – Тело – сплошь мускулы. Не старше двадцати трех. Лихой наездник, отчаянный забияка, игрок и пьяница, отважный, как сам дьявол! Вот если бы ты обуздал его, хозяин.

– Здорово! – воскликнул Келс удивленно. – Мало ли молодчиков ежедневно шныряет в этом краю, однако я еще ни разу не замечал, чтобы хоть один из них произвел на вас такое сильное впечатление, как этот Клэв. Бейд, ты ведь уже старый ворон. Ну-ка разъясни, что он такое сделал?

– Что он сделал? – повторил Вуд, царапая свою седую голову. – Черт побери! Лучше спросить, чего он не делал! Как самый отчаянный головорез, нагло явился прямо в лагерь. И разом стал всеобщим любимцем. Просто не знаю, как это ему удалось. Может быть, потому, что он решительно на все плюет. Он разом расшевелил нас. Выиграл все деньги, которые были в лагере, многих совершенно обчистил и затем все отдал обратно. Пил больше всех и не пьянел. Пустил пулю в Бэди Джонса за то, что тот плутовал в карты; также продырявил и дружка Бэди, Шика Вильямса. Стрелял так, чтобы не убить, – отшиб им только крылышки. Но знаешь, Келс, он меткий и быстрый стрелок. Немного найдется таких в этой

стране. Этого ты не должен забывать...

– А ты забыл еще рассказать, как он отделал Луча, – сказал Рыжий Пирс.

– Луч! Я знаю его, – заметил Келс.

– Возможно, что это плохая рекомендация для Джима Клэва, – начал Бейд Вуд, – хотя, признаться, это самое мне в нем и приглянулось... Ты, конечно, еще помнишь, хозяин, миленькую девчонку Брандер, там, возле Медвежьего озера. Дочь старого Брандера, работает и посейчас в лавке. Я сам видел, как ты волочился за ней. Так вот, старик и его два парня решили отправиться за золотом и прихватили с собой девушку. Так, по крайней мере, я понял. В один прекрасный день в Кэбин-Галч примчался Луч. Как водится, мы пили и играли в карты, но молодой Клэв не делал ни того ни другого. В этот день он до смешного раскис. Ну вот, Луч вдруг начал предлагать маленькое дельце. До этих пор мы еще ни разу не работали с ним и его командой. Неизвестно, что бы из этого вышло, не вмешайся этот Клэв. Луч предложил нам спуститься в долину, где старик Брандер мыл свое золото, захватить все, что у него есть, и еще... Ну, конечно, еще и девчонку. В эту-то самую минуту Джим возьми и очнись от своих размышлений. Сначала он принялся осыпать Луча страшнейшими проклятиями. А когда тот, ясное дело, взялся за револьвер, то Джим мигом вышиб его у него из лап. Сделав это, он как бешеный ринулся на Луча. Раза два опрокинул его. И затем боксом принялся гонять его по всей

хижине до тех пор, пока, наконец, мы не решили заступиться. Но Луч был почти трупом. Вдребезги исколоченный, со сломанными костями, и я не знаю еще с чем. Само собой, мы сунули его в кровать, где он и посейчас лежит. Никогда уже он не будет прежним Лучом.

Настала многозначительная тишина.

– Гульден, ты слышал это? – спросил Келс, повернув к нему свое бледное лицо.

– Да, – ответил тот.

– Что же ты думаешь об этом Джиме Клэве и о деле, которое он сорвал?

– Клэва никогда не видел, придет время – погляжу. А потом достану себе девчонку Брандера.

В Гульдене было что-то особо подлое и мерзкое. Может быть, своим вопросом Келс и хотел подчеркнуть это или же он добивался только его мнения о Джиме Клэве?

Жанна не могла решить этого. Она догадывалась, что между Гульденом и остальными бандитами существует тайная вражда. Но было тут и что-то другое, неуловимое, похожее на страх. Гульден был преступником из любви к преступлениям. В сравнении с ним все остальные бандиты казались ей обыкновенными жуликами. Даже Келс, в хладнокровнейших злодействах которого она сама убедилась, рядом с Гульденом утрачивал свой ореол ужасного разбойника. Чтобы только не видеть устремленных в ее сторону громадных глазных впадин Гульдена, Жанна закуталась в оде-

яло с головой. Нервы ее ослабли, и все тело содрогалось от одного слова, которое она беспрестанно шептала про себя: «Джим! Джим! О, Джим!» Последний возглас перешел в приглушенное всхлипывание.

Джим совершил ужасный поступок. И теперь он найдет смерть в какой-нибудь пьяной драке или, что еще хуже, сделается членом этой разбойничьей шайки и опустится окончательно.

Это было тяжелым наказанием для Жанны. Она сама навлекла на его голову такое несчастье. Как была она глупа и лжива, как бессмысленно кокетничала своим равнодушием к нему. Она любила Джима Клэва. Но узнала это слишком поздно – только когда поехала следом за ним.

Но несмотря на весь свой ужас, Жанна почувствовала горячее желание спасти Джима, хотя бы и ценой своей жизни. Ее страх перед Келсом исчез, как исчез он и перед остальными бандитами, за исключением Гульдена. Его она не считала за человека, перед ним она была бессильна. Если на других еще можно было как-то повлиять, на Гульдена – уже никогда.

Постепенно ее мучительные мысли улеглись, она успокоилась, и только тупая, тихая боль осталась в груди. Прошлое ушло куда-то страшно далеко. Настоящее было ничем. Одно будущее имело значение, потому что там скрывался Джим Клэв. Она не уйдет отсюда. Она пойдет дальше, в Кэбин-Галч.

Глава VIII

Прошло три дня. Жанна так усердно ухаживала за Келсом, как будто и в самом деле была его женой. Почувствовав себя значительно крепче, Келс решил тронуться к главному лагерю в Кэбин-Галч. Его тянуло туда, и всякое возражение он отклонял с властным нетерпением. Товарищи поочередно должны были поддерживать его в седле. Спустя четыре дня лошади были оседланы и вся поклажа увязана.

За эти несколько дней Жанна убедилась, что ее присутствие разбудило в душе Келса давно заглохшую, возможно, почти уже умершую сторону его души. Когда она находилась возле него, он становился совершенно иным человеком. Вероятно, он и сам не замечал за собой подобных превращений. Он принимал уход Жанны с удивлением и благодарностью, но ни разу не проявил жалости или желания помочь ее положению. Видно было, что он безнадежно влюбился в нее. Его странные, красивые глаза следили за каждым ее шагом, и в глубине их зажигался мечтательный огонек, но в ее присутствии он большей частью молчал.

Жанна постоянно ощущала на себе и взгляды других бандитов, по большей части смотревших на нее исподтишка и почти со страхом. Но Гульден и тут представлял собою исключение. Гигант-разбойник подолгу впивался в нее мрачным неподвижным взглядом, не проявляя никакого любо-

пытства или удивления. Вероятно, женщина казалась ему очень странным существом, и его волновали непривычные чувства. Случайно встретившись с ним глазами (а она старалась это делать как можно реже), Жанна внутренне содрогалась, и при этом ей всегда вспоминалась история об одной горилле, укравшей белую женщину. Она никак не могла отделаться от этого воспоминания, и оно играло большую роль в ее дружелюбном отношении к Келсу.

В это утро Келс пожелал надеть свой пояс с револьвером. Кобура и полный патронташ для такого слабого человека, как он, являлись непосильным грузом. Рыжий Пирс настойчиво доказывал это, но Келс только отшучивался. Все бандиты, за исключением Гульдена, были преисполнены к нему явным дружелюбием и постоянной заботливостью. Жанна догадалась, почему Келс пристегнул свой револьвер. Он хотел быть готовым каждую минуту защитить ее.

Когда все тронулись, Жанне было приказано ехать впереди Келса и Пирса; последний должен был поддерживать в седле своего атамана. Погонщиками лошадей с поклажей были Бейд Вуд и Французик. Гульден замыкал кортеж.

Такой порядок сохранился вплоть до полудня. Первый привал сделали на затененной деревьями душистой полянке. Келс выглядел измученным; его лоб был покрыт клейким потом и изборожден морщинами страдания. Но несмотря на это, он терпеливо сносил все мучения и весело торопил своих товарищей.

Спустя час они тронулись дальше. Ложбина становилась все длиннее, шире и гористее. Тропинка – все шире и глаже. Возвышенность постепенно спадала, о чем можно было судить по убыстрявшемуся бегу ручьев и потеплевшему воздуху.

Не проехали еще и половины пути после первого привала, как Келс совершенно обессилел. Без поддержки своих товарищей он, вероятно, вывалился бы из седла. Один за другим бандиты поддерживали его. Ехать возле его лошади в согнутом положении и держать всю тяжесть его тела на себе, было далеко не легким делом. Жанна заметила, что Гульден ни разу не предложил своих услуг. Ощущение его присутствия позади себя все время не покидало ее, и время от времени, едва только он подъезжал ближе, это чувство усиливалось. Внезапно она почувствовала, что Гульден внимательно следит за нею. Когда же кавалькада остановилась, чтобы устроить лагерь на ночь, Жанну вдруг охватил ужас перед какой-то неминуемой опасностью.

Тут Келс внезапно упал в обморок. Бандиты положили его на одеяла, подсунув под голову седло. Жанна ухаживала за ним, и понемногу он опять пришел в себя.

Час прошел в хлопотах; бандиты разгружали лошадей, поили их и стреноживали; другие доставали съестные припасы, таскали дрова и принимались готовить еду. Келс жадно пил воду, но от еды отказался.

Улучив удобную минутку, он прошептал:

– Жанна! Я очень устал... Все время будьте возле меня. В случае чего, сейчас же разбудите меня.

С этими словами он тотчас же закрыл глаза и вскоре погрузился в глубокий сон.

Хорошо сознавая свою красоту, Жанна совершенно не была тщеславна. Она принудила себя быть с бандитами приветливой, любезной и даже немного льстивой. Мужчины моментально отозвались на это. Вначале они вели себя дерзко, фамильярно и грубо. Но увидев, что их намеки и шутки не оказывают на нее никакого действия, они резко изменили свое отношение к ней. Совершенно незаметно для себя они поддавали под ее влияние. Лишь один Гульден представлял собой резкий контраст и загадку. Сидя у костра и глотая еду, словно волк, он смотрел на Жанну, точно она была какой-то мертвой вещью. Его глаза тяготели на ней, словно глаза дикого зверя.

Жанна чувствовала, что для своей безопасности ей необходимо завязать как можно более дружелюбные и непосредственные отношения с остальными бандитами. Она с грустью и робостью следила за силой своего очарования. Дома ее особа не являлась чем-то необыкновенным, жизнь проходила просто и естественно. Но здесь все выглядело иначе. Для диких сынов одиночества, с их бешеной кровью, женщина являлась чем-то бесконечно заманчивым и возбуждающим. Их глаза с непонятной и странной жадностью следили за нею.

Окончив ужин, Жанна сказала:

– Я пойду и спутаю свою лошадь, иначе она забежит куда-нибудь.

– Лучше я пойду, мисс, – сказал ей Вуд. Он еще ни разу не назвал ее миссис Келс. Жанна считала его лучшим из всей банды. «Он прожил достаточно, и какая-то часть его жизни не была подлой», – рассуждала она.

– Лучше я схожу, – вставил Пирс.

– Нет, спасибо, я пойду сама, – заявила Жанна.

Взяв веревку, она отважно двинулась по тропинке, как вдруг до ее слуха донеслись тихие, но ясные слова:

– Гульден, какого черта ты идешь туда? – то был голос Рыжего.

Жанна обернулась. Гульден только что собирался последовать за ней. Ее сердце сжалось, колени подогнулись, и она хотела броситься бежать обратно, но тут Гульден остановился и, что-то ворча про себя, повернул в другую сторону.

– Мы следим, Гульден, – продолжал Пирс. – Смотри, иначе мы расскажем Келсу.

Гулкое и злобное проклятье было ему ответом. Жанна бросилась бежать по тропинке, пока, наконец, их голоса совсем затихли.

Найдя свою лошадь и перейдя на другую сторону ручейка. Жанна стала пробираться к лагерю между бальзаминными деревьями, то и дело пролезая под низко нависшими ветвями елей. Она не торопилась. Так хорошо было побыть

одной, вдали от этих страшных людей, вдали от постоянно чреватой взрывом атмосферы. Но очутившись возле спящего Келса, она почувствовала себя еще легче. Разложив около него свои одеяла, она храбро приготовилась встретить ночь. Инстинктивно она улеглась так, чтобы иметь возможность быстро схватить его револьвер.

Солнце только что село, и в долине было тепло и тихо. Высоко в горах медленно гасли розовые огоньки. Разбойники все занялись работой. Гульден, которого Жанна считала лежебокой, взял на себя наиболее тяжелую часть работы. Казалось, ему доставляло особое удовольствие одному таскать громадные балки, которые даже двоих здоровых людей пригнули бы к земле.

Бандиты развели костер в нежелательной близости от того места, где улеглась Жанна, но когда воздух вдруг стал прохладным, она больше не протестовала. Наступила темнота, и, закончив дневные работы, бандиты собрались у костра. В них произошла заметная перемена. Один за другим выискивали они всевозможные предлоги, чтобы приблизиться к ней. В поведении каждого из них сказывалась личная, индивидуальная черта. Жанна поняла, что поступок Гульдена заставил и всех остальных заглянуть в собственную душу. Гульден сидел молча и неподвижно. Освещенный пламенем костра, он походил на гигантского мрачного человека-обезьяну. Он больше не глядел на Жанну. Неужели это бесформенное существо, состоящее из одних мускулов и костей, на-

чало думать? Бейд Вуд делал ей до грубости недвусмысленные предложения.

— Ах, мисс, — закончил он своим хриплым шепотом, — все мы знаем, что вы не жена Келса. Этот бандит никогда не женится. Он ненавидит женщин. В Калифорнии он даже стал знаменит по этому поводу. Он утащил вас, это ясно... Гульден клянется, что это он пристрелил своих людей, а затем для разнообразия и вы всадили в него пулю. Каждую минуту тут может произойти свалка... Лучше будет, мисс, если вы сегодня же ночью покинете лагерь... Когда все уснут... Я приготовлю еду и лошадей и довезу вас до какого-нибудь приискового лагеря. Оттуда вы сможете и домой отправиться.

Жанна только покачала головой. Если бы она и могла поверить Вуду, то все равно было уже поздно. Все предстоящие испытания были ей уже безразличны, поскольку своими страданиями она могла спасти своего Джима Клэва.

Бандит по имени Французик то и дело подмигивал влюбленными глазами и проявлял грубую внимательность. Он больше не обращал на своих товарищей никакого внимания, словно их тут вовсе не было. Он и Рыжий Пирс наперебой старались рассыпаться в любезностях. Остальные бандиты поглядывали на них хмуро и недоверчиво. Положение могло бы показаться даже веселым, если бы не было страшным. Молоденькая, очаровательная женщина свалилась, как снег на голову, в лагерь одиноких и диких лю-

дей. Это неожиданное обстоятельство возродило в их одичавших сердцах прежний эгоизм, тщеславие и неудержимую жажду чем-то казаться. Они выглядели так же курьезно, как стая тетеревов, расхаживающих и прихорашивающихся перед единственной самкой. Возможно, что в некоторых сердцах пробудилось и простое, братское чувство к этой беззащитной девушке, однако многие возгорелись к ней той же самой животной страстью, которую испытал и Келс.

– Послушай, Французик, ты плохой кавалер, – заявил Рыжий Пирс. – А ты, Бейд, слишком стар. Убирайтесь-ка отсюда, – ну, быстро, быстро! – Дружелюбно, но властно он отвел обоих мужчин в сторону.

– Никак ты забыл, что она все-таки Келсова девчонка, а? – протяжно заявил Вуд.

– Келс спит, а может быть, даже и мертв, – ответил Пирс.

– Чем же вы еще обработали Келса? – спросил он Жанну, наклоня к ней свою красную рожу.

Жанне пришлось разыграть роль. В любопытстве Пирса она чувствовала желание уличить ее во лжи. Очевидно, ему хотелось сопоставить ее невинность, так сильно подействовавшую на него и его товарищей, с той покорностью, с которой Жанна отдавала себя во власть Келса, не будучи в то же время его женой.

– Это никого не касается, – ответила Жанна.

– Само собой! – сказал Пирс и затем, нагнувшись к ней ближе, спросил: – Что я еще хотел узнать... Прав Гульден

или нет? Это вы прострелили Келса?

Жанна быстро отклонилась в темноту и схватила Келса за руку.

– Алло! Кто здесь? – резко воскликнул тот, подняв голову. Пирс осторожно отодвинулся, испуганный, но не смутившийся.

– Это только я, хозяин, – ответил он. – Я уж собрался спать, но потом решил посмотреть, как ты себя чувствуешь и не могу ли я чем помочь...

– Все в порядке, Рыжий! – сказал Келс холодно. – Убейте отсюда и дайте мне отдохнуть. Убирайтесь все отсюда.

Пожелав спокойной ночи, Пирс отошел к своим товарищам. Вскоре все они расположились на ночлег, и только один Гульден продолжал сидеть, освещенный дрожащим пламенем костра.

– Жанна, почему вы разбудили меня? – прошептал Келс.

– Пирс начал допытываться, стреляла я в вас или нет, – ответила Жанна, – и вместо ответа я разбудила вас.

– В самом деле? – воскликнул Келс сдержанным тоном и рассмеялся. – Ничего с ними не поделаешь. Но в этом нет ничего плохого. Может быть, даже будет очень хорошо, если они узнают, что ты хотела пристрелить меня.

Он задумался. Гаснущий костер освещал его бледное лицо, но больше он ничего не сказал и вскоре уснул снова.

Жанна закуталась в свои одеяла и прислонилась головой к седлу. Ночь становилась морозной. Ветер метался в вет-

вах бальзаминовых деревьев; костер тлел грустно и багрово. Жанна следила глазами за черной, бесформенной массой, представлявшей собою Гульдена. Долгое время он сидел совершенно неподвижно, но постепенно оживился. Приблизившись к костру, он на мгновение выпрямился. При неровном свете он казался еще чудовищнее. Двумя черными впадинами зияли глаза на его жутком лице. Жанна почувствовала их взгляд на себе. Затем он пошел к остальным разбойникам, и вскоре раздалось его тяжелое и глубокое дыхание, подобное мирному сну зверя.

К утру весь лагерь кипел оживленной работой. Лошади стояли оседланными. Восседая на камне вблизи костра, Келс держал в руке чашку с кофе. Он выглядел значительно лучше. Направляясь к ручью, Жанна почти вплотную прошла мимо Пирса, Французика и Гульдена, однако они не обратили на нее никакого внимания. Один только Бейд Вуд приподнял свое сомбреро и промолвил: «Добрый день, мисс».

Вскоре они снова тронулись в путь. Сидя в седле, Жанна совершенно не замечала времени. Движение и перемена местности доставляли ей удовольствие. Около полудня въехали в широкую долину, окруженную высокими, куполообразными горами. Среди зеленой травы паслось стадо лошадей и овец. Широкая и шумная река разделяла поляну на две части.

Погонщики повели лошадей через реку и затем наискось – через полянку к большой расселине среди скал. Рассели-

на оказалась узкой, стесненной отвесными и колючими стенами; но дорога была хорошая. Вскоре это ущелье вывело их на прекрасную трехугольной формы теснину. По гладкой земле струился ручеек; то там, то сям стояли группы сосен и елок, среди них высоко вздымались гиганты-бальзамины. Громадные участки, усеянные цветами, придавали холмам розовый оттенок. В дальнем конце теснины Жанна заметила несколько разбросанных блокгаузов. То был знаменитый Кэбин-Галч.

Доехав до первой хижины, всадники разделились. Из хижины с громкими приветствиями выходили мужчины. Гульден остановился здесь; другие поехали дальше. Вуд погнал нескольких лошадей вверх по отлогому холму. Рыжий Пирс, ехавший возле Келса, сделал знак Жанне следовать за ним. Они подъехали к редкому ельнику, посреди которого стоял большой дом.

Быстрым и острым взглядом Жанна окинула мужчин, вышедших к ним навстречу. Джима среди них не оказалось. Исчезли судороги, сжимавшие ее горло, и Жанна с облегчением вздохнула.

Келс чувствовал себя гораздо лучше, чем вчера, однако с седла его все-таки пришлось снять. Все бандиты старались помочь Келсу, но он оказался в состоянии и без посторонней помощи дойти до дверей дома. Бейд Вуд повел за ним Жанну.

Они вошли в длинное помещение с камином и грубыми

скамейками, стоявшими возле такого же грубого стола. Шкуры зверей устлали пол, на стенах висели фонари и всевозможное оружие. В переднем углу Жанна увидела беспорядочную кучу кухонных принадлежностей и несколько досок с разложенной на них пищей.

Поднявшийся шум и расспросы внезапно прекратились от нетерпеливого окрика Келса.

– Я вовсе не ранен, – сказал он. – Все в порядке, я только немного ослаб и устал. Вот, ребята, это моя жена... Жанна, там, с той стороны дома, ты найдешь еще одну комнату. Можешь занять ее.

Жанна с радостью ухватилась за его предложение. В задней стене первой комнаты была пробита дверь, завешенная одеялом. Отодвинув завесу, Жанна очутилась у крутых ступенек, которые вели в более маленькую хижину, состоящую из двух комнат. Обе комнаты разделяла стена, сделанная из засохших ветвей.

Опустив за собой одеяло, Жанна поднялась по ступенькам. Новый блокгауз был вплотную пристроен к старому и, кроме той двери, в которую вошла Жанна, не имел никакого другого входа. Щели между балками пропускали достаточно света.

Внутреннее убранство представляло из себя широкую постель из груды сваленных ветвей, покрытых одеялом, помутневшее и разбитое зеркало, составленный из ящиков стол и фонарь. Это помещение было на четыре фута выше

остального дома. Комнаты оказались тихими и удобными, а главное, защищенными от всяких нежеланных посетителей. Жанна не ожидала от Келса такого внимания и почувствовала к нему благодарность. Она прилегла, желая отдохнуть и собраться с мыслями. В ее новом жилище было очень приятно. В трещинах стен птицы свили себе гнезда; пробегавшая по балкам белка зашипела на нее. В одну из щелей, как раз вровень с ее лицом, она могла видеть куст диких роз и зеленые склоны ущелья; мягкий, душистый ветерок проник к ней в комнату и шевелил волосы. Как странно, что в таком разбойничьем гнезде могут оказаться такие приятные и красивые вещи. Внезапно Жанной овладела страшная слабость, глаза ее слипались. Она хотела побороть усталость, но сон одолел ее, и она проснулась только от какого-то громкого шума. Кто-то сильно стучался к ней. Встав, она отодвинула завесу в сторону. Бейд Вуд стоял у ее дверей.

– Ну-с, мисс, ужин я вам приготовил, – сказал он. – Полагаю, что вы не станете протестовать, если я принесу вам вашу порцию.

– Это было бы чудесно, большое вам спасибо! – ответила Жанна.

Спустя несколько мгновений Вуд вернулся, держа в руках крышку от ящика, на которой стояли дымящиеся сковородка и чашка.

– Ведь я первоклассный повар, мисс, если у меня есть из чего готовить, – сказал он с усмешкой, смягчавшей его жест-

кое лицо.

После долгого употребления тяжелой и грубой пищи этот ужин оказался донельзя вкусным и приятным. Пока она ела, завеса на дверях вдруг зашевелилась и на пороге показался Келс. Опустив позади себя занавеску, он остался стоять внизу у ступенек. Рукава его рубашки были засучены, лицо чисто выбрито. Он выглядел помолодевшим.

– Ну, как вам нравится ваше... «гнездышко»? – спросил он с оттенком своей обычной насмешливости.

– Я благодарна за уединенность, – ответила Жанна.

– Значит, вы думали, что иначе было бы гораздо опаснее?

– Я уверена в этом.

– Допустим, что Гульден прикончит меня, завладеет бандой и вас возьмет себе?.. Существует одна история, страшнее которой я еще ни разу не слыхал здесь, на границе. Как-нибудь я расскажу вам ее, когда захочу посильнее напугать вас.

– Гульден! – с содроганием повторила Жанна. – Вы очень дружны с ним?

– Ни у кого здесь не может быть друзей. Мы слетаемся, словно ястребы. Чем нас больше, тем это безопаснее, но враждуем мы друг с другом так же, как и ястребы над падалью.

– Скажите, Келс, вы ненавидите эту жизнь?

– Я всегда и всюду ненавидел свою жизнь. Я любил только приключения... Но я охотно начну новую жизнь, если вы пойдете со мной.

Жанна замотала головой.

– Но почему же нет? Я женюсь на тебе, – продолжал он тихо. – У меня есть золото и, может быть, станет еще больше.

– А откуда взялось это золото? – спросила она.

– Гм, я только слегка облегчил некоторых перегруженных путешественников и золотоискателей, – отвечал он.

– Келс, вы... подлый жулик! – воскликнула Жанна, не будучи в состоянии овладеть своим возмущением. – Вы, вероятно, совсем с ума сошли, предполагая, что я могу выйти за вас замуж.

– Нет, я не сошел с ума, – ответил он со смехом. – Вот Гульден в самом деле рехнулся. В его мозгу теперь не достает винтиков. Но я не дурак... только одной тебе дал я свернуть свою голову. Не забудьте же подумать о браке со мной и сравните приятную жизнь среди приличных людей с атмосферой таких лагерей, как этот. Если я не напьюсь, то по возможности постараюсь прилично обращаться с вами, но рано или поздно меня все равно пристрелят, и тогда вы достанетесь Гульдену.

– Почему же именно ему? – с боязливым любопытством спросила Жанна.

– Ну, так просто! Гульден околдовал меня.

– О, он и меня преследует... Возле него вы и все остальные кажетесь сущими ангелами, хотя вы тоже очень злы и испорчены.

– Так значит вы не хотите быть моей женой и отправиться

со мной в другие края?.. Станный выбор, однако... И все потому, что я говорю вам правду...

– Келс! Какой-то голос глубоко в сердце твердит мне, что вы не станете держать меня здесь, что вы неспособны на такую подлость. Особенно теперь, когда я спасла вам жизнь. Это было бы чудовищно, бесчеловечно! Я не верю, чтобы мужчина, у которого была мать, оказался способным на такой поступок.

– Но я жажду тебя, я люблю тебя! – тихо и твердо сказал Келс.

– Люблю! Разве это любовь? – ответила Жанна с презрением. – Один Бог ведает, что это такое!

– Называйте как хотите, – продолжал он с горечью. – Вы молодая, прекрасная, очаровательная женщина. Находитесь возле вас наслаждение! Вся же моя жизнь – сплошной ад. Я еще ничего не видел прекрасного. И когда я заглядываю в свое будущее, то там меня ждет опять крошечный ад. Таким же дьявольским будет и мой конец. Почему бы мне и не удержать вас.

– Келс, выслушайте меня, – серьезно сказала Жанна. – Пусть я, по-вашему, молода, чудесна, очаровательна, прекрасна. Но я нахожусь в вашей власти и принуждена искать у вас защиты против еще более страшных людей. Вы не такой, как они. Вы образованы, культурны. Вероятно, у вас... была хорошая мать. Теперь же вы полны горечи, отчаялись, сделались ужасным человеком. Вы ненавидите жизнь и думаете,

что все прелести, которые вы видите во мне, дадут вам что-то новое... Возможно, что очень краткий момент радости и будет. Но как же это возможно? Посудите сами... Как же это возможно... раз я... раз я-то не люблю вас?

Келс молча уставился на нее. Злобная страсть исказила его лицо. Не спуская глаз с Жанны, он протянул руку за спину и отдернул завесу; затем, нагнув голову, быстро вышел.

Жанна осталась неподвижно сидеть на месте, прислушиваясь к усиливающемуся стуку своего сердца. Что если ей удастся заставить Келса сдерживать себя и ждать ответа на его любовь? Ведь тогда она сделает с ним все что захочет.

Несколько мгновений Жанна была целиком поглощена этой мыслью. А вдруг этот пронизательный бандит раскроет ее план? Он начнет ее презирать, и тогда она погибла.

А тем временем в переднем блокгаузе беспрерывно слышались глубокие мужские голоса – то затихая, то снова гудя, гулко и угрожающе. Внезапно Жанна услышала ясно произнесенное имя Джима Клэва. Вся залившись краской испуга, она бросилась к дверям. Поднимая края занавески, ее рука сильно дрожала.

Огонь в камине и с полдюжины фонарей освещали большое помещение. Сквозь голубую завесу табачного дыма Жанна увидела толпу мужчин, собравшихся вокруг Келса, восседавшего в наиболее освещенном месте комнаты. Жанна видела, как их темные лица выжидательно обращены были в сторону двери.

– Введи его сюда, Бейд, мы хотим взглянуть на него, – сказал Келс.

Спустя немного времени Бейд Вуд появился снова. Его рука лежала на плече высокого, стройного молодца. Когда они вошли в полосу света, Жанна съежилась, как от удара. Вошедший был Джим Клэв.

– Рад познакомиться с вами, Клэв, – приветствовал его Келс, протягивая руку.

– Здравствуйте, и я также рад, – ответил Клэв, пожимая протянутую руку. Его голос прозвучал холодно и бесцветно.

Жанна смотрела на него с безграничным удивлением. Она помнила Джима широкоплечим, цветущим юношей, с добродушной, ленивой усмешкой на довольно полном лице и пронизательными, живыми глазами. Теперь же она едва узнала его; он стал стройным и сильным; литые мускулы приподнимали его грубую белую рубаху. С жутким чувством заметила Жанна пару тяжелых револьверов, болтавшихся на поясе. Затем ее глаза устремились к его лицу. Прежний Джим всегда выглядел довольно непритязательно; лицо его было слишком мясистым, чтобы обнаружить силу воли или кипучую страстность. Но вот сейчас он был просто красавцем, хотя красота его и была трагичной. Он выглядел таким же бледным, как и Келс, без тени загара. Его губы как бы замерли в горькой, безразличной усмешке, глаза смотрели прямо, пронизывающе, тоскливо и мрачно, как ночь. Большие синие круги лежали вокруг век, придавая глазам осо-

бенную глубину и таинственность.

Пока Жанна разглядывала Джима, он обменялся с Келсом еще несколькими словами. Келс держался открыто и дружелюбно, как и все его товарищи. Окружив Клэва целой толпой, они со смехом и шутками повели его к длинному столу, где несколько человек уже сидели за игрой.

Жанна опустила завесу. Даже закрыв глаза, она все еще видела это бледное и скорбное лицо.

Шум в соседней хижине настолько усилился, что неожиданно последовавшая за ним тишина показалась Жанне не лишенной какого-то значения. Отодвинув край завесы, она снова выглянула наружу.

Гигантский, мрачный, тупой Гульден только что вошел в хижину. Пробившись сквозь толпу, он подошел к Келсу. Его глубоко сидящие глаза зловеще поблескивали.

– Хелло, Гульден! – воскликнул Келс. – Чего тебе недостает?

– Тебе никто не рассказывал о Билле Байли? – мрачно спросил Гульден.

Келс не проявил ни малейшего беспокойства.

– Что там рассказывать?

– А то, что он только что испустил дух там внизу, в долине.

Келс слегка вздрогнул, глаза его сузились и заблестели стальным светом.

– Нет, это для меня новость.

– Ты решил, что Бейли мертв, однако он был еще жив,

когда ты оставил его. Несмотря на рану, он дотащился до хижины, – даже не придумаешь, как это ему удалось. Он уже почти помер, когда мимо случайно проходил Бэди Джонс. И прежде чем умереть, он через Бэди послал мне весточку. Хочешь узнать, что он велел мне передать?

– Нисколечки, – ответил Келс. – Байли оскорбил мою жену, и за это я пристрелю его.

– Он клялся, что ты хладнокровно убил его, – загремел Гульден. – Он клялся, что ты сделал это ни с того ни с сего, – только для того, чтобы остаться одному с этой девчонкой.

Келс поднялся с удивительным спокойствием, только бледность и легкое дрожание рук выдавали его волнение. Беспокойное движение и ропот пробежали по комнате. Рыжий Пирс, стоявший ближе всех, подошел и встал возле Келса. Внезапно атмосфера накалилась.

– Ну, что же! Он верно клялся тебе... А при чем ты тут?

Очевидно, то обстоятельство, что Билл умер, весьма мало заботило Гульдена. Иначе говоря, у него были какие-то совершенно другие намерения; он был хитер и скрытен, тогда как все считали его только тяжеловесным и тупым.

– Дело сделано, Билл мертв! – заметил он. – Но почему ты обманываешь нас? Что ты скрываешь? Никогда с тобой не случалось ничего подобного... А эта девчонка вовсе не твоя...

– Молчать! – гаркнул Келс. Его рука молниеносно выдернула револьвер.

Но Гульден не шелохнулся. Он не проявил ни удивления, ни страха, ни вообще какого-либо волнения. Казалось, он вдруг погрузился в какие-то тяжелые размышления. Рыжий Пирс встал между Келсом и Гульденом. Напряжение толпы разрядилось. Послышался громкий вздох облегчения и шарканье многих ног. Гульден отвернулся. Келс тоже вернулся к прерванной игре и к своей трубке, как будто ничего не произошло.

Глава IX

Вся объятая холодным и почти судорожным чувством облегчения. Жанна отвернулась от двери. Тень смерти только что пролетела над этими людьми.

Бандиты болтали и пересмеивались. До слуха Жанны доносился стук бросаемых костей, сухой треск брошенной карты и глухие удары маленьких, наполненных золотом мешков. Жанна снова с любопытством заглянула в щелочку занавески.

Все помещение было окутано голубым облаком табачного дыма. Она увидела Джима в обществе нескольких бандитов, занятых карточной игрой. Он сидел к ней спиной, но по виду его партнеров Жанне нетрудно было проследить ход игры. Бандиты смотрели напряженно и нетерпеливо, проявляя жгучее любопытство, когда шла чья-нибудь карта. По движению руки и по манере держать голову можно было судить о равнодушии Клэва. Один из игроков вдруг гневно швырнул свои карты на стол и вскочил.

– Что, повытрясли, голубчик? – заметил другой. – У него есть еще две банки из-под овощей, полные золотой пыли. Я сам видел их... Он просто струсил... как отравленный койот.

– А я так рад, что Клэву чертовски везет! Можно по крайней мере надеяться, что теперь он отдаст мое золото, – громко заржала третья игральная крыса.

– Джим, послушай, тебе одинаково везет и в любви и в картах? – спросил четвертый бандит.

– Везет ли в любви?.. Ну, само собой! – ответил Клэв насмешливо.

– Черт возьми! Ну не смешно ли? Вот возьми, например, хозяина. Уж кто лучше него обрабатывает девчонок, зато и никудышный же он игрок.

Услыхав эти слова, Келс рассмеялся вместе со всеми.

– Ах ты, грязный мексиканец! Ты еще ни разу не выиграл и пяди моего золота, – сказал он.

– А ну-ка, хозяин. Посмотришь сам, как потечет твое золото. Тебе не справиться с этим Джимом. Счастье, самое свинское счастье, прилепилось к нему! Он все отыграет у тебя: все твое золото, твоих лошадей, твои седла, шпоры, револьвер и даже твою рубаху, если ты войдешь в азарт.

Говоря это, бандит бросил свои карты на стол и уставился на Клэва с каким-то печальным, недоумевающим видом. Келс подошел к ним и положил руку на плечо Джима.

– Скажите-ка, дружок, – заметил он веселым тоном, – вы только что утверждали, что вам так же везет в любви, как и в карты... Однако мне почему-то кажется, что сюда, на границу, вы явились только благодаря какой-то любовной катастрофе?

Келс говорил так шутливо, что даже наиболее вспыльчивый человек не обиделся бы на него.

– Катастрофа из-за девушки?.. А, к черту обеих! – равно-

душно ответил Джим.

Наутро в соседней хижине царила долгая тишина. Никто не показывался. Утро наполовину прошло, когда, наконец, Вуд постучался к Жанне, держа в руках полное ведро свежей воды, чашку для мытья и чистое полотенце. Немного погодя он принес и завтрак. А затем Жанне ничего другого не оставалось, как только расхаживать взад и вперед по своим двум комнатам.

Около полудня она вдруг услышала голос Келса, о чем-то тихо беседовавшего с одним из своих товарищей. Слов ей разобрать не удалось. Внезапно голоса замолкли, и она услышала за углом шаги Келса. От крыльца хижины галопом помчалась лошадь, а одной секундой позже к девушке постучали.

– Жанна! – Завеса отлетела в сторону, и на пороге появился Келс, бледный и взволнованный.

– Что случилось? – быстро спросила Жанна.

– Сегодня утром Гульден пристрелил двух моих людей. Один уже умер. Другой совсем плох. Я еще не видел его.

– Кто же... кто это? – запинаясь, спросила Жанна. Все ее мысли вертелись только вокруг Джима Клэва.

– Дэн Маленький мертв. Другого мы звали Диком. Никогда не слышали его фамилии.

– Что же там произошло? Драка?

– Конечно! А Гульден затеял ее. Он крайне неуживчивый

человек, и никто не может с ним поладить. Постоянно находится в состоянии, которого другие люди достигают только в пьяном виде. Жалею, что не пристрелил его еще вчера вечером. Я бы и сделал это, не подвернись Рыжий Пирс.

Келс был в дурном настроении и казался сильно озабоченным. Он так просто говорил с Жанной, как будто ее симпатии, само собой, должны быть на его стороне.

Жанна постаралась изобразить сочувствие, которого на самом деле не испытывала.

– Я всегда думала, что вы во вражде с Гульденом.

Келс присел на один из ящиков, и его тяжелый револьвер послушно улегся на пол рядом с ним.

– Об этом я до сего дня еще не думал, – сказал он. – Мы, в общем, всегда ладили друг с другом. Когда я выдвинул его, он ни капельки не изменился, остался тем же, каким и был. А теперь я замечаю в нем перемену. Впервые мне так показалось в Ласт-Каньоне. И знаете, Жанна, это все потому, что Гульден увидел вас.

– Нет-нет. Не может этого быть! – вся задрожав, воскликнула Жанна.

– Может быть, я и ошибаюсь. Гульден никогда и ни с кем не дружит. Его отношение к Биллу Байли было самым обыкновенным. Что же теперь он нашел в этом пьянице? В общем он задира, но теперь какой-то винтик испортился в его мозгу и делает его опасным... Я хотел было отвязаться от него. И после вчерашнего вечера даже определенно решил сделать

это, но теперь не так-то легко от него отделаться.

– Почему? – с любопытством спросила Жанна.

– Пирс, Вуд, Бэрд и еще некоторые парни, на которых я надеюсь, заявили, что это не пройдет. Они дали мне понять, что не только среди моих людей, но вообще по всей границе Гульден – большая величина. Я разозлился, не веря этому. Но пока я ничего наверное не знаю и ничего не могу сделать... Все боятся этого Гульдена. Вот в чем дело!.. Кажется мне, что даже я боюсь его.

– Вы? – воскликнула Жанна. Келс выглядел пристыженно.

– А почему бы нет, Жанна? – ответил он. – Ведь Гульден не человек. Настоящих людей я никогда не боялся. Но он... дикий зверь!

– Он напоминает мне гориллу, – сказала Жанна.

– Теперь я знаю только одного человека, который не боится Гульдена. Это новичок в нашей пограничной полосе. Джимом Клэвом зовет он себя. Молоденький мальчишка, которого я никак не разберу. Но он не задумается съездить по морде и самому дьяволу. Клэв недолго продержится здесь. Хотя как знать! Люди, смеющиеся над смертью, иногда очень долго не встречаются с ней. Когда-то и я был таким же... Клэв слышал, как я разговаривал с Пирсом о Гульдене, и заявил: «Я выгоню этого Гульдена вон из лагеря или пристрелю его».

– А вы что сказали? – спросила Жанна, стараясь говорить твердо и глядя в пол.

– Я сказал ему: «Джим, мне это очень нравится, но я вообще не хочу, чтобы вас укокошили»... В нем так и кипит удальство. Сказал так легко, как будто... как будто предложил подтянуть ремень у моего седла. Но Гульден способен заставить плясать целую сотню парней. Он уже не раз доказал это. А когда разговор идет о смертельном выстреле, я еще ни разу не слышал, чтобы он в кого-нибудь промазал.

– И поэтому вы боитесь его?

– Нет! – страстно ответил Келс, точно задетый в своей мужской чести. – Нет, я боюсь его только за то, что он Гульден. В нем есть что-то омерзительное... Гульден – людоед.

Жанна уставилась на него, как будто плохо расслышав его слова.

– Голый факт! Известен по всей границе. Гульден не станет зря брехать, но однажды все-таки проболтался. Он был моряком. Пиратом. В одно из своих плаваний он потерпел крушение. Страх перед голодной смертью вынудил его сожрать человека. Эту историю он рассказал в Калифорнии и в лагерях Невады. Однако никто не хотел верить ему. Но два года тому назад за Левистоном его занесло снегом. С ним было еще двое товарищей. Всем грозила голодная смерть. Следовало во что бы то ни стало пробиться сквозь снег. Они тронулись в путь. Продвигаться вперед было невероятно трудно. После Гульден рассказывал, что оба его спутника не выдержали. Но он просто убил их и вновь спас свою жизнь. Когда это обнаружилось, больше уже никто не сомневался в его

первой матросской истории... Но он же герой и еще одной истории. Однажды он украл девушку и затащил ее в горы. Когда зима прошла, он возвратился один и рассказал, что голую оставил эту девушку привязанной в одной из пещер, где она и замерзла.

– О, какой ужас! – простонала Жанна.

– Я не знаю, правда ли это, но могу легко поверить. Гульден – не человек. Даже самые отчаянные среди нас все-таки еще имеют совесть. Они как-то еще умеют различать злое от хорошего, но Гульден не может. Он ниже всякой морали. У него нет ни малейшего чувства долга, именно таким я и нашел его среди подонков. Эта история с пещерной девушкой выдала его. Ему следовало бы жить в каменном веке. Он – существо бездушное. Зато здесь, на границе, только благодаря такому характеру он и сможет захватить власть.

– Келс! Сделайте так, чтобы он не видел меня! – взмолилась Жанна.

Бандит сразу не понял страха, звучавшего в голосе девушки. Она была для него только слушательницей. И внезапно с озабоченным и грустным лицом он повернулся и вышел, оставив ее одну.

Целых три дня Жанна не видела его после этого, за исключением тех мгновений, когда выглядывала из-за завесы. Она по-прежнему виделась только с одним Бейдом Вудом, приносящим ей пищу. Подобно зверю в клетке, расхаживала она взад и вперед по хижине. За это время в блокгауз

Келса приходило очень немного посетителей и всегда на самое короткое время. Жанна заключила из этого, что Келс не всегда бывал дома. Очевидно, он уже мог ездить верхом. На четвертый день он постучался к Жанне и вошел – спокойный, непринужденный, веселый, властный, как всегда.

– Добрый день, Жанна! – сказал он. – Вы что-то не очень печалитесь о своем заброшенном супруге.

Он засмеялся, как бы потешаясь над самим собой.

– Я не нуждалась в вас, – ответила Жанна, но при виде его все же почувствовала облегчение.

– Охотно допускаю, – сухо ответил он. – Теперь у меня масса работы. Все пока идет как по маслу. Рыжий Пирс взялся за дело, и с Гульденом не произошло особенного скандала. Сейчас он уехал. Говорят, поехал охотиться за одной девушкой по имени Брандер. Надеюсь, что кто-нибудь пристрелит его... И мы, Жанна, тоже скоро тронемся отсюда. Я жду известий. Само собой, я не оставлю вас здесь одну. Путь наш пойдет по грубым тропам, а ваше платье уже и сейчас все в лохмотьях, надо будет что-нибудь придумать для вас.

– Первый попавшийся куст, мимо которого я проеду, окончательно сорвет с меня эти тряпки, – сказала Жанна, поглаживая свое тонкое, сплошь разорванное платье.

– Досадная штука, – сказал Келс, раздражаясь на самого себя. – Откуда, черт побери, я достану вам другое платье? Двести миль до первого приличного места... Это самая дикая местность. Послушайте, вы когда-нибудь носили муж-

ское платье?

– Да-а, когда я отправлялась на охоту или на прииски, – неохотно ответила Жанна.

Внезапно по лицу Келса скользнула дерзкая и вызывающая усмешка. Он потер руки и рассмеялся точно над чем-то весьма забавным. Затем снизу вверх начал оценивающе разглядывать ее стройную фигуру.

– Погодите, я сейчас вернусь! – сказал он.

Спустя немного времени Жанна услышала какую-то возню в том углу соседней комнаты, где лежал сваленный в кучу всевозможный хлам. Вскоре Келс снова появился, неся в руках какой-то узел. Развязав его, он разложил содержимое на кровати.

– Шкура Денди Дейлса! – с живостью произнес он. – Денди был разбойником рыцарем и любил соответственно одеваться. Но однажды он вздумал один ограбить почтовую карету, и какой-то тупоумный пассажир пристрелил его. Он не сразу умер. Заполз в сторону и загнулся в лесу. Двое из моих ребят нашли его и принесли его одежду. Эта штука стоит теперь целого состояния, но ни одному из нас она не впору.

Черная широкополая шляпа с тяжелой серебряной лентой, темно-синяя блуза и вышитая кожаная жилетка, полный патронов пояс и револьвер с перламутровой ручкой, штаны из рубчатого бархата, высокие сапоги с отворотами и позолоченными шпорами, – все из самого лучшего материала и превосходной работы.

– Из повязки своей шляпы я сделаю вам черную маску, Жанна, и тогда вы будете просто изумительны!

Келс говорил с юношеским задором и воодушевлением.

– Послушайте, Келс, уж не думаете ли вы, что я надену эти вещи? – воскликнула Жанна.

– Конечно! А почему бы и нет! Как раз необходимые для вас вещи, немного фантастичные, правда, но ведь вы же девушка. Этого уж не скроешь.

– Я отказываюсь, – заявила Жанна.

– Простите, но вы должны слушаться меня, – ответил Келс холодно и любезно.

– Нет! – крикнула Жанна, не в силах оставаться спокойной.

– Жанна, вам придется очень далеко ехать со мною. Иногда даже в ночную пору. Придется скакать сломя голову, лишь бы только скрыться от преследователей. А чтобы отправиться вместе со мной в лагерь, вам необходима прочная и удобная одежда. Нужно также замаскироваться. Вот вам весь ваш наряд; он точно на заказ для вас сделан. Прямо счастье иметь такой хороший, прочный материал, который способен все выдержать и вдобавок подходит для девушки... Оденьтесь тотчас же!

– Я уже сказала: нет! – снова заявила Жанна.

– Неужели эти вещи смущают вас только потому, что они принадлежали парню, который давно умер? Вот эта дырка на рубахе пробита пулей. Не будьте излишне щепетильной,

иначе вам будет труднее играть свою роль.

– Мистер Келс, вы, по-видимому, совершенно забыли, что я – девушка.

Глаза Келса выражали полное недоумение.

– Может быть... Я буду помнить... Но ведь вы же сами сказали, что уже надевали некогда мужское платье.

– Да, пелерину и рабочие штаны своего брата, в которых я вся тонула, – ответила Жанна.

Лицо Келса напряглось в размышлениях. Внезапно он так и заржал от радости.

– Теперь я понял! Ха! Эта штука... будет сидеть на вас как перчатка... Изумительно! Я горю от нетерпения увидеть вас в ней.

– Этого никогда не будет.

Он вдруг стал серьезен, и глаза его заблестели.

– Вы не хотите даже пошутить. Ну-с, сейчас я выйду отсюда, а когда вернусь, вы будете одеты.

В его голосе прозвучал металл. Так он обычно отдавал приказания своим людям.

В глазах Жанны загорелось упрямство.

– Если вы не переоденетесь к моему приходу, то... я сам сорву ваши лохмотья... Правда, вы довольно сильный маленький чертенок, и, может быть, я еще не настолько поправился, чтобы справиться с вами, но ведь я могу позвать подмогу... Если вы разозлите меня, то, быть может, я дождусь и самого Гульдена.

Ноги Жанны подкосились, и она беспомощно опустилась на кровать. Келс способен был выполнить свою угрозу. Она хорошо поняла зловещий огонек в его глазах.

– Раз вы принуждаете меня... – сказала она.

Не проронив больше ни слова, Келс вышел из комнаты.

Жанна сняла свое грязное, разорванное платье и стоптанные башмаки. Затем отчаянно торопясь, полная страха, что Келс вот-вот вернется, она надела костюм мертвого бандита. Денди Дейлс, должно быть, поистине был ее копией, так как его вещи превосходно на ней сидели. Жанна чувствовала себя настолько странно, что едва решилась взглянуть на себя в зеркало. Но взглянув, она вздрогнула от смущения. Не будь у нее открыто лицо, она никогда не узнала бы саму себя. Что получилось из ее рослой и стройной фигуры? Она испытывала странное чувство стыда, смешанное с неприятным сознанием того, что ее отражение в зеркале все-таки доставило ей мимолетную радость. Этот костюм подчеркивал и усиливал каждый изгиб ее стройного тела. Именно теперь в ней больше всего проявлялась женщина.

Как раз в эту минуту к ней постучался Келс.

– Ну, Жанна, вы оделись?

– Да! – ответила она.

Двигимая каким-то бессознательным инстинктивным порывом, Жанна схватила одеяло и закуталась в него. Келс вошел в комнату со своим обычным насмешливым огоньком в глазах и выжидательной усмешкой на губах, но лицо его

разом погасло. Он поочередно глядел то на одеяло, то на Жанну. Казалось, только теперь он начал понимать, какому испытанию подвергал ее. Ему сделалось жаль ее.

– Ах вы, маленькая дурочка! – воскликнул он, растроганный, и, отвернувшись, принялся смотреть сквозь щели балок. Опять, как уж не раз бывало, мысли его унеслись к прошлому, таким тяжелым и темным пятном застывшему в памяти.

– Я все стараюсь прилично обращаться с вами, – начал Келс, все еще не оборачиваясь. – Я хочу дать вам возможность как можно легче перенести затруднительное и опасное положение. Но вы еще ребенок, маленькая девочка... А я бандит. Человек, потерянный для всего хорошего, но который продолжает стремиться к вам.

– Нет, вы далеко еще не потеряны. Я знаю только одно... Будь Гульден на вашем месте... я не стала бы прятаться за... за этим одеялом. Я больше не боюсь вас, и поэтому я так... так повела себя, совсем как испуганная девочка... О, неужели вы сами не видите этого!

– Нет, не вижу. Зачем я затащил вас сюда? Но теперь уже поздно.

– Совсем не поздно... Вы... вы еще ничего не сделали мне дурного.

– Но я люблю вас! – горестно воскликнул он. – Я вижу только одно – что никогда не любил по-настоящему ни одну женщину. Что-то завладело мною. Оно натягивается во-

круг моего горла подобно той веревке, которой некогда хотели удавить меня.

Жанна невольно вздрогнула, выслушивая страстное признание этого странного, сильного человека.

Келс долгое время молча глядел на зеленые холмы вдаль. Затем повернулся к Жанне, пронизывая ее суровым взглядом. Жанна сбросила одеяло, и жестокость постепенно исчезла с лица Келса. Он улыбнулся так, как она еще никогда не видела. В этой улыбке было невыразимое восхищение ею.

Наконец он снова обрел дар речи.

– Жанна! Я еще никогда не видел в своей жизни никого красивее вас.

– Мне трудно привыкнуть к этому облачению. Я не смогу выйти отсюда в таком виде.

– Но это надо, надо! Вы очень робки. Но, мне кажется, вот это поможет вам.

И он протянул ей кусок черного фетра, вероятно, отрезанного им от какого-нибудь сомбреро. Примерив этот кусок к ее лбу, он вынул из кармана нож и срезал нужное количество материала. Затем вырезал отверстия для глаз и с двух концов приделал короткие ремешки.

– Наденьте-ка это... Совсем стяните на лицо, до высоты глаз. Так. Теперь посмотрите-ка на меня.

Жанна повернулась к зеркалу и увидела вместо себя какого-то замаскированного незнакомца. Она не была больше Жанной Рэндль. Ее личность совершенно стусевалась.

– Ни один человек, знавший когда-нибудь меня, теперь меня не узнает, – пробормотала Жанна, и эта успокоительная мысль относилась, конечно, только к ее Джиму.

– Этого я даже и не учитывал! – ответил Келс. – Но вы правы... Жанна, если только мое предчувствие оправдается, то спустя немного времени вы сделаетесь притчей во языцех решительно во всех приисковых городках и лагерях.

Неожиданно Келс вплотную подошел к ней сзади и обнял. Все тело Жанны разом напряглось.

– Жанна, поцелуй меня, – нежно прошептал Келс с какой-то особой нотой в голосе.

– Нет! – резко крикнула Жанна.

И затем настало молчание. Жанна почувствовала, как руки Келса напряглись и крепко сжали ее. Грудь его порывисто вздымалась.

– В таком случае я заставлю тебя! – сказал он.

Насколько иначе прозвучал теперь его голос: словно в комнате заговорил другой человек. Резко дернув ее к себе, он освободил одну руку и, схватив за подбородок, попытался поднять к себе ее лицо.

Но Жанна сопротивлялась дико и страстно. Она сочла себя бесповоротно погибшей, но это только распалило ее гнев и силы. С опущенной на грудь головой, упершись в Келса обеими руками, она металась с ним от одной стены к другой. Полетел стол, разлетелись стулья, и, наконец, они повалились на кровать. Внезапно крепкая хватка разжалась.

Жанна отскочила, растрепанная и запыхавшаяся. С ее стороны это было упорной и отчаянной борьбой. Она оказалась сильнее. Келс же все еще был больным человеком. Медленно поднявшись, он положил руку на грудь. Его лицо сразу осунулось; еще перекошенное от страсти, оно было мокрым и посеревшим от боли. В яростной схватке Жанна причинила ему боль, возможно, снова вскрылась его рана.

– Укололи вы меня чем-нибудь? Мне так больно...

– Нет, у меня ничего не было... Я только... отталкивала вас, – воскликнула Жанна, задыхаясь.

– Опять ранен... Проклятье... И какой же я все-таки трус... и скотина вдобавок. Не мужчина, а черт знает что! Ты, маленькая девочка! И я не смог удержать тебя.

Его боль и стыд страшно подействовали на Жанну. Она жалела его, но предчувствовала, что вслед за этим в нем поднимется мрачная злоба оскорбленного мужчины. И она оказалась права; неожиданно Келс изменился в лице. Его поза, выражавшая вначале полное отчаяние и самоуничужение, уступила место оскорбленному достоинству. Взяв с кровати брошенный Жанной пояс Денди Дейлса, Келс вынул из кобуры револьвер, посмотрел, заряжен ли он, и затем швырнул его к ногам Жанны.

– На, возьми! Сделай свою работу чище, – сказал он. Властность, прозвучавшая в его голосе, казалось, покорила Жанну, и, нагнувшись, она подняла револьвер с пола.

– Что... что вы хотите сказать? – спросила она, запинаясь.

– Стреляйте! Освободите меня от моей муки, от этого унижения... Я сыт по горло. Я буду только рад, если вы убьете меня.

– Келс! – дрожащим голосом воскликнула Жанна.

– Сделайте это теперь же. Сейчас, пока у меня нет сил, чтобы заставить вас... Поднимите револьвер... Убейте меня!

Он говорил с угрожающей серьезностью, и под его гипнотическим влиянием Жанна была почти готова выполнить это требование.

– Вы с ума сошли, – сказала она. – Я не хочу убивать вас... Я прошу от вас только... только того, чтобы вы прилично обращались со мной.

– Это я и делал, пока мог. На этот раз я только хотел пошутить, когда обнял вас. Но едва только я прикоснусь к вам, как забываю обо всем и не могу больше сдерживаться. Теперь мне все ясно... Жанна Рэндль, моя жизнь – или ваша душа!

И он поднялся, мрачный, взволнованный и жуткий.

Дрожащей рукой Жанна отбросила револьвер в сторону.

– Это ваше окончательное решение? – хрипло спросил он.

– Я не могу убить вас!

– Вы боитесь остальных бандитов, Гульдена? Это и есть причина, почему вы не можете убить меня? Вам страшно остаться здесь одной?

– Я не думала сейчас ни о ком.

– Тогда... тогда – моя жизнь или вы!

Подойдя к ней, он угрожающе взял ее за плечи. Вся дрожая, Жанна протянула к нему руки. После дикой борьбы наступила реакция: она ослабела.

– Если вы так безжалостны, то... тогда... пусть погибну я, – прошептала она. – Я не могу убить вас... Могли бы вы взять сейчас револьвер и убить меня?

– Нет, потому что я люблю вас.

– Вы не любите меня! Уничтожить человеческую душу – преступление куда более страшное, чем телесное убийство.

Внезапно Жанну охватил мощный порыв безотчетного стремления женщины увлечь мужчину, изменить, покорить его. Быстрыми шагами она подошла к Келсу вплотную и протянула к нему руки. Одна из них была в крови от резкого удара о стену во время борьбы. Обе кисти, красные и распухшие, были сплошь покрыты ссадинами.

– Вот, смотрите, что вы сделали. Вы были зверем и принудили меня бороться подобно зверю. Мои руки превратились в цепкие лапы, тело – в сплошной узел мускулов. Вы не смогли ни удержать, ни поцеловать меня. Но допустим, что придет время и я не вырвусь от вас... когда-нибудь... От меня останется одна пустая оболочка, то есть холодная, надломленная, бесчувственная вещь, а не женщина. Все, чем только я являюсь – девушкой, женщиной, к которой стремится ваша любовь, – все это глубоко замкнется во мне, полное омерзения, ненависти и смертельной тоски... Ваши поцелуи, ваши объятия будут принадлежать существу, вами же обещен-

ному. Вся теплота, вся сладость, дрожь, страсть, жизнь, взаимная нежность – все-все, что только является душой женщины и делает ее очаровательной, все это будет обезобразено!

Жанна все ближе и ближе придвигалась к Келсу. Волнуясь чудесной хитростью женщины, чувствуя, что вся ее жизнь поставлена сейчас на карту и необходимо найти средство к спасению, Жанна интуитивно создала из себя полный контраст тому свирепому, дикому и неукротимому существу, которое только что в борьбе оттолкнуло Келса.

– Дайте мне возможность показать вам настоящее чувство, – прошептала она и наклонилась к нему, жаркая, нежная, взволнованная, ужасная в своем женском очаровании. – Одну маленькую возможность... И... если возможно, почувствуйте, какой может быть женщина, когда... когда она... сама любит. Я покажу вам это, чтобы спасти себя!

Протянув зачарованному Келсу обе руки, Жанна скользнула в его объятия и на одно мгновение крепко прижалась к его груди. Ее нежное тело мягко покоилось в его руках. Затем, подняв свое бледное лицо, в честном порыве отдаленно доказать этому человеку все величие, красоту, нежность и душу любви, она прижала свои теплые, трепещущие губы к его устам.

Затем, вырвавшись, остановилась, испуганная и дрожащая, но он стоял, не трогаясь, как будто в его жизни случилось нечто невероятное. Злобное выражение его лица смяг-

чилось. Он выглядел совершенно иным человеком.

– Боже мой! – сказал он тихо. И, точно очнувшись от сна, резко отдернул завесу и исчез.

Жанна бросилась на кровать и остаток своих сил потратила на поток облегченных слез. Она выиграла! Теперь ей нечего бояться Келса. В этот короткий момент она возвысила его в собственных глазах. Но чего это ей стоило!

Глава X

На следующий день Келс позвал Жанну в соседнюю хижину. Она убедилась, что надежды ее оправданы – не столько по глубокой грусти и осунувшемуся виду Келса, сколько по интуитивному чувству, ее привлекательность подняла и облагородила его.

– Вы не должны больше сидеть там, точно пленница, – сказал он. – Вы похудели и побледнели. Выйдите-ка на воздух, на солнце. Бейд Вуд приходил ко мне сегодня утром и уверял, что видел дух Денди Дейлса. Это имя так и останется за вами. Мне безразлично, как вы будете обращаться с моими людьми, но если отнесетесь к ним приветливо, то вам будет гораздо легче жить среди них. Не отходите слишком далеко от нашей хижины. Если же вам что-нибудь не понравится, то просто стреляйте в них. Меня не зовите. Этих молодцов вы в состоянии так огорошить, что они больше никогда и пальцем вас не тронут.

Выйти днем в мужском костюме оказалось для Жанны мучительным испытанием. Она шагала неуверенно и под маской ощущала на своем лице холодные мурашки. Не страх, а стыд охватил ее. Лучше умереть, чем показаться Джиму в этом дерзком одеянии. Несколько запыленных и оседланных лошадей стояли, понуро опустив головы, возле блокгауза; отдыхавшие тут же мужчины разом прервали свой разго-

вор при появлении Жанны. Жанна не знала ни одного из них, и это помогло ей быстро вернуть самообладание. Но сенсационное впечатление, произведенное на бандитов, сразу же развеселило ее. Застыв с широко раскрытыми ртами, они так и уставились на нее. Один старик даже выронил из своего обросшего сединой рта трубку и, казалось, вовсе не заметил этого. Темнокожий молодой бандит, свирепого и дикого вида, со следами отчаянной и беспутной жизни на лице, первый пришел в себя от изумления и с неуклюжей галантностью приподнял свое сомбреро. За ним последовали и остальные. Их приветствие было отрывистым, но с оттенком любезности. Жанна охотнее всего бросилась бы бежать от этого перекрестного огня наглых и любопытных глаз, однако она заставила себя сохранить вид полной беззаботности. Пусть только удастся это, остальное пойдет гораздо легче. Жанна еще раз порадовалась своей маске. Постепенно непринужденность снова вернулась к ней, а с нею возвратилось и прежнее мужество.

Легкой походкой она отошла от группы бандитов к усталым, лохматым лошадям и принялась их гладить и похлопывать. Вот по тропинке проехал одинокий всадник и спрыгнул с лошади возле хижины Келса; другой раз в лагерь прибыли еще двое бандитов и оба уставили на нее свои четыре совершенно круглых глаза. Что бы она ни делала и ни говорила, ее постоянно сопровождала пугливая мысль о Джиме. Где он сейчас? Что делает? Пьян ли, играет, дерется или спит?

В душе Жанны проснулся новый страх. А вдруг, несмотря на маску, Джим все-таки узнает ее?

Целиком занятая этой мыслью, она принялась ходить взад и вперед. Вдруг ее внимание привлекло какое-то необычное волнение среди бандитов. Они окружили нескольких прибывших всадников, из которых Жанна узнала Рыжего Пирса, Французика и – с внезапной дрожью – Джима Клэва. Сердце Жанны заколотилось. Она боялась показаться ему на глаза, не доверяя своей одежде... Все ее планы разлетелись, словно их никогда и не было. Маска маской, а пронизывающего взгляда Джима ей не выдержать. И, подобно маленькому трусишке, Жанна быстро направилась обратно к хижине.

Однако, еще не переступив порога, она подумала, что, вероятно, произошло что-то особенное, неожиданно расшевелившее отдыхавших грабителей, которые с напряженным интересом следили за подъезжавшей группой. До слуха Жанны донесся громкий разговор. Мимо нее вдруг быстро пробежал Келс, сверкая глазами и не замечая ее. Внутри хижина оказалась совершенно пустой. Сквозь входную дверь Жанна видела группу бандитов, сбившихся в кучу и о чем-то галдевших. Она также услышала повелительный голос Келса, но слов разобрать не могла. Гул хриплых голосов усилился. Распахнув дверь, Келс вошел в хижину вместе с Пирсом. Позади них шел Джим Клэв. Едва только эти трое очутились в хижине, как вся остальная компания бандитов потянулась за ними, подобно сердитому рою пчел. Говорил Келс, говорил

Джим, но их слова тонули в общем гуле. Внезапно Келс дал волю своему характеру.

– Молчать, черт вас побери! – взревел он властным голосом. Наступила тишина.

– Ну... Что случилось? – спросил Келс.

– Только не выходи из себя, хозяин, – ответил Пирс дружелюбно. – Ничего плохого не произошло... Клэв испробовал на Гульдене свой револьвер, и больше ничего.

Келс чуть заметно вздрогнул, однако его резкий жест и мимолетное выражение, напоминавшее Жанне тигра, заставили ее подумать, что он испытывает чувство дьявольской радости.

– На Гульдене!? – восклицание Келса одновременно прозвучало и страстным вопросом.

– О, нет! Он не окочился, – ответил Пирс. – Этого бульдога не так-то легко прикончить. Но немножко и его пообстреляли. Лежит сейчас у Бэрда. Думаю, будет не худо, если ты туда пойдешь и перевяжешь ему раны.

– Пусть лучше сгинет, чем я буду ухаживать за ним, – ответил Келс. – Где Бейд Вуд?.. Бейд, возьми мой лекарственный ящик и походи к Гульдону. Ну, Рыжий, а из-за чего вышла вся свалка?

– Дружки Гульдена попробовали связаться с Клэвом, а Клэв – с ними, а я – между ними! И, сам понимаешь, мне приходилось глядеть в оба, только бы не получить на орехи.

Пока между Келсом и его лейтенантом происходил этот

быстрый разговор, Джим Клэв сидел на краю стола с огрызком сигары во рту, лениво болтая своим пыльным сапогом со звонкой шпорой. Жанна никогда еще не видела его таким. Видно было, что он пьянствовал и до сих пор еще не протрезвел. Как хорошо читала она в этом опустившемся лице! Чтобы громко не взвыть от боли. Жанна прикусила язык. Да, да, Джим погиб!

– Из-за чего они повздорили? – спросил Келс.

– Спроси Клэва, – ответил Пирс.

Келс подошел к Клэву. Вид обоих мужчин, стоящих один против другого, заставил содрогнуться Жанну.

Как они были различны! Келс выглядел жестким, повелительным, мощным и крепким; все его существо дышало живым и дружеским уважением к молодому отщепенцу. Клэв же, наоборот, выглядел рассеянно, – словно равнодушный образ усталой и легкомысленной презрительности. Оба издали казались значительно выше остальных глазевших на них негодяев.

– Клэв, почему вы стреляли в Гульдена? – сурово спросил Келс.

– Это мое дело! – медленно ответил Клэв и, устремив свой угрожающий взгляд на Келса, принялся выпускать к потолку длинные, тонкие столбы табачного дыма.

– Конечно... Но я припоминаю, что на днях вы спрашивали меня относительно Гульдена. Это ли было причиной ссоры?

– Нет! – ответил Клэв.

– Ладно. Но я все-таки хочу знать причину. Пирс говорит, что вы поругались с друзьями Гульдена. Если я не водворю между вами мира, придется делиться на партии.

– Келс, мне решительно никто не нужен, – сказал Клэв и швырнул прочь свою сигару.

– И все-таки, – терпеливо продолжал Келс, – здесь каждый человек нуждается в помощниках.

– Ну, а я ни в ком не нуждаюсь.

– Это ваше дело. Я не хочу навязывать своих советов.

Вся властность и уменье подчинять себе людей сказались в этих словах Келса. Ничего не было легче, чем заставить Джима воспротивиться, ибо его существо самым непостижимым образом подходило к свирепым особенностям этой жизни на границе.

– Значит, вы отступаете от меня? – спросил Клэв, устремляя пронизательный взгляд на Келса.

– Я подожду, Джим, – спокойно ответил бандит.

Джим принялся свертывать себе новую сигару.

Жанна видела, как дрожали его крепкие, загорелые руки, и догадалась, что виной этому было не волнение, а состояние его нервов. Ее сердце сразу заняло.

– Послушай-ка, Рыжий, – обратился Келс к Пирсу. – Расскажи мне, что там произошло? Что ты там видел? Джим против этого ничего иметь не может.

– Ну, вот, сидим мы там, у Бэрда, и игра за игрой течет как

по маслу. Гульден вчера ночью вернулся в лагерь. Обычно он всегда злобный, но вчера выглядел еще страшнее. Вначале все шло благополучно. Все мы решили, что, должно быть, его поездка не выгорела. Он был как-то особенно взволнован. То и дело расхаживал взад и вперед, совсем, как ягуар в клетке. Ну мы не приставали к нему, спроси любого. Как вдруг он прямо катится к нашему столу – я, Клэв и Техасец играли в карты... Бац! Он одним взмахом перевернул наш стол. Я схватил золото, Клэв спас виски. Все мы пили, и Клэв больше всех. Бэрд весь побелел от злости, Техасец чуть было не задохся. Но все мы боялись Гульдена, кроме Клэва, хотя он сидел, не двигаясь, и ничего злобного в нем заметно не было. Гульден же трахнул по столу и прямо обратился к нему: «У меня есть дельце, которое вам понравится. Идемте!» – сказал он. «Дельце? Послушайте, как вас там, у вас никогда не будет такого дела, которое могло бы понравиться мне», – медленно и холодно ответил Клэв.

Ты сам знаешь, Келс, что творится с Гульденом во время подобных припадков. Точно сам дьявол проклял его в тот момент. Я не раз видал стрелков-любителей, которых так и подмывает кого-нибудь уколошить. Однако Гульден был в тысячу раз опаснее. Верьте мне, ребята, в его мозгу определенно недостает винтиков. «Клэв, – сказал он, – я отыскал золотую жилу Брандера... и девчонка тоже там».

Точно молния осветила лицо Клэва. Вспомнив нашего Луча, мы пригнули спины, готовясь к свисту пуль. Наруж-

но Гульден нисколько не изменился, но я чувствовал, что в нем клокочет ад. «Ого! В самом деле? – быстро сказал Клэв, будто обрадовавшись этому. – А удалось вам утащить эту девушку?» – «Нет еще. Пока только прозондировал почву. Теперь я предлагаю вам идти вместе со мной. Мы поделим золото, а девчонку я возьму себе».

Тут Клэв завертел над своей головой бутылкой с виски и изо всей силы швырнул ее в тыкву Гульдена. Тот гладенько улегся на пол. А Клэв, точно ужаленная кошка, вскочил и принялся палить. Все ребята разбежались по углам. И когда я удирал в безопасное место, то заметил, как, лежа во весь рост на полу, Гульден хватался за свой револьвер, но бац! – и его рука шлепнулась рядом с ним. Одна его щека залилась кровью. Я был твердо уверен, что он испустил дух, и решил схватить Клэва.

Конечно, было бы прекрасно, если бы Гульден отправился ко всем чертям. Однако ничего подобного! Он пришел в себя и заревел о своем револьвере, созывая дружков. Его можно было услышать за милю... И как я уже сказал, мне пришлось изрядно попотеть, чтобы удержать всеобщую свалку. А пока Гульден вопил, ревел и выл, я отправился с ребятами сюда. Гульден остался с отстреленным ухом. На этом дело и кончилось.

С серьезным видом Келс повернулся к группе темнолицых бандитов.

– Это столкновение ставит перед нами один вопрос, – ска-

зал он. – Мы должны создать организацию. Если вы не просто банда сплошных дураков, то сами убедитесь в этом. Вам нужен главарь. Многие из вас примкнули ко мне, но некоторые стоят за Гульдена. И все потому, что он дьявольски кровожаден. Гульден – великолепное орудие для выполнения некоторых задач. Он не знает, что такое страх. Он – гигант, он любит бороться, любит убивать. Однако он почти сумасшедший. И последняя история лучше всего доказывает это. Судите сами, он носится по лесам, выслеживает какой-то одинокий лагерь, не то желая разграбить его, не то просто завладеть какой-то девушкой. Он вовсе не думает о том, чтобы посоветоваться насчет своих планов со мной или с людьми, которым я доверяю. У него никогда нет золота, как и у большинства его приверженцев. Я еще не знаю, кто они. Да это мне и безразлично. Однако нам придется разойтись, если они вместе с Гульденом не последуют моему совету и моим приказаниям. Я вовсе не на стороне Клэва, но каждый из нас должен согласиться, что поведение Гульдена дезорганизует банду. Ведь он уже давно у нас. Вот теперь он пристал к Клэву – Клэв чужой среди нас. Возможно, что он подходит нам, но все же не принадлежит к нашей банде. Гульден не должен был обращаться к нему. Это было нечестно. Правда, мы не знаем, чего, в сущности, добивался Гульден. Тут какая-то ошибка, и он должен объясниться... Подумайте об этом деле, ребята, – хотите ли вы примкнуть к Гульдону или ко мне. А теперь расходитесь!

Его речь произвела большое впечатление. Толпа бандитов молча направилась к выходу, и в хижине остались только Пирс, Клэв и Келс.

– Джим, скажите, отчего вы такой охотник до этих дьявольских драк? Или, может быть, вам хочется заделаться в этой глуши рыцарем – защитником некоторых бедных девушек?

Клэв выпустил изо рта струю дыма, окутавшую его голову.

– Я ненавижу пакостные сделки, – ответил он.

– От одного воспоминания о девушке кровь бросается вам в голову?

Резкое движение Клэва показало, что Келс оказался прав.

– Ого! Только не фыркайте! – воскликнул Келс с угрозой в голосе. – Если вы хотите иметь меня своим другом, то объяснитесь, как подобает мужчине.

– Келс, я благодарен вам за такое предложение, – ответил Клэв с серьезным видом, – но я ни к черту не гожусь. Иначе меня не было бы здесь... Я не могу слышать об этих историях с девушками!

– Вы еще изменитесь, – ответил Келс с горечью. – Проживите здесь несколько одиноких годков. Вы пока не знаете здешней жизни. Вы молоды. Я же пережил золотую лихорадку в Калифорнии и Неваде. Золото делает человека безумным. И если вас до тех пор не пристрелят, то вы изменитесь. Если война разрушает моральные силы человека, то здесь дела похуже. Подождите, когда откроется самая большая зо-

лотоносная жила. Мужчины и женщины сразу отойдут на десятки тысяч лет назад... И тогда одной девицей больше или меньше, не все ли равно?

– Послушайте, Келс! Однажды меня очень сильно любила одна, но так горячо стремилась сделать из меня героя, что после этого я прямо не могу видеть, когда обижают девушек.

Говоря это, Клэв выглядел спокойным и печальным, по лицу его ничего нельзя было понять, но глубокая горечь, прозвучавшая в его голосе, ясно подчеркивала лживость его слов.

Пирс попросту расхохотался, а Келс с сомнением покачал головой.

В эту ночь Жанна спала в своей новой одежде, сняв только сапоги. Ворочаясь, она нередко просыпалась от давящей тяжести револьвера, оставленного ею в кобуре. Тогда она сразу вспомнила, что она – Жанна Рэндль, пленница, живущая в лагере бандитов. Все это было так необычно, так невероятно!

Когда утром она вышла из своей хижины, Келс сидел за столом, а Бейд Вуд прислуживал ему.

– Хэлло, Денди! – весело приветствовал Келс Жанну. – Раненько на ногах! Вы в полном вооружении. Это хорошо! Бьюсь об заклад, что в конце этого месяца вы одна ограбите целую почтовую карету.

– Ограблю почтовую карету? – как эхо повторила Жанна.

– Само собой. То-то будет занятно! – ответил Келс со сме-

хом. – Садитесь теперь и позавтракайте со мной... Бейд, ну-ка поживей... Вы такая... Но маска сильно портит вас... Никто не может видеть, какая вы красивая... Жанна, ваш обо-жатель Гульден выбыл из строя.

И Келс с удовольствием повторил ту историю, которую прошлым вечером Жанна слышала из уст Рыжего Пирса. Рассказывая, Келс подробнее остановился на Джиме Клэве.

– Мне страшно нравится этот Джим, – сказал он. – Прелюбопытный парень. Какая-то проклятая девчонка испортила ему сердце: либо изменила, либо еще что-нибудь в этом роде. Большинство женщин никуда не годится, Жанна. Еще не так давно я решительно обо всех говорил в таком духе, однако с тех пор, как я узнал вас, я пережил нечто новое. Но ведь одна хорошая девица не может изменить целого милли-она.

– А что сделает этот Джим Клэв, когда увидит меня? – спросила Жанна, чуть не подавившись при этом имени.

– Не торопитесь так, девочка! – сказал Келс. – Вам все-го только семнадцать лет, и у вас еще бездна времени... Я долго думал о Джиме Клэве. Он не сумасшедший, подобно, Гульдену, но такой же опасный. Опасный потому, что он не знает, что творит; абсолютно не боится смерти и здорово ловок с револьвером. Скверная комбинация. Клэв безо всякого колебания способен уложить человека. Троиш он уже застрелил и Гульдена тоже намеревался убить. Я надеюсь все-таки обуздать его. Запугать или принудить он себя не даст,

но, может быть, удастся убедить его. Через Рыжего Пирса я велел передать ему, что вы моя жена. Надеюсь, он поверит. Все остальные не верят этому. Во всяком случае, вам, может быть, еще сегодня придется встретиться с ним, и я хотел бы, чтобы встреча вышла дружелюбная. Если мне удастся обработать его и отучить от пьянства, это будет для меня лучший парень во всей пограничной полосе.

– И я должна помочь вам заманить его в вашу банду? – спросила Жанна, не будучи в силах овладеть своим голосом.

– Разве это так уж страшно? – спросил искренне задетый Келс.

– Я... я не знаю! – пробормотала Жанна. – А... этот молодой человек... он уже убийца?

– Нет. Пока он приличный парень, которого свела с ума какая-то девушка. Я ведь уже говорил вам это. Вы не понимаете главного. Если мне удастся подчинить его, то из него выйдет прямо неоценимый для меня человек – отважный, ловкий, опасный, который всегда сумеет поставить себя здесь. Но если я не покорю его, ну, тогда ему не прожить и недели. В одной из драк его либо застрелят, либо зарежут.

Отодвинув свою тарелку, Жанна подняла на бандита твердый взгляд.

– Келс, пусть лучше он поскорее кончит свое существование и пойдет... к... к... чем останется жить под вашей властью, сделавшись бандитом и убийцей.

Келс рассмеялся, но по тому дикому движению, с каким

он швырнул о стену свой бокал, можно было видеть, насколько глубоко Жанна обидела его.

– Вам жаль его потому, что его загнала сюда какая-то девушка, – сказал он. – Однако я уверен, что моя дружба может принести ему только пользу. Помогите мне: замолвите словечко и поддержите мое влияние на этого дикого молодчика.

– Я... я должна сперва увидеть его, – ответила Жанна.

– Однако вы умеете запереться, – проворчал Келс, но внешне его лицо снова просветлело. – Я всегда забываю, что вы еще ребенок. Делайте что хотите. Одно вам говорю, соберите все ваше прежнее мужество, – при этих словах Келс понизил голос и бросил взгляд на Бейда Вуда. – Помните, то самое мужество, с каким вы пристрелили меня. Нас ожидает трудное будущее. Громадные золотые прииски и безумием охваченные люди. Женщины не дороже, мотка ниток... Голод, мучения, боль, болезнь, кража, убийство, повешение, смерть – все пыль! Лишь бы только было золото. Бессонные ночи, нападение за нападением, кругом одни жадные глаза. Все, что составляет жизнь, будет забыто, да и сама жизнь подешевеет. Ничего не останется, кроме желтого металла, ради которого мужчины теряют разум, а женщины продают свою душу.

После завтрака Келс приказал оседлать лошадь Жанны.

– Вы каждый день должны кататься, чтобы не отвыкнуть, – сказал он. – Возможно, скоро за нами начнут охотиться, и я вовсе не хочу, чтобы вас разорвали на куски.

– Куда я должна ехать? – спросила Жанна.

– Куда хотите. Направо, налево, в обе стороны ущелья.

– Вы прикажете следить за мной?

– Нет, если вы обещаете мне, что не убежите отсюда.

– Вы верите мне?

– Да.

– Хорошо, я обещаю вам. А если я начну думать иначе, то дам вам понять.

– Нет, этого не надо, Жанна. Я... я... Ну, в общем дело дошло до того, что вы стали чересчур дороги мне. Я не знаю, что буду делать, если потеряю вас.

И когда она села на лошадь, Келс добавил: «Смотрите, не спускайте этим дьяволам ни одного грубого слова».

Утро было раннее, и розоватый блеск солнца играл на свежей зелени. Жанна пустила свою резвую лошадь сперва рысью, а затем галопом. Она ехала вдоль теснины до тех пор, пока тропинка не закончилась грубыми стенами. Тогда она повернула обратно и поехала под ветвями сосен, вплоть до того места, где теснина, суживаясь, выходила на широкую долину. Здесь ей встретилось несколько запыленных бандитов, гнавших перед собой нагруженных лошадей. Один из них, типичнейшая сволочь, насмешливо вскинул руки кверху.

– Руки вверх, товарищи! – воскликнул он. – Никак мы переехали дорогу воскресшему Денди Дейлсу?

Его спутники поспешили последовать его примеру и за-

тем уставились на Жанну нахальными, вызывающими глазами.

Круто повернув свою лошадь, Жанна поехала обратно. Казалось, что ее ожег взгляд этих жуликов.

На обратном пути, проезжая по теснине, Жанна заметила еще больше бандитов, водивших своих лошадей в поводу, коловших дрова и просто болтавших у дверей. Жанна старалась не подъезжать к ним, но даже издали чувствовала на себе их любопытные взгляды. Один из них, наполовину скрытый окном, сложил руки рупором и нежно крикнул: «Хэлло, любовь моя».

Избегая ехать по тропинке, она свернула в другую сторону теснины. Ее лошадь почуяла воду. Жанна направила животное в узкую прогалину между ивами и, опустив поводья, дала лошади напиться.

Вдруг девушка почувствовала, что она здесь не одна. Однако никого вблизи не оказалось. Тогда она обернулась в другую сторону. Джим Клэв как раз собирался встать с колен. В руке он держал полотенце, его лицо было мокрым; он стоял не более чем в десяти шагах от нее.

Жанна замерла. Каждую секунду ожидала она услышать свое имя.

Клэв уставился на нее. В утреннем воздухе его лицо выглядело длинным и белым как у покойника. И только глаза казались живыми, подобно дрожащему пламени. Презрение сверкнуло в них. Он узнал в ней женщину, и его презре-

ние относилось к существу, укрывшемуся в этом бандитском наряде. Печальная и горькая усмешка скользнула по его лицу. Но затем она сменилась выражением, подействовавшим на душу Жанны подобно удару плети. Джим Клэв принялся разглядывать прекрасно сформированную фигуру Жанны с тем же нахальным и злобным оттенком, который так возмущал ее в остальных жуликах. Этого она совсем не ожидала. Как она только не умерла!

Дернув за поводья и ничего не видя перед собой, Жанна поехала обратно к своей хижине.

Как мог Джим так смотреть на нее? Муки Жанны заключались не в том, что он обманулся в ее характере и личности, а в том, что изо всех других женщин именно ей суждено было пробудить в нем инстинкты дикого животного, как это случилось с Келсом, Гульденом и другими негодьями.

– О, он, вероятно, был пьян! – шептала Жанна. – Его нельзя обвинять. Он уже не мой прежний Джим. Он страдает, он изменился. Его ничто больше не привязывает к жизни. Я должна увидеть его, должна все рассказать ему. Если он теперь узнает меня и я не смогу сказать ему, почему я здесь, почему я так выгляжу... что я люблю его... все еще верна и чиста... если я не смогу сказать ему этого, тогда... тогда мне придется застрелиться.

Эти последние слова Жанна прошептала со страстным рыданием в подушку своей кровати...

Глава XI

После этой встречи настали спокойные дни. Жанна разъезжала верхом по бесчисленным тропинкам ущелья. Постепенно она привыкла к разглядыванию и шуткам бандитов.

Дни проходили пусто, ибо как Жанна ни старалась, ей ни разу не пришлось увидеть Джима. Много раз она слышала его имя. Он бывал то тут, то там – в местечке Бирда, в горах. Но у Келса в хижине не появлялся. Жанна замечала, что это обстоятельство слегка заботило Келса. Он не хотел потерять Клэва. По вечерам Жанна выглядывала из своей засады в соседнюю хижину и, дожидаясь Джима, безмерно уставала от громкой болтовни, хохота, пьянства.

В эти вечера Жанна видела, с какой страстью Келс предавался игре, хотя в общем плохо справлялся с этим делом: всегда играл честно и самым отчаянным образом проигрывал: кроме того, он очень много пил и под винными парами становился опасным.

Нередко случалась дикая ругань и ссоры, проклятья разносились по хижине, и револьверы сверкали в темных руках, но в своей власти над бандитами Келс был силен и непоколебим.

Та ночь, когда в хижине внезапно появился Гульден, не прошла спокойно и для Жанны. Один его вид нагнал на нее холодную дрожь. Неужели эта громадная горилла теперь на-

стороженно выжидает, чтобы убить ее Джима?

Гульден выглядел все таким же здоровым и крепким. Он заинтересовался ходом игры, но на дружелюбное приветствие игроков ответил глухим ворчанием. Внезапно он что-то сказал Келсу.

– Что? – резко спросил бандит и круто повернулся к нему, чтобы лучше его разглядеть.

Шум сразу улегся; один из игроков многозначительно рассмеялся.

– Не одолжишь ли мне мешка с золотой пылью, Келс?

Лицо Келса выразило удивление, а затем сменилось радостью.

– Что? Ты хочешь взять от меня золото?

– Да. Я потом возвращу тебе его.

– Я в этом и не сомневался. Но не хочешь ли ты своим вопросом сказать, что охотно примешь мое предложение о союзе?

– Можешь понять это как хочешь, – проворчал Гульден. – Мне нужно золото.

– Дьявольски рад этому, Гульден! – ответил Келс серьезно. – Ты мне нужен. Мы должны переносить друг друга... Вот!

И он протянул Гульдену маленький мешочек из оленьей кожи, наполненный золотом. Игра снова началась. Интересно было следить за этими людьми. Рыжий Пирс держал возле себя весы и беспрестанно отвешивал маленькие куски зо-

лота. Стоимость его заключалась в пятнадцати долларах за унцию, но истинная цена не производила большого впечатления на игроков. Драгоценную пыль они небрежно рассыпали по столу и полу, точно это был простой песок.

Гульден играл так же, как он и вообще вел себя – совершенно бесчувственно. Вначале он выигрывал, затем все снова спускал и опять просил золото у Келса. Он не проявлял ни малейшего волнения. Когда игра закончилась, многие были здорово пьяны.

Все разошлись. Келс, пошатываясь, принялся расхаживать по хижине, постепенно приближаясь к дверям Жанны. Это новое обстоятельство пробудило в Жанне глубокое отвращение, но страха перед Келсом она больше не испытывала. Следила за ним до тех пор, пока он не подошел вплотную к ее дверям, и тогда тихонько подалась назад. Келс остановился перед одеялом, словно боясь идти дальше. Его мысли блуждали. Затем он осторожно отодвинул завесу. В густом мраке он не мог видеть Жанну, зато она видела его совершенно ясно. Он ощупал балки, которыми она загородила вход, и когда убедился, что не сможет отодвинуть их, отошел в сторону. Несколько мгновений, тяжело дыша, с растерянным видом, он еще топтался возле ее двери, но затем круто повернулся. Жанна услышала, как он задувал фонарь. Спустя мгновение все погрузилось в тишину и мрак.

На следующее утро во время завтрака он снова был прежним Келсом, и если даже помнил о своем вчерашнем пове-

дении, то отлично сумел скрыть это от Жанны.

Выйдя после завтрака из дому, чтобы отправиться на свою обычную утреннюю прогулку верхом, Жанна внезапно заметила несущегося вверх по склону всадника. Бандиты громко приветствовали его как есть – без шляп и курток пустились бежать ему навстречу. Бейд Вуд отбросил седло Жанны и позвал Келса. Последний быстро выбежал из блокгауза.

– Бликки! – воскликнул он и взволнованным тихим голосом пробормотал какое-то проклятье.

– Определенно он! – сказал Вуд, и его обычно мягкие глаза загорелись неприятным блеском.

Прибытие этого Бликки подействовало на всех крайне возбуждающе, и Жанна вспомнила, что это был один из поверенных Келса. Когда лошадь прибывшего бандита остановилась, он мигом соскочил на землю. Бликки был худощавым, загорелым молодым человеком, не старше двадцати лет, но со следами суровой жизни на лице. Увидев Келса, он швырнул свои перчатки кверху, не потревожившись даже, куда они упадут.

– Золото! – крикнул он звенящим голосом.

Бейд Вуд издал индейский клич, громко подхваченный взбегавшими на холм бандитами.

– Уже несколько недель в ходу! – прохрипел Бликки. – Громадное дело. Я, Джесси Смит и Красавчик Оливер напали на новый прииск – пятьдесят миль отсюда по птичьему полету и сто для всадника. Мы чуть не рехнулись от удив-

ления. Но когда встретили навьюченных лошадей, телеги и почтовую карету, то поняли, что там, у Медвежьей горы, творится что-то необычайное. Когда мы увидели громадный лагерь, кишаший людьми, словно улей, то Джесси Смит и Красавчик отправились позондировать почву, я же отправился к вам. Гнал лошадь со вчерашнего вечера... Джесси с одного взгляда определил дело и гаркнул: ура! Он велел сказать так: «Скажи Джэку, что дело тут большое и нужен смелый план. Денька через два мы будем у него со всеми подробностями».

Жанна внимательно следила за Келсом. Ни одного слова не сорвалось с его уст, в то время как все остальные бандиты с хриплыми криками окружили Бликки. Крепко сжав губы, Келс расхаживал взад и вперед, со слегка приоткрытым ртом, обнажившим крепкие, как у бульдога, зубы. Он выглядел жадным, страстным, хитрым и твердым как сталь. Постепенно странный огонек в его глазах перешел в мрачную тяжелую угрозу. Внезапно он круто повернулся, и все галдевшие бандиты замолкли.

– Где Пирс и Гульден? Они знают все? – спросил он.

– Не думаю, чтобы еще кто-нибудь здесь знал об этом, – ответил Бликки.

– Рыжий и Гуль никак не могут очнуться от своего вчерашнего счастья, – сказал Бейд Вуд.

– Видел кто-нибудь из вас молодого Клэва? – продолжал Келс. Его голос звучал торопливо и резко.

Никто не отвечал. Вдруг Келс сильно ударил себя кулаком

по ладони.

– Вперед! Созывайте всю банду в хижину Бэда... Ребята, игра начинается. Джесси Смит видел 49-й и 51-й годы и не послал бы такой вести, если бы... если бы не разыгралась настоящая дьявольщина!.. Вперед!

Он начал спускаться с холма, окруженный своими товарищами. По пути к ним подходили все новые и новые; отчаянно жестикулируя, шли все вместе.

Жанна осталась одна. Услышав вопрос Келса о Клэве, она испугалась, как бы этот бандит не уговорил ее Джима прикнуть к своей шайке. Вся компания напоминала Жанне стаю волков, и Келс был их проницательным и жестоким вожаком.

В это утро Жанна отказалась от своей утренней прогулки. Со страхом и любопытством ожидала возвращения Келса, но он не приходил. К заходу солнца она истомилась от ожидания. Вернувшись в хижину, сама приготовила себе еду. С наступлением темноты Келс наконец вернулся. Жанне достаточно было одного беглого взгляда, чтобы убедиться, что события разворачиваются не по его плану. Он внутренне весь кипел и, увидев Жанну, так поразился, будто в лихорадочном волнении этого дня совершенно забыл о своей пленнице. Он извинился за то, что ей не приготовили ужина. Все сегодня точно с ума сошли, их трудно заставить...

Он говорил мягко и нежно. Внезапно на его лице появилось выражение задумчивости. Жанна знала, что у него это

всегда было признаком внутренней нерешительности.

– Ах, зачем я только затащил вас сюда, – сказал он, беря ее за руки. – А теперь уже поздно. Я не могу потерять вас... Но для другого... выхода еще не поздно.

– Для какого выхода? Что вы хотите сказать?

– Любовь моя, хочешь уехать со мной сегодня ночью? – страстно прошептал он. – Клянусь, я женюсь на тебе и начну честную жизнь. Завтра будет уже поздно... Хочешь?

Жанна покачала головой. Ей было жаль его. Когда он так говорил, он переставал быть Келсом-бандитом. Видя его глубокую страсть, девушка не могла отделаться от странного волнения. Один момент, переступая порог этой хижины, он был предводителем банды, с кровавыми планами в голове; в следующую же секунду, когда его взгляд упал на нее, он начал сдавать – разбитый, измученный, охваченный безнадежной любовью.

– Отвечай, Жанна! – сказал он; его руки сжались, лоб нахмурился.

– Нет, Келс! – ответила она.

– Почему? Почему же? Потому что я бандит и мои руки запачканы кровью?

– Нет. Потому... потому, что я не могу любить вас.

– Неужели тебе не хочется быть моей женой? Сделать из меня честного человека... вместо того, чтобы жить здесь подобно рабе, каждую минуту могущей попасть к Гульдону в его пещеру, под его веревку?

– Нет... Я знаю, что вы не допустите этого, не выдадите меня Гульдону.

– Почему вы знаете это? – воскликнул он, и виски его налились кровью.

– Потому что вы побороли в себе зверя... И вы... вы любите меня.

Келс с такой силой оттолкнул Жанну от себя, что она едва не упала.

– Я справлюсь с этим... И тогда берегись! – сказал он с горечью.

Быстрым движением он приказал ей уйти и повернулся к двери, откуда доносился гул мужских голосов. Спотыкаясь в темноте, Жанна взошла по ступенькам в свою комнату и, тихонько забаррикадировав дверь балками, принялась слушать. Сильное напряжение нервов, граничащее почти с физической болью, подсказывало ей, что эта ночь будет знаменательной не только для Келса, но и для нее.

Келс вышел из блокгауза.

Спустя несколько секунд Келс один возвратился в хижину и принялся зажигать фонари. Два фонаря он повесил на стену, а два поставил на стол. Из своего узла достал маленькую записную книжку и карандаш. Все это положил на стол, рядом с тяжелым, тисненным золотом револьвером. Когда все было готово, он принялся расхаживать, заложив руки за спину, с опущенной головой, в глубокой и тяжелой задумчивости.

Внезапно Келс поднял голову и прислушался. И весь облик его разом переменился. Тяжесть, давившая его, исчезла. Подобно генералу, осматривающему своих солдат, уставился он с властным видом на дверь. Тяжелые шаги, звон шпор, тихие, приглушенные голоса свидетельствовали о приближении банды. Будет ли Джим Клэв среди них?

Молчаливые и напряженные, бандиты входили один за другим через порог хижины. Жанна насчитала двадцать семь человек. Они разделились на две группы. Большая группа выстроилась рядом с Келсом, а меньшая встала за Гульденом. Последний снял повязку с головы, отмеченной красным шрамом на месте отстреленного уха. Какая-то особенная сила исходила от него, но она не походила на ту, что так живо и властно действовала в Келсе. То была звериная жестокость, проявлявшая свое господство только в одной физической силе. В любом столкновении между Келсом и Гульденом, не требующем никакого мускульного напряжения, последний неминуемо проиграл бы. Мужчины, стоявшие позади Гульдена, были все бородачами, тяжело вооружены, в ярко заштопанных рубахах, – наиболее опасные экземпляры этой банды. Все же молодые, более отшлифованные, как, например, Рыжий Пирс, Французик, Бидки Джонс, Вильямс и новоприбывший Бликки, – все они стояли на противоположной стороне. К великой радости Жанны, Джима среди них не оказалось.

– А где Бэд, где Вуд? – допытывался Келс.

– Заняты больной кобылой Бирда, – ответил Пирс. – Они скоро будут здесь и согласны со всем, что ни скажешь. Ты ведь и сам знаешь это.

– А нашли вы молодого Клэва?

– Нет, болтается где-то в лесу. Думаю, что и он не заставит долго себя ждать.

Келс присел на край стола, взял в руки свою маленькую книжечку и, играя ею, принялся разглядывать собравшихся перед ним мужчин.

– Там, у Бирда, мы хорошо обсудили все дело, – сказал он. – Теперь же я организую мой «Пограничный легион». Я требую неограниченной власти, будь тут десять человек или сто. Ну-с, чье имя идет первым в мою книжку?

Рыжий Пирс выступил вперед и принялся пыхтеть над своей подписью. Бликки, Джонс, Вильямс и другие последовали его примеру. Они не проронили ни слова, но каждый из них пожал руку своему вожаку. Было очевидно, что и без клятв Келс предоставлял каждому свободу выбора, доверяя только его честному слову. Этот бандит обладал особенным, присущим только ему одному умением придать такой простой процедуре характер священной присяги. В своем легионе он не желал иметь людей, в которых не был бы уверен.

В эту самую минуту, дрожа от радости и страха, Жанна увидела Джима, входившего в хижину. Он был бледнее обычного, и его острые глаза скользили по всему помещению от Келса к Гульдону, от одного бандита к другому. Затем он

прислонился к стене, неясный как тень. Ни одним мускулом лица Келс не выдал, что заметил его приход.

– Я предводитель, – продолжал Келс спокойно. – Я составляю планы и отдаю приказания. Ни одного дела без моего ведома. Равные права на золото... Один за всех, все за одного... Ваше слово, вы за меня?

Одобрительный шум пробежал по насторожившейся толпе. Постепенно один за другим все подписали условия Келса. В стороне осталась только группа Гульдена.

– Гульден, ты все еще не решил? – холодно спросил Келс. Гигант тупо уставился на стол.

– Келс, если мы сойдемся с тобой, то я приму участие, – сказал он своим зычным голосом.

– Можешь не вступать, если не сойдемся, – ответил ему Келс. – Но послушай, Гульден, давай все обсудим по-хорошему, по-дружески. Пограничная полоса достаточно велика для нас обоих. Ты мне нужен, и я хотел бы иметь тебя около себя. Но если мы не сговоримся, разве нам так необходимо быть на ножах? Что ты скажешь на это?

Новый шум в толпе поддержал дружелюбное и разумное предложение Келса.

– Скажи мне, что ты хочешь делать и как ты будешь действовать? – ответил Гульден.

Келс с трудом удерживал свое раздражение.

– Какое тебе до этого дело, да и вообще кому-либо из вас? – спросил он. – Всем вам известно, что я человек, кото-

рый сумеет обо всем подумать. Это доказано. Что тебе еще нужно знать?

– Как ты будешь действовать? – упрямо повторил Гульден. Келс всплеснул руками, как бы считая, что говорить с таким идиотом совершенно бесполезно.

– Отлично! Если ты настаиваешь, – ответил он. – Я не могу сказать, как будут выглядеть мои точные планы, прежде чем Джесси Смит не подтвердит этой вести и я не попаду в приисковый лагерь. Но базой нашей работы... Теперь не пророните ни одного слова, и вы все тоже слушайте. Все наше имущество мы перевезем в этот лагерь. На самой границе города построим свои блокгаузы и ни в коем случае не будем торчать друг возле друга. Вся банда рассыпалась. Большинству из вас придется разыгрывать роль золотоискателей, подражать обычным землекопам, то есть возиться с кирками и ситами, копать, пить, играть, – словом, вести себя так, как и все остальные. Бирд откроет игорный дом. Рыжий Пирс тоже подыщет себе какую-нибудь работу. Я куплю одно-два места и найму работников. Затем переоденусь и подъеду к влиятельным лицам. Буду участником всякого дела. Все остальные будут шпионами. По ночам вы будете приходить в мою хижину и сообщать обо всем. Маленькими делами мы не станем заниматься. Всех старателей, покидающих лагерь с пятьюдесятью и сотней фунтов золота в телегах или почтовых каретах, мы выследим, и тот, кого я назначу, совершит нападение. Все вы обязаны быть трезвыми, если понадобится. Ре-

шающее мнение – мое. Во время работы вы все должны быть замаскированы. Ни одним словом вы не должны обмолвиться, чтобы не навлечь на себя подозрения. Таким манером мы сможем проработать все лето, и никто не накроет нас. Чем тише мы поведем себя, тем значительнее окажутся результаты. Едва только будет найдена главная жила, как весь лагерь сойдет с ума. Подозревать начнут один другого. Они не смогут поэтому организовать и, беспомощные, очутятся в наших руках... Короче говоря, если эти холмы в самом деле так богаты, как о них говорят, то еще до зимы у нас звонкого золота будет больше, чем смогут увезти наши лошади.

Келс начал свою речь довольно сдержанно, но постепенно звук собственного голоса и мечты о воплощении своей большой идеи разгорячили его. На своих слушателей он произвел громадное впечатление, за исключением Гульдена. Келс смотрел на него, на него же уставились и другие бандиты; сверкавшие из темноты острые глаза Джима Клэва тоже устремились на громадное лицо бандита. Было видно, что Гульден хочет что-то сказать, но в его медлительности вовсе не чувствовалось колебания или волнения; в его мозгу гнездилась только одна мысль, являвшаяся всей его сущностью.

– Мертвые не болтают! – Эти слова глухо пробурлили в его широченной глотке.

Келс жаждал золота и славы грозного бандита; Гульден хотел только крови. В наступившем молчании чувствовалось, что свирепые разбойники взвешивали все сказанное, вника-

ли в него. Многие из них не могли совершенно свыкнуться со страшным предложением Гульдена, но большинство все же признало в нем гарантию на безопасность.

Один Келс запротестовал против этого.

– Ты полагаешь, Гульден, что, заполучив золото, мы должны оставить позади себя только мертвецов? – спросил он свистящим шепотом.

Гигант свирепо кивнул головой.

– Только глупцы убивают, если нет сопротивления, – резко заявил Келс.

– Зато мы дольше продержимся, – непоколебимо ответил Гульден.

– Нет, нет! Ничего подобного! Убийство перетряхивает каждый приисковый лагерь. А это пахнет карательным отрядом.

– Мы одинаково можем принадлежать к этому отряду, как и к твоему легиону, – сказал Гульден.

Эти слова вдруг ясно доказали, что Гульден вовсе не тупица, каким его считал Келс. Негодяи живо закивали друг дружке и беспокойно зашевелились. Даже Рыжий Пирс оказался подкупленным такой хитростью. Зло победило злые сердца. Проницательный Келс сразу почувствовал эту перемену в бандитах.

– Ну-с, Гульден, а допустим, что я смотрю на дело иначе, чем ты? – спросил он.

– Тогда я не вступлю в твой легион.

– Что ты будешь делать?

– Я соберу своих людей и разграблю приисковый лагерь.

Жанна видела, что умный предводитель банды очень хорошо сознавал одно: проект Гульдена превратил бы в ничто его собственные планы.

– Гульден, я вовсе не хочу терять тебя, – сказал он.

– Ты и не останешься без меня, если правильно взглянешь на дело! – ответил Гульден. – Ты превосходно сумеешь руководить нами. Но помни одно, Келс, ты растрачиваешь свои нервы... Это все из-за той девчонки, которую ты держишь у себя.

Гульден говорил без гнева, страха и вообще без какого-либо чувства. Он говорил одну только правду. Но зато Келса охватила безумная ярость.

Жанна увидела зеленые огоньки в его глазах, посеревшее, вздрагивающее лицо и сильную дрожь в руках. Она поняла, что в эту минуту он боролся с собой: убить ли ему Гульдена тут же на месте или нет. Ей стало ясно, что Келс должен был тут же уложить своего противника, иначе его власти суждено было неудержимо пойти на убыль.

– А что, Гульден, если мы отложим это дело на несколько дней, пока не доберемся до места? – предложил он.

– Никаких откладываний! Или так, или этак, – заявил Гульден.

– Ты сам хочешь быть предводителем «Пограничного легиона»? – спросил Келс.

– Нет.

– Но тогда что же тебе нужно?

Гульден не был подготовлен к такому вопросу.

– Мне нужно многое, – ответил он после некоторого колебания. – Я хочу быть посвящен во все. И если мне придет охота пристрелить кого, то и это должно быть мне разрешено.

– Если тебе придет охота, – повторил Келс. Затем точно по волшебству его лицо вдруг все осветилось и бесконечная хитрость заиграла в глазах. Соппротивление, ненависть и отвращение, так бесконечно отделявшие его от Гульдена, – все это мгновенно слетело с него.

– Гульден, мы поделимся с тобою. Я предоставляю тебе действовать так, как ты захочешь. Но зато все остальные, все до одного, обязаны следовать моим приказаниям. Идет?

Тут Гульден протянул свою колоссальную руку. Такое внезапное согласие явно удивило как самого Келса, так и всех остальных бандитов.

– Вперед, Келс! – воскликнул Гульден и с трудом нацарапал свое имя в книжечке Келса.

– Можешь делать все что вздумается, за исключением ссор с моими людьми, конечно! – добавил Келс.

– Да, если они не вызовут меня на это, – ответил великан, выдавив жуткую гримасу вместо улыбки.

Один за другим выполнили эту простую церемонию и все приверженцы Гульдена.

– Еще кто? – воскликнул Келс, оглядывая всех.

– Джим Клэв, – сказал Пирс, указывая в сторону стены.

– Хэлло, дружочек! Подите-ка сюда. Вас мне чертовски недостает, – заметил Келс.

Клэв медленно выдвинулся вперед, устремив свой блестящий взгляд на Гульдена. Наступил напряженный момент. Гульден уставился на Клэва. Но Келс быстро встал между ними.

– Послушайте, я совершенно забыл, что вы поцапались, – сказал он и круто повернулся к Гульдену. – Сводить старые счета теперь не время. Мы не раз схватывались друг с дружкой, Гульден, и после этого снова становились друзьями. Я хочу иметь Клэва в своей банде, но только если ты не будешь возражать.

– Пока я ничего не скажу, – ответил гигант, – но и не дам отстрелить себе еще одно ухо.

Вся сволочь разразилась хриплым ржанием, но Гульден не находил ничего смешного в своем замечании. Келс расхохотался вместе с другими. И даже бледное лицо Клэва отразило мимолетную усмешку.

– Значит, мы сговорились, – объявил Келс. И когда он повернулся к Клэву, вся его фигура говорила о высокомерном сознании собственного достоинства и силе воли.

– Джим, хотите вытянуть карту?

– А в чем заключается игра? – спросил Клэв.

Келс быстро повторил свою идею о «Пограничном легио-

не» и его выгодах для каждого свободного молодого повесы.

– Мне все равно, – ответил Клэв.

Келс обомлел.

– Неужели вам безразлично, примкнуть к моему легиону или нет?

– Чертовски безразлично, – последовал ленивый ответ.

– В таком случае, – продолжал Келс, – сделайте мне одолжение и идите к нам ради меня. Мы будем хорошими друзьями. Иначе здесь, у границы, вам придется худо. И чем это может повредить вам, если вы примкнете к нам?

– Я хотел бы лучше остаться один.

– Но тогда вы недолго протянете.

– Это очень мало трогает меня.

Бандит зорко взглянул в бледное, отчаявшееся лицо Джима.

– Послушайте, неужели у вас не хватает достаточно силы, чтобы сделаться настоящим бандитом?

Клэв вздрогнул, точно от неожиданного удара. Жанна зажмурилась, чтобы не видеть его лица. Не зная того, Келс повторил те же самые слова, которыми она повергла Клэва в его теперешнее положение. Эти слова оживили его. Жанна ненавидела себя от всего сердца.

– Клэв, скажите по совести, ведь вы изводитеесь из-за женщины? – воскликнул Келс своим обычным, резким и насмешливым голосом.

– Если вы не будете держать язык за зубами, то раньше

меня отправитесь к черту, – с угрозой ответил Клэв.

– Ба! Уже и за револьвер. Я ваш друг. Вы больны, точно отравленная собачонка. И говорю вам: если вы соберетесь с духом, то не сковырнетесь. Начните вместе с нами охоту за золотом. Вы увидите жизнь, будете бороться, сами добудете золото. Есть много других женщин на свете. Один раз и я подумал, что брошу все ради женщины. Но я все-таки не сделал этого. Ни разу не встречал настоящей, пока не долетел сюда, к этой границе. Если у вас есть мужество, проявите его. Будьте мужчиной. Выплюньте весь этот яд... Скажите свободно перед всеми... Какая то девушка вынудила вас явиться к нам сюда?

– Да... девушка! – хрипло ответил Клэв.

– Возвратиться уже поздно?

– Поздно.

– И вам ничего больше не остается, как искать забвения?

– Ничего... Только я никак... не могу забыть... – вырвалось у Клэва.

Жанна видела, как умело воздействовал Келс на чувства Клэва. Тот был страстным, отчаявшимся мальчиком в руках сильного, неумолимого мужчины. Точно воск в руках скульптора. Джим подчинится воле этого бандита и из-за своей упорной любви и мучительных воспоминаний начнет все ниже и ниже опускаться, погружаясь в пьянство, игру и преступления.

Жанна поднялась. Ее женская душа горела чистым вооду-

шевением встретить грозную минуту своей жизни.

Келс сделал порывистое движение.

– Покажите ваше мужество... Идите со мной... В этой стране вы создадите себе имя, которое никогда не забудется.

Этот последний намек на разбойничью славу был самым лучшим козырем хитрого бандита. И он решил все дело. Подняв ослабевшую, нервную руку, Клэв отвел волосы с влажного лба. Вся суровость, вся пламенность и неприступность его исчезли. Он выглядел потрясенным, как будто неожиданно показали всю его бесконечную трусость.

– Конечно, Келс, – сказал он растерянно. – Конечно, примите меня в свою игру... и, клянусь, я доиграю ее до конца.

Взяв карандаш, он склонился над записной книжкой.

– Стой, стой! – крикнула Жанна. Отбросив завесу, она скользнула в полосу света.

Келс бросил на нее удивленный взгляд, но, догадавшись о ее намерении, холодно рассмеялся.

– Клэв, это моя жена, Денди Дейлс, – сказал он мягко и спокойно. – Пусть она посоветует, как вам поступить.

Появление женщины, хотя бы даже переодетой, сильно подействовало на Клэва. Его фигура выпрямилась, лицо снова побледнело, а затуманенные глаза вспыхнули. Жанна почувствовала, что и она бледнеет. Под этим взглядом она чуть было не упала в обморок. Однако Джим не узнал ее.

– Стой! – еще раз воскликнула Жанна, но ее голос прозвучал высоко и совсем непохоже на ее обычный грудной звук.

– Я все слышала, что говорилось здесь! Не вступайте в этот легион... Вы молоды и еще честны. Ради самого Бога, не вступайте на путь этих людей. Келс сделает из вас бандита... Отправляйтесь обратно на свою родину, идите к себе домой, прошу вас!

– Кто вы... почему вы говорите мне о чести, о родине? – спросил Клэв.

– Я только... женщина... Но я вижу, как вы готовы вступить на ложный путь... Вернитесь к той девушке, которая... которая заставила вас пойти на границу. Она, наверное, раскаивается. Еще один день, и будет поздно. О, молодой человек, идите обратно домой. Может быть, та девушка и любила вас. О, возможно, ее сердце надрывается теперь.

Сильная дрожь пробежала по телу Клэва. Была ли это боль, вызванная ее словами, или отвращение, что такая женщина, как она, осмеливается говорить о любимой им девушке? Жанна не могла понять.

– Вы просите меня не становиться бандитом? – спросил он медленно, как будто борясь с какой то мыслью.

– О, я умоляю вас!

– Почему?

– Я уже сказала вам. Вы еще хороший человек, вы были диким и свирепым только потому, что...

– Вы жена Келса? – крикнул он на нее.

– Нет, – медленно и с трудом ответила Жанна.

Наступила долгая тишина. Истина, о которой все догады-

вались, в ее устах прозвучала потрясающе. Затаив дыхание, разбойники разинули рты. Келс оглядел всех с сардонической усмешкой, однако лицо его побледнело. Но зато лицо Клэва отразило безграничное презрение.

– Даже не жена! – воскликнул он тихо.

Этот возглас был невыносим для Жанны. Она отшатнулась.

– И вы взываете ко мне? – продолжал Клэв.

Внезапная усталость охватила его. Поразительная двойственность женщины превышала его понимание. Он почти повернулся спиной к Жанне.

– Вряд ли существо, подобное вам, может удержать меня от банды Келса, от убийства и вообще от чего-либо похожего.

– В таком случае вы жалкий трус, родившийся, чтобы стать преступником! – с великолепной яростью крикнула Жанна. – Что бы ни говорило против меня, я остаюсь девушкой.

Келс стоял, бледный и настороженный. Клэв старался вникнуть в смысл ее слов: затем медленно повернулся к ней. Все мускулы его напряглись. Ни один разумный и хладнокровный человек не осмелился бы обратиться к нему в ту минуту.

Взгляд его вопрошающе скользнул по фигуре Жанны. Как сопоставить ему ее вид с ее словами? Одно из двух тут должно быть ложью. Его горящие глаза лишали Жанну всякого

мужества.

– Он принудил носить меня эти вещи, – пробормотала она. – Я пленница и... беспомощна.

С кошачьей ловкостью Клэв быстро отскочил назад. В его руках блеснули два револьвера. Его отвага так же поразила бандитов, как и напугала. Всю угрозу Келс постарался перенести на себя.

– Я сдаюсь, – хрипло сказал он. – Она говорит сущую правду... Но если вы убьете меня, дело от этого лучше не станет. Девушке может быть от этого только хуже.

– О, только не стреляйте! – простонала Жанна.

– Выходите отсюда, – приказал Клэв. – Садитесь на лошадь и подведите другую к двери... Идите! Я увезу вас отсюда...

Искушение и ужас одновременно охватили Жанну, но у нее не хватило мужества сделать такую безнадежную глупость.

– Я остаюсь! – прошептала она. – Идите лучше вы.

– Торопись, девушка!

– Нет, нет!

– Значит, вы хотите остаться у этого бандита? Вы любите его?

Сердце Жанны вспыхнуло от желания отвергнуть такое оскорбление, но вместо этого она печально опустила голову.

– Уходите, чтобы я не видел вас! – с тяжелым презрением воскликнул Джим. – Я было хотел спасти вас.

И снова повеяло от него прежним усталым презрением. Чтобы удержаться от крика, Жанна прикусила язык. Как могла она пережить такие муки?

Шаг за шагом она отступала, почти оглушенная, мучимая ужасным внутренним холодом. Добравшись до своей двери, она, шатаясь, скрылась за завесой.

– Келс, ты правильно сказал. – Жанна слышала голос Джима откуда-то издали. – Только в делах с женщинами у меня не хватает винтика... Не обращай внимания на мое сумасбродство. Если я тебе нужен, то охотно вступлю в твой легион.

Глава XII

Всю ночь Жанна пролежала без сна, озябшая и несчастная. Наутро, встав с постели, она чувствовала легкое головокружение и нетвердо стояла на ногах. Ее руки дрожали; казалось, вся кровь прилила к голове, и дыхание причиняло боль. Сняла маску, вымыла лицо и расчесала волосы. Сначала ей пришло в голову – выйти на улицу с незакрытым лицом, но потом она раздумала.

В это утро Келс был особенно возбужден. Он осыпал ее комплиментами и сообщил, что скоро они покинут это пустынное место и Жанна увидит тогда великолепнейшее из представлений – громадные прииски. Увидит людей, ставящих на карту все свое состояние, теряющих его и со смехом снова возвращающихся к тяжелой работе. По приезде во Фриско он обещал ей закупить всего, что только может пожелать девушка.

Было уже довольно поздно. Перед хижиной расхаживала куча бандитов, столь же взволнованных, как и Келс. Приготовления к отъезду уже начались. Как только какой-нибудь всадник показывался на склоне холма, все тотчас же бросали работу и бежали ему навстречу. Имя Джесси Смита было у всех на устах. Каждую минуту мог он появиться и подтвердить соблазнительную весть Бликки.

Жанне казалось, будто глаза всех этих мужчин были яр-

ко-желтого цвета, подобно блестящему золоту. Внезапно она заметила, что, несмотря на всеобщее волнение, в отношении к ней бандитов вкралась какая-то перемена.

Жанна решила чем-нибудь заняться. Сначала она помогала Бейду Буду. Он весь дышал грубоватой приветливостью. Девушка совершенно не подозревала, что может кому-нибудь внушить жалость, как вдруг он шепнул ей: «Только не падайте духом, мисс. Может быть, все еще обойдется благополучно». Это замечание поразило Жанну. Его многозначительное киванье и подмигиванье, такое искреннее сочувствие – все это означало какую-то перемену. Жанне страшно захотелось тут же выяснить причину.

Внезапно ее осенила мысль: еще вчера эти негодяи презирали ее, сегодня они выказывают к ней уважение. Значит, они поверили ее словам, с отчаянья брошенным в лицо Джиму Клэву. Они поверили ее невинности, пожалели ее и прониклись уважением к ее стремлению спасти молодого человека от жизни преступника. Они, были бандиты, убийцы, потерянные люди, но у каждого, возможно, где-то еще имелась мать или сестра. Как бы они себя вели на месте Келса, это не играло роли. Благодаря какой-то особенной, странной черте в человеческом характере, эти бандиты ненавидели Келса за его поведение, но в себе они никогда не стали бы порицать того же самого.

В эту минуту взгляд Жанны упал на подходившего Джима Клэва. В его походке сквозила беззаботность и неряшли-

вость; с папироской в зубах, с синими кругами под глазами, он всем своим видом олицетворял полную распущенность. Сердце Жанны судорожно сжалось. Она чувствовала себя достаточно смелой, чтобы, подойдя к нему и сорвав маску, сказать: «Я – Жанна». Однако это должно быть для нее последним выходом. Внезапно шум был перекрыт одним криком. Бандит громадного роста указывал на густые облака пыли вдали.

– Лошадь Джесси Смита! – заорал верзила. – Келс, выходи!

– Что случилось? – воскликнул Келс. – Ого! Кто это там скачет без седла?

– Несется как дьявол!

– Бликки! – гаркнул длинноногий. – Келс! Я вижу лошадь Джесси Смита.

Келс издал ликующий возглас. Взволнованная болтовня мужчин сменилась сдержанным гулом. Бликки мчался вверх по холму. Он низко висел на боку своей лошади, словно индеец, и вместе с лошадыю со страшным стуком въехал прямо на террасу. Бандиты разбежались в разные стороны. Испуганная лошадь уперлась и начала бить копытами. Лицо Бликки было серым, глаза бросали дикие взгляды.

– Джесси тут! – хрипло крикнул он Келсу. – Свалился с лошади... измучился. Он требует тебя... и всю банду. Он видел на целый миллион долларов золотого песку.

Сначала наступила тишина, а затем все разом закричали и

задвигались. Блики круто повернул лошадь. Келс бросился бегом, а за ним последовала и вся его взволнованная свирепая свора.

Жанна тут же решила использовать представившуюся возможность. Всю эту сцену она проследила от начала до конца, не выпуская из вида Джима Клэва. Когда все побежали, он тоже поднялся, чтобы последовать за своими товарищами. Но Жанна подбежала к нему и схватила его так крепко, что он даже пошатнулся.

– Мне нужно поговорить с вами!.. Там, под кедрами, сейчас же, – прошептала она, задыхаясь от волнения. – Дело идет о жизни и смерти, обо мне!

Едва только она выпустила его руку, как он сделал движение, чтобы схватить край ее маски; однако она ловко увернулась.

– Кто вы? – резко спросил он.

Келс и его люди, перепрыгивая по очереди через ручей, удалялись по поляне все дальше и дальше. Им ничего больше в мире не хотелось, как поскорее прийти к Джесси Смитту и услышать от него о богатстве новых приисков.

– Идемте! – воскликнула Жанна. – Она обогнула угол блокгауза и остановилась, чтобы посмотреть, последовал ли за ней Джим. Он послушал ее. Тогда, завернув за дом, Жанна взбежала вверх по холму и у первых деревьев снова остановилась. Клэв следовал за нею, и Жанна, задыхаясь и спотыкаясь, побежала дальше. Наконец они очутились среди групп

пы кедров и сосен, которые вскоре скрыли от них крыши разбойничьих блокгаузов. Жанна облегченно вздохнула, и в ее вздохе смешалось чувство радости и страха. Наконец-то! Внезапно дорогу преградил упавший кедр. Здесь она будет ждать. Так приятно прислониться к стволу дерева. Клэв приближался к ней громадной, шагающей тенью. Никогда еще она не видела его таким. Еще секунда, и он тоже вышел на полянку.

– Скажите мне еще раз... – сказал он, запинаясь. – Мне кажется, что я пьян или сошел с ума.

Но Жанна не находила слов. Она медленно подняла к лицу дрожащие руки и вдруг, тяжело дыша, сорвала свою маску...

– Джим!.. Джим!.. Я Жанна! – едва прошептала она онемевшими губами.

– Жанна?! – прохрипел он.

Точно пантера, подскочил он к ней, сильной рукой схватил за воротник блузки и, когда Жанна упала на колени, потащил ее за собой. Девушка изо всех сил боролась с его железной хваткой, но ворот блузы так сдавил горло, что она не могла издать ни одного звука. Джим не смотрел на нее, зато она могла хорошо видеть его. Все его тело сотрясалось от внутренней жестокой борьбы, лицо выглядело страшно, волосы стали дыбом. Он тащил ее за собой, будто она была пустым мешком. Точно животное, выискивал он темную яму или угол, чтобы запрятать ее. Жанна задыхалась. Все

предметы перед ее глазами заволокло, и она начала отбиваться почти инстинктивно. Внезапно петля вокруг ее горла ослабла; Жанна с хрипом втянула в легкие воздух; красная завеса спала с глаз. Она все еще лежала, а Клэв стоял перед ней, подобный серому демону, направляя на нее свой револьвер со взведенным курком.

– Молись теперь о себе, да и обо мне!

– Джим!.. О, Джим... Ты и себя хочешь убить?

– Да. Но теперь молись – скорей!

– О, тогда я буду молить Бога – не о себе, а об одной лишней минутке жизни... чтобы все рассказать тебе, Джим!

Лицо Клэва выразило сильную борьбу, и рука, державшая револьвер, задрожала. Ответ Жанны был ударом молнии в мрачную бездну его нестерпимых мук.

Жанна видела это и, подняв к нему свое лицо, протянула руки.

– Чтобы... все рассказать тебе... Джим! – молила она.

– Что рассказать? – грубо крикнул он.

– То, что я невинна, что я так же чиста, как и прежде... Дай мне все рассказать... О, ты в заблуждении... в страшном заблуждении!

– Теперь я вижу, что я действительно пьян... Ты Жанна Рэндль. Ты в этой одежде, подруга Джека Келса. Даже не его жена! Ты мишень для насмешек этих грязных бандитских рож. И ты еще смеешь говорить, что ты невинна, чиста?.. Тогда как сама же отказалась покинуть Келса!

– Я боялась... боялась, что тебя убьют! – простонала она, ударяя себя в грудь.

Все это казалось ему сплошным кошмаром, безумием, бредом пьяного. Видеть ее, Жанну, здесь, в этом вызывающем мужском костюме, на коленях, с протянутыми к нему руками, умоляющему поверить в ее невинность...

Быстрые, отрывочные слова слетали с ее уст.

– Ты только выслушай! Я поехала за тобой на двадцать миль от Хоудли. Встретила Робертса, он поехал провожать меня. Его лошадь оступилась, и мы сделали привал. Затем неожиданно к нам подъехал Келс, с ним было еще двое. Они разбили лагерь возле нас. Наутро Келс убил Робертса и увез меня. Затем убил и тех других, чтобы захватить меня целиком для одного себя... Мы проехали среди гор и ущелье... Там он напал на меня, и я... пристрелила его. Но оставить его я не смогла... Не могла дать ему умереть!

Жанна страшно волновалась, говоря это, но, поглядев на Клэва, снова обрела силу и дар речи.

– Келс выдает меня за свою жену, чтобы обмануть всех мошенников и Гульдена. Он хотел спасти меня от них. Однако они раскрыли тайну. Именно Келс заставил меня носить эту бесстыдную одежду. Келс ничем не обидел меня – ни он, ни другие. В нем еще есть что-то хорошее, и я умею вызывать в нем этот остаток доброты... О, он любит меня, и я больше не боюсь его... То было страшное время для меня, Джим, но я по-прежнему такая же девушка, какой ты знал

меня... какую ты...

Клэв выронил револьвер и провел рукой по глазам, точно стараясь отогнать что-то.

– Но зачем... зачем... – спросил он, не веря себе, – зачем ты оставила Хоудли? Ведь ты же знала, что это опасно?

Жанна твердо взглянула на него.

– Джим! – прошептала она, чувствуя, как с этим первым словом исповеди ее охватила дрожь и вся кровь прилила к шее и щекам.

– Джим! Когда в тот вечер ты поцеловал меня, я страшно рассердилась. Но едва ты ушел, как стала раскаиваться. Вероятно, ты... уже и тогда мне нравился, но я еще не знала... Ужасное раскаяние овладело мною, и я поехала в горы вслед за тобой, чтобы спасти тебя от самого себя. И среди всех страданий, страха и ужаса я иногда... чувствовала... сладость твоих поцелуев. А вместе с долгими днями мучений и боязливого ожидания, со всем, что говорило мне о твоей ненависти к жизни, пришла любовь... Любовь, которой я никогда не буду достойна. Я решила найти тебя, спасти, отослать обратно домой... И вот я нашла тебя, возможно, уже слишком поздно, чтобы спасти твою жизнь, но не поздно для спасения твоей души. Я люблю тебя, Джим... Я люблю тебя и не могу досыта наговориться об этом. Все мое сердце надрывается... Скажи, что ты веришь мне. И поцелуй меня... так же, как в тот вечер, когда оба мы были слепыми глупцами. О, как все это печально!.. Целуй меня, Джим, прежде

чем я... упаду перед тобой... Если бы ты только поверил...

Слезы ослепили Жанну. Она бормотала бессмысленные слова, сама не сознавая, что говорит. И тут, очнувшись наконец от онемения, Джим схватил ее в свои объятия. Жанна была близка к обмороку, почти в бессознательном состоянии. Он так крепко прижал ее к себе, что ее дыхание замерло, замерло и тело, остановился пульс... Она слышала его хриплые отдельные возгласы, чувствовала биение сердца у своей груди. И он начал целовать ее так, как она просила. Постепенно Жанна возвращалась к новой жизни, вся дрожа от счастья. Подняв лицо, она обхватила его шею и, ослепленная, целовала его, страстно, нежно и пылко. Все ее сердце, вся ее душа вылились в этих поцелуях.

– Жанна!.. Жанна!.. Жанна!.. – бормотал он, как только их уста разъединялись. – Сплю я, или пьян... или с ума сошел?..

– О, Джим, это я, я в самом деле! И ты обнимаешь меня, – шептала она. – Милый, целуй меня еще и скажи, что ты веришь мне.

– Верить?.. Я обалдел от радости... Ты любишь меня?.. Ты поехала за мной... И мои мысли... только одно глупое, низкое подозрение... Я должен был бы и так понять это, не будь я таким болваном!

– О, Джим! Довольно безумства. Нам надо спасаться. Вспомни, где мы сейчас. Перед нами стоит Келс и его страшная затея.

Он уставился на нее, и его сознание медленно вернулось

к действительности.

Наступила реакция. Если у Джима оставалось еще сколько-нибудь самообладания, то теперь он окончательно утратил его. Спрятав лицо у шеи Жанны, он плакал, тихо всхлипывая, глубоко потрясенный. Жанне было жутко слушать его. Положив его руку к себе на грудь, она молила его собрать все свои силы. Но он был весь охвачен раскаянием. Это он вовлек ее в такое несчастье. Жанна поняла, что только сильная встряска может вернуть ему прежнее уверенное и разумное равновесие.

Оттолкнув его от себя, она взяла его за плечи так, что он вынужден был смотреть на нее, затем пылко и страстно поцеловала его.

– Джим, если у тебя хватило мужества на то, чтобы стать дурным, значит, у тебя его хватит и на то, чтобы спасти девушку, которая любит тебя и принадлежит тебе!

Джим поднял лицо, и мгновенная бледность изменила краску его щек. Он понял тонкость ее сравнения.

– У нас только одно средство – бежать.

– Да, но это чересчур опасно.

– Теперь у нас есть один шанс. Я достану лошадей, и мы выберемся отсюда, ибо новые события удержат всех этих бандитов тут на месте.

– Нет, нет! Я боюсь так рисковать. Келс тотчас же догадается о нашем бегстве и, как ищейка, бросится по нашему следу. И это еще не все. Я до обморока боюсь Гульдена. Не могу

объяснить своего страха. Он примет участие в погоне. Никогда я не соглашусь бежать, пока Гульден в лагере... Джим, знаешь, что он сделал?

– Он людоед, я знаю. Его вид мне тошнотворен. Я пробовал убить его и жалею, что не сделал этого.

– Пока он здесь поблизости, я не могу чувствовать себя в безопасности.

– Тогда он должен умереть.

– Тише, тише! Только в крайних случаях тебе следует прибегать к таким отчаянным поступкам... Слушай! Сейчас я пока в полной безопасности у Келса. Кроме того, он очень расположен к тебе. Выждем немного. Мы останемся у Келса, поедем вместе с ним на золотые прииски. Я уверена, что там нам представится более удобный случай. Свою роль тебе играть придется, но сделай это без пьянства и не затевай драк. А затем, при первой возможности, мы попытаемся бежать.

– А по-моему, у нас никогда больше не будет такого удобного случая для бегства, как сейчас, – протестовал Джим.

– Тебе это только кажется, но я знаю, как обстоит дело. Говорю тебе, что Гульден только из-за меня разошелся с Келсом. Мне кажется, я умерла бы от ужаса, имея перед собой двести миль дикой гористой местности и эту гориллу за своей спиной.

– Но, Жанна, если бы ты отважилась на побег, то Гульден никогда бы не получил тебя живой, – серьезно заметил Джим. – Этого-то тебе бояться нечего.

– Я испытываю перед ним нечеловеческий ужас. Считаю его настоящей гориллой и уверена, что он утащил бы меня даже мертвую... Нет, Джим, давай подождем, предоставь мне выбрать момент. Доверься мне. О, Джим, раз мне удалось спасти тебя от участи бандита, то теперь я на все способна! Келса, Пирса или Вуда я еще могу провести, и вообще каждого из них, – всех, кроме Гульдена.

– Ну, а если перед Келсом встанет вопрос: следовать ли за тобой или спешить на прииски, то что он предпочтет?

– Он погонится за мною, – ответила она.

– Но ведь Келс с ума сходит по золоту. У него только две страсти: украсть золото и проиграть его.

– Возможно. Но сперва он все-таки погонится за мной. Так же и Гульден. В этих горах мы не можем ехать так быстро, как они. Мы заблудимся, не зная ни тропинок, ни мест, где есть вода. Мы заблудимся, и нас поймают. Какой-то голос твердит мне, что не Келс найдет нас, а именно Гульден со своей бандой.

– Ну, как хочешь, Жанна, – ответил Клэв. – Но ведь ты обрекаешь меня на сушие пытки. Я должен оставлять тебя с Келсом и с этими бандитами. Это будет, пожалуй, еще труднее, чем вся моя жизнь здесь до этих пор.

– Джим, Джим, мне ничего не грозит, – воскликнула Жанна убежденно. – Из двух зол это меньшее. Жизнь нас обоих зависит от нашего благоразумия. И ради тебя, Джим, я хочу живой выйти из игры.

– О, моя любовь, как я счастлив слышать это из твоих уст! – воскликнул он, глубоко взволнованный. – Ведь я уже никогда не надеялся увидеть тебя... Но прошлое пусть и останется прошлым. С этого момента я начинаю жить сизнова. Я буду таким, каким ты хочешь, буду действовать так, как ты пожелаешь.

И снова Жанну властно потянуло к нему. Подняв свое покрасневшее лицо, она умоляюще взглянула на него, покорная, с чарующей и опасной лаской во всем своем существе.

– Джим, целуй меня и держи так же крепко, как и в тот вечер.

И не Жанна первая нарушила это объятие.

– Найди мою маску, – сказала она. Клэв поднял с земли револьвер и немного погодя нашел и кусок черного фетра. Он держал его в руке с таким видом, как будто это была какая-то смертоносная штука.

– Завяжи мне ее.

– Жанна! – воскликнул он, выполнив ее просьбу. – Теперь никто не увидит твоего лица, но одежда... слишком уж подчеркивает твои линии. И, черт возьми, я должен признаться, что ты красива, дьявольски хороша, очаровательна! Но я ненавижу это одеяние...

– Да и я не терплю его. Но надо мириться, а ты постарайся меня больше не стыдить... А теперь прощай. Все время помни обо мне, как я о тебе...

С этими словами Жанна вырвалась и побежала из леса. По

дороге она натолкнулась на свою лошадь и повела ее к блокгаузу. Много лошадей разбежалось. Около блокгауза никого не было видно, но Жанна заметила группу мужчин во главе с Келсом, поднимающихся вверх по холму. Счастье улыбнулось ей. Вряд ли кто заметил ее отсутствие. Жанна едва успела собраться с силами, чтобы добежать до своей комнаты и броситься на постель, изнемогая от слабости, волнения и чувства бесконечной благодарности. Наконец-то разрешилась вся невыносимая двусмысленность ее положения.

Глава XIII

Уже давно наступил полдень, когда Жанна снова вышла на улицу; выйдя же, она заметила, что бандиты не обращают на нее почти никакого внимания.

Келс расхаживал легкой походкой, с сияющими глазами, с поднятой головой, точно прислушиваясь к чему-то. Возможно, он слушал дьявольскую музыку своих грядущих надежд. Жанна нередко с удивлением смотрела на него. Даже бандит, придумывающий свои разбойничьи планы, может строить воздушные замки и радоваться жизни.

А тем временем все остальные по двое и по трое покидали лагерь. Каждая группа, сопровождаемая мулами и лошадьми, на этот раз так упаковала свой груз, как Жанна еще ни разу не замечала. Кирки, лопаты, старые сита и в особенности сковородки вывешивались на самых видных местах и должны были показать, что едут самые настоящие золотоискатели. Кругом царило лихорадочное оживление, и только за сияющим лицом Келса чувствовалась мрачная, угрожающая инициатива. Он был сердцем всей машины.

К заходу солнца в лагере остались только Келс, Пирс, Вуд, Джим Клэв и седоволосый бандит Джесси Смит.

Когда Жанна проснулась на следующее утро, вся ее комната еще была полна серым мраком. Из большого блокгауза доносился шум, снаружи гудели голоса и раздавался стук

лошадиных копыт.

Жанна так долго собиралась, что Келс уже несколько раз окликал ее. С большой неохотой покидала она свое жилище, такое скрытое и надежное. Еще большой вопрос, будет ли у нее снова такое удобное помещение. Кроме того, расставаясь, Жанна ощутила к этому месту тихую привязанность за все страдания и размышления, которые ей пришлось здесь вынести.

Серый мрак уступал место рассвету. Все мужчины, за исключением Келса, были в седле, а нагруженные лошади уже тронулись в путь. Задвинув грубую дверь блокгауза, Келс вскочил на лошадь и приказал Жанне следовать за собой. Взглянув вперед, она заметила, что третьим наездником от нее был Джим. Это обстоятельство придало совершенно иной характер утреннему выезду в Олдер-Крик.

Смит двинулся из долины через горную расселину и сплошь усеянный валунами хребет в новое ущелье. Дорога была тяжелая. Некоторое время она шла по каменистому руслу ручья, где лошади скользили по мокрым и гладким валунам. Продвигались очень медленно, что утешало Жанну. Чем дальше они ехали, тем лучше. Ведь там, в конце пути, их ждали Гульден, остальные разбойники, приисковый лагерь и тысяча ужасных возможностей.

Около полудня сделали привал в весьма оживленном настроении.

Во время обеда Келс заметил Джиму:

– Послушай-ка, дружок, ты что-то вдруг повеселел. Никак тому виной наши проекты?

– Не совсем! – ответил Клэв. – Я перестал беспрерывно тянуть виски. По правде говоря, Келс, я уже начал ловить белых мышей.

– Я очень рад этому. Еще ни разу мне не встречался человек, который бы много пил и не терял при этом головы. Я тоже не выдерживаю долго, хотя обычно пью очень немного.

Услышав это, бандиты громко расхохотались, считая слова Келса шуткой. Келс и сам охотно смеялся, но несколько раз подмигнул Жанне.

Однажды Келс поручил Клэву оседлать лошадь Жанны. Пробуя ремни, Джим прикоснулся своей рукой к руке Жанны. Это прикосновение наполнило ее сладкой дрожью; она взглянула на Джима, но тот отвернулся. Вероятно, он не доверял своей выдержке. И снова начался бесконечный путь по ущельям. Тропинки были настолько грубы и извилисты, что, по расчету Жанны, они проезжали не более трех миль в час. Приходилось беспрестанно помогать лошадям выбирать дорогу, и это целиком завладело вниманием. Только с наступлением темноты был сделан второй привал. Жанна хотела было помочь чем-нибудь, но Вуд посоветовал ей лучше отдохнуть. Все мужчины, и особенно Бейд Вуд, старались оказать ей всевозможные услуги, и только Джим Клэв держался в стороне из боязни выдать себя.

Жанна лежала закутанная в одеяла в нескольких метрах

от костра. Однажды Келс обернулся в ее сторону, чтобы посмотреть, как далеко она от них, и затем, понизив голос, рассказал какой-то анекдот. Окружающие захохотали. Пирс, в свою очередь, также что-то рассказал и тоже старался, чтобы она не могла услышать его. В своем оживлении они уселись плотнее, и Джесси Смит, по-видимому, большой весельчак, вскоре заставил их прямо взвыть от удовольствия. Джим Клэв громко хохотал заодно с ними.

– Послушай, Джим, а как ты справился со своей историей? – заметил Келс.

– С какой историей?

– Ну, с той, из-за которой ты явился сюда и дал мне счастливую возможность прикарманить тебя, – ответил Келс с принужденным смехом.

– О, ты говоришь о девушке?.. Само собой, я справляюсь с этим, но только тогда, когда не пьянствую.

– Расскажи нам, Джим, – сказал Келс с особым любопытством.

– Хорошо, – ответил Клэв, делая вид, что воспоминания причиняют ему боль.

– Я из Монтаны. Зимой охотник, летом золотоискатель. Однажды скопил кругленькую сумму, несмотря на то, что нередко спускал кое-что в картишки и на виски. Ну, само собой, там была девушка. Красавица, из-за которой я попал в скверную историю. Оставив все свои пожитки у нее, я отправился за золотом. По моем возвращении мы хотели поже-

ниться. Я не показывался шесть месяцев, мне здорово везло, но в последний момент решительно весь мой золотой песок у меня украли. Когда я вернулся обратно в Монтану, моя девица успела выйти замуж за другого и все, что я у нее оставил, подарила ему. Я запил. А пока я пьянствовал, они принялись распускать обо мне паршивые слухи. Это было делом ее рук. Мне пришлось бежать из города, и постепенно я докатился сюда, на границу.

Прослушав эту вымышленную Клэвом историю, Келс задумчиво отошел от костра и, закутавшись в одеяла, улегся неподалеку от Жанны.

На следующий день измученная кавалькада выбралась наконец из цепи гор, скал и колючего кустарника на широкую и пыльную дорогу, очевидно, совсем недавно проложенную, о чем свидетельствовали совершенно свежие пни спиленных деревьев. Видно было, что множество людей пользовалось этой дорогой.

Келс казался сильно взволнованным; Пирс выглядел настороженно, и глаза его рыскали кругом, точно глаза ястреба; Смит походил на ищейку, почуявшую след.

По краям дороги валялись груды тележных обломков, колес, посуды, ящиков, старого тряпья от палаток, занесенного ветром в кусты; мертвые мулы и ослы. Все выглядело так, как будто здесь только что проехала отступавшая армия. Вскоре дорогу пересекла пенистая речка. Перебравшись на другой берег, кавалькада двинулась по дороге, свернувшей теперь

вдоль течения реки.

Несколько миль спустя дорога уперлась в поросшее соснами ущелье. Деревья совершенно скрывали от глаз края и почву ущелья. Пришлось проехать еще несколько миль, прежде чем бандиты снова выехали на открытую поляну, показавшуюся Жанне местом отвратительного пожарища. Однако такое опустошение являлось делом человеческих рук. Громадная поляна предназначалась для постройки жилищ. Но еще целую милю не было видно ни одной палатки или хижины. Ущелье заворачивало направо, и большой серый выступ заслонял от глаз панораму местности. Внезапно властный окрик Келса заставил всех остановиться. Жанна увидела, что они находятся над обрывом. Внизу раскинулся приисковый лагерь. То было весьма интересное зрелище и, вероятно, Келс находил его даже красивым; однако Жанне оно показалось еще более отвратительным, чем оставшийся позади вырубленный лес. Всюду, куда ни падал ее взгляд, виднелись огромные кучи земли, маленькие шалаши, кое-где – палатки и изредка – блокгаузы. И чем дальше она глядела, тем больше роились вдали эти неуклюжие приисковые постройки, густо заполняя своими черными и белыми крышами устье узкого обрыва.

– Ну, хозяин, что ты скажешь об этом? – спросил Джесси Смит.

– Это превосходит все, что я видел до сих пор! – ответил Келс взволнованно.

Пирс и Клэв тоже, не отрываясь, устались вниз.

– Для нашего жилья я подыскал местечко по другую сторону лагеря. Там нам будет хорошо, – сказал Смит.

– А сейчас нам необходимо ехать по этой дороге?

– Ну, конечно! – ответил Смит, ухмыляясь.

Келс заколебался и провел рукой по своей бороде. Очевидно, он боялся быть узнанным.

– Борода делает тебя совершенно другим человеком. Кроме того, не думаю, чтобы ты был здесь так хорошо известен.

Натянув глубоко на лоб широкую шляпу, Келс приказал Жанне надеть маску.

– Ах, Келс! Никто и не взглянет на нас, когда мы будем проезжать. Здесь каждый занят только самим собой. Женщин тут тоже достаточно и без нее. Я недавно видел их целую дюжину, и все они были в вуалях.

Лежавший перед ними обрыв походил на громадный муравейник, полный торопливых, суетящихся муравьев. То были люди, выкапывавшие золото. Подъехав ближе, Жанна увидела бородатых мужчин и совсем еще безусых юношей. На обоих берегах реки копошилась такая масса людей, что, казалось, они должны были невероятно мешать друг другу; тысячи мужчин то и дело нагибались к воде, промывали землю и перетрясали ее. Все они были охвачены какой-то особенной напряженностью. У них не было времени поглядеть вокруг себя. Обтрепанные, лохматые, с голыми руками и ногами, они стояли, низко согнувшись. На своем пути каваль-

када встретила массу глубоких ям, полных таких же копошащихся и потных мужчин. Некоторые из ям были глубоки, другие мелки, одни вырыты длинными проходами, другие – простыми дырами. Если решительно все землекопы находили золото, то, значит, оно было повсюду. Как молчаливы и сосредоточены были эти люди!

Но лагерь еще больше поразил Жанну. То был целый город плоских и пестрых блокгаузов, окруженных бесчисленным множеством палаток. Широкая улица делила его на две части и пестрела самым разнообразным оживлением: она кишела людьми и животными, как улей, и шумливостью своей напоминала сумасшедший дом. Панели были сделаны из грубо сколоченных досок, трещавших под тяжелыми сапогами пешеходов. Одни палатки стояли просто на земле, другие – на деревянном фундаменте, третьи же – на бревенчатых подстилах. Еще дальше начинались ряды блокгаузов, лавок и трактиров. В конце улицы высилось большое здание со сверкающей золотой надписью «Последний самородок». Из дверей этого дома доносился визг скрипок, шарканье сапог и хриплые выкрики радости. Жанна увидела странных, разгульных мужчин и женщин, от вида которых она содрогнулась. Ей навстречу попались также женщины, нагруженные мешками или ведрами, изможденные и одичавшие, при виде которых ее сердце сжалось от жалости. Тут были и ленивые индейцы, и бородачи, очень походившие на членов шайки Келса, и игроки-мексиканцы с темными лицами и больши-

ми остроконечными шляпами. Но больше всего в этом кипучем людском потоке было сухопарых, жилистых золотоискателей, всевозможного возраста, в клетчатых рубашках, высоких сапогах и с заткнутыми за пояс револьверами. Сосредоточенные и хмурые, они протискивались сквозь толпу. То были выючные животные, несшие на себе всю тяжесть работы этого чудовищного улья; все остальные являлись трутнями и паразитами.

Проехав через весь город, кавалькада Келса остановилась в стороне от последнего строения возле маленького соснового перелеска, где по предложению Джесси Смита было решено построить блокгауз.

Это место как нельзя больше подходило к требованиям банды. Находясь всего в ста метрах от ближайших хижин, оно в то же время было совершенно скрыто от них. В лагерь спускалась гладкая извилистая дорожка. Позади лагеря высилась гора, расщепленная узким, густо засыпанным обвалившимися глыбами обрывом. Неподалеку от этого места протекал ручей. Почва была каменистая и считалась не золотоносной.

Когда настали сумерки, Келс обратился к своим людям с такой речью:

– Ты, Бейд, вместе с Джесси будешь сторожить лагерь. Ты, Пирс, посмотришь, не встретишь ли кого из банды. Но встречайтесь только в темноте... Ты, Клэв, пойдешь со мной. – Затем, повернувшись к Жанне, спросил: – Не хотите ли пой-

ти со мной посмотреть на все достопримечательности этого лагеря, или останетесь здесь?

– Я с удовольствием пошла бы вместе с вами... если бы... не так ужасно выглядела в этом костюме, – ответила она.

Келс засмеялся.

– Ну, будьте покойны, вас никто не увидит, и не говорите нам больше о своем страшном виде.

– Не можете ли вы дать мне какой-нибудь длинный плащ? – пробормотала Жанна.

Клэв молча подошел к своему седлу и, отстегнув пакет, принес ей длинный серый плащ. Жанна часто видела его, и он пробудил в ней воспоминания о Хоудли.

– Спасибо, – сказала она.

Плащ оказался длинным, колоколообразным. Жанна целиком потонула в нем.

– Скромность, конечно, прекрасное качество, но оно не всегда бывает выгодным для женщины, – смеясь, заметил Келс. – Поднимите воротник... Натяните шляпу глубже на лицо... Так. И если вас теперь не примут за молоденького парнишку, то я готов тут же проглотить всю одежду Денди Дейлса и закупить вам гору шелковых платьев. Ха-ха!

Жанна почувствовала, что он тоже рад за нее, несмотря на то, что ее первый вызывающий костюм гораздо больше льстил его тщеславию. Иногда в ней пробуждалась почти нежная симпатия к этому бандиту.

Наконец они двинулись. Жанна ехала между Келсом и Кл-

эвом. В темноте она взяла Джима за руку. Он едва не переломил ей пальцы своим пожатием.

Лошади с большим трудом пробирались вперед. Улица была изрыта ухабами и во многих местах завалена камнями.

Они проехали мимо шумных трактиров, мимо большого, ярко освещенного плоского дома с вывеской «Последний самородок» и достигли последней черты города. Острый взгляд Келса впивался в каждого встречного всадника. Он жаждал встретить своих бандитов. На обратном пути они остановились возле «Последнего самородка», и Келс сказал:

– Джим, стереги Жанну пуше глаз своих. Для меня она дороже всего золота, всего Олдер-Крика.

Уцепившись с одной стороны за Клэва, Жанна, как испуганный ребенок, просунула другую руку в руку Келса. Это непосредственное движение тронуло его.

– Все будет хорошо, не бойтесь ничего, – прошептал он с нежностью.

Вначале Жанна увидела только одно громадное помещение, полное дыму, шума и людей. Келс медленно продвигался вперед. В зале стояла отчаянная вонь, от которой Жанну чуть не стошнило. То была сплошная завеса табачного дыма, пропитанная запахом рома, мокрой парусины и коптившего керосина. Шум стоял такой, что можно было легко оглохнуть. Пьяные мужчины, бессмысленно гогоча, стучали и шаркали сапогами и ревели от какого-то непонятого удовольствия. В соседней комнате танцевали. Кругом теснилась

толпа. Тут же кричала и волновалась толпа игроков. Тесно усевшись на опрокинутых бочках вокруг ящика, служившего столом, они потряхивали грязными мешками, набитыми золотом. Жанна увидела молоденьких юношей, разгорячившихся, осунувшихся и уже зараженных безумием азарта.

Внезапно она почувствовала, как Келс сильно вздрогнул. Поискав глазами причину, она заметила знакомые темные лица. Повернувшись к ней широченной спиной, сидел Гюльден. Несмотря на запрещение Келса, бандиты все-таки собрались в одну компанию. Некоторые из них были сильно пьяны, но, заметив Келса, не показали и виду, что узнали его.

Однажды Бликки и Биди Джонс прошли близко один от другого, но как два совершенно незнакомых, чужих человека. Затем Жанна увидела Чика Вильямса под руку с Бирдом, расхаживавших взад и вперед с видом подружившихся золотоискателей.

Постепенно выяснилось, что вся банда Келса до единого человека собралась в Олдер-Крике.

– Сведите меня туда, – попросила Жанна, указывая на танцевальный зал. Келс послушно повел ее в менее заполненную зрителями залу. Неожиданно перед глазами Жанны запрыгали, завертелись и задрогались пары обезумевших людей. Танец их имел какое-то весьма отдаленное сходство с вальсом. Музыка почти пропадала в царящем гвалте. Вид танцевавших женщин мгновенно приковал внимание Жанны. Подобных жестов и взглядов она еще никогда не види-

вала. Однако все это подействовало на нее, как нечто возмутительное, мерзкое и отвратное.

– Выйдемте отсюда, – попросила она, и Келс тотчас же послушно выполнил ее желание. Пройдя через громадный зал, служивший столовой, они вышли на оживленную улицу и направились обратно домой.

– Теперь вы достаточно видели, – сказал Келс, – но это пустяки по сравнению с тем, что будет впереди. Это лагерь еще молодой и очень богатый. Золото здесь дешевле всего остального. Оно течет из рук в руки по десяти долларов за унцию. Покупающие его совершенно не следят за весами. Игроки – первейшие шулеры в мире.

На следующий день Жанна встала очень поздно. Ее разбудил грохот сваливаемых бревен. С лесопилки лошади тянули громадные стволы спиленных деревьев и груды досок. Остов блокгауза был уже готов. Джим работал заодно со всеми. Жанна выбрала себе удобное и незаметное местечко между скалами и наблюдала за кипевшей работой.

Келс работал вместе со всеми и, видимо, хорошо знал это дело. Около полудня была готова дощатая крыша. После обеда приступили к обшивке стен. Вскоре после этого прибыла фура с целым запасом всевозможных покупок, заказанных Келсом. Помогая разгружать телегу, Келс рылся и искал чего-то. Найдя наконец то, что ему было нужно, он подошел к Жанне и положил к ее ногам целую грудку больших и маленьких пакетов.

– Вот вам, мадемуазель скромница, – сказал он. – Сделайте себе новые платья. Пока можете костюм Денди Дейлса забросить в угол, кроме тех дней, когда нам придется ездить... Кстати, меня теперь зовут Блайт, и если кто начнет расспрашивать, то вы моя дочь.

Всю вторую половину дня, часть вечера и весь следующий день Жанна так усердно занималась шитьем, что даже глаз не поднимала от работы. Наконец платье было готово, и она с гордостью облачилась в него. Кроме умения шить, эта девушка обладала хорошим вкусом. Из всех мужчин Бейд Вуд проявлял наибольший интерес к ее работе и даже дал пригореть обеду из-за этого.

В тот же вечер был готов и грубый блокгауз. Он представлял собой одно большое длинное помещение с маленькой пристройкой позади, предназначенной для Жанны. Грубая дощатая дверь с замком, широкая скамья, устланная несколькими одеялами, и небольшая четырехугольная дырка в стене, выполнявшая роль окна, – вот в чем заключалось устройство обиталища Жанны. Своими собственными безделушками и некоторыми предметами, купленными для нее Келсом, Жанна быстро сумела придать своему уголку более уютный вид. Увидев окошечко, девушка тотчас же подумала, что Джим может незаметно приходить сюда и беседовать с нею.

Келс с внушительным видом объявил Жанне, что по собственной инициативе она ни в коем случае не смеет выхо-

дить из хижины. На это Жанна ответила ему, что теперь она хочет снять с себя данное ему в Кэбин-Галче обещание не делать попыток к бегству. Ей так горячо хотелось быть честной по отношению к Келсу. Выслушивая ее слова, он мрачно уставился на нее.

– Не делайте этого, вам худо придется, – сказал он. – Вряд ли Гульден посмотрит на вас, как на икону. Не забывайте его метода: пещера и веревка!

Инстинктивно или же с сознательной жестокостью, но он выбрал самое подходящее, чтобы заставить Жанну содрогнуться от ужаса.

Глава XIV

На своем новом месте Жанна могла так же успешно следить за Келсом и его людьми, как она проделывала это в Кэбин-Галче. Однако насколько Келс был раньше непосредственен, настолько теперь он сделался осторожным и скрытным. По ночам к нему то по одному, то по двое приходили бандиты и о чем-то тихо сговаривались. Из всех этих разговоров Жанне удавалось разобрать только некоторые отрывки, но и этого было вполне достаточно, чтобы понять, что Келс во что бы то ни стало стремится обратить на себя всеобщее внимание. Олдер-Крик должен почувствовать, что его посетил крупный человек. Такое желание Жанна считала страшнейшим безрассудством со стороны Келса. Этот бандит был великолепен в своей отваге. Несмотря на свое отвращение к его жутким и преступным намерениям, Жанна сильно интересовалась его дальнейшей судьбой.

На следующий день она напрасно выжидала удобный момент, чтобы попросить Джима с наступлением темноты прийти к ее маленькому окошечку. К великому удовольствию Бейда Вуда и Рыжего Пирса, Жанна носила сшитое ею платье. Вуд одобрительно кивал головой, а Пирс заявил, что теперь она снова стала дамой. Эти два бандита так же сильно интересовались судьбой Жанны, как она – дальнейшей участью Келса. Жанну поражало, что мошенник Пирс все чаще

и чаще отпускал злобные словечки по адресу Келса. Это казалось ей еще более странным потому, что Пирс говорил совершенно искренне.

Когда Джим впервые увидел Жанну в новом платье, он так обрадовался, что в страхе, как бы он не выдал себя, она убежала от него.

Вскоре после этого Келс позвал ее. Его лицо выглядело как обычно: хмуро и сосредоточенно. Когда она вошла, Рыжий Пирс и Джесси Смит стояли возле него с солдатской выправкой, Джим Клэв сидел на пороге, а Вуд стоял, прислонившись к стене.

– Нет ли в тех вещах, которые я вам купил, какого-нибудь шарфа? – спросил Келс.

– Есть, – ответила она.

– Принесите его, – приказал он. – Захватите с собой и шляпу. Жанна вернулась, неся оба названных предмета. Шляпа была та же самая, в которой она покинула Хоудли.

– Вот и отлично! Наденьте шляпу и повяжите шарф на лицо. Так! Теперь покажите.

Жанна выполнила все, недоумевая, чего он хочет от нее.

– Я хочу замаскировать вас, но так, чтобы не скрыть ни вашей молодости, ни вашего прелестного лица, – сказал он и несколько изменил заложенные Жанной складки шарфа. – Так! Теперь вы заинтригуете любого мужчину... Наденьте шляпу.

Жанна повиновалась.

Голос Келса зазвучал властно и требовательно.

– Сейчас вы отправитесь в городок. Идите совсем медленно, вплоть до «Последнего самородка». Пересеките улицу и возвращайтесь обратно. Каждому мужчине, которого вы повстречаете, смотрите прямо в лицо. Абсолютно ничего не бойтесь. Пирс и Смит будут совсем близко от вас. В случае чего они тотчас же подбегут к вам. Вы поняли меня?

– Да, – ответила Жанна.

Рыжий Пирс беспокойно замотал головой.

– Джек, – сказал он, – как бы ей не пришлось наслушаться миленьких словечек.

– Будешь ты, наконец, держать язык за зубами! – воскликнул Келс. – Я думал об этом. Она ничего не будет слышать. Эй, Жанна! – окликнул он девушку, – возьмите немного шерсти или еще чего-нибудь в этом роде и заткните себе уши.

Сделав требуемое, Жанна снова вернулась к бандитам. Келс обратился к ней с какими-то словами, но, слыша его глухой голос, она совершенно не различила слов. Она покачала головой, давая понять, что не понимает его. Повелительным движением руки Келс отослал ее на эту странную прогулку.

Дойдя до первых палаток, Жанна не удержалась и оглянулась. Пирс находился от нее в каких-нибудь двадцати шагах, и почти на таком же расстоянии от него шел Джесси Смит. Жанна догадалась, что Келс хотел обратить внимание всех

живущих в лагере мужчин на нее, но для какой цели это ему понадобилось, она еще не знала. Внезапно какой-то мексиканец обратился к ней, что-то быстро тараторя; он показывал ослепительно-белые зубы и поблескивал своими черными, колючими глазами. Совсем молоденькие золотоискатели несколько раз заговаривали с ней. Идя по дощатой панели, Жанна встретила со многими мужчинами; большинство из них ни разу не взглянуло на нее. Однако когда она подошла к кабакам, то два злобного вида головореза прицепились к ней. Жанна прибавила ходу. Но это очень мало помогло ей. Чем быстрее она шла, тем нахальнее становились увязавшиеся за ней молодцы. Неужели Келс нарочно хотел подвергнуть ее подобному испытанию?

Слов их она не понимала, но взгляды этих навязчивых кавалеров ни с какой стороны не могли польстить девушке. Жанну охватило жгучее желание броситься бежать, но она принудила себя к размеренному шагу. Один из молодцов упорно шел около нее. Жанна поняла, что он хочет познакомиться с ней, и решила хорошенько отчитать Келса за эту проделку.

Дойдя до «Последнего самородка», она перешла на другую сторону улицы и повернула обратно. Возле этого игорного притона стояли группы мужчин; в дверях царило большое оживление. Внезапно от толпы отделился высокого роста мужчина, весь в черном, и быстро зашагал к ней, словно желая преградить ей дорогу. У него были маленькие жесто-

кие глазки, такие же черные, как и его платье; он носил перчатки и в сравнении со всеми остальными выглядел опрятным и холеным. Он тоже что-то сказал Жанне и пошел рядом с ней. Испуганная девушка продолжала быстро идти вперед. Он упорно не отставал от нее, и его губы беспрерывно двигались. Жанна слышала отдаленный звук его голоса. Внезапно он взял ее за руку очень бережно. Но Жанна резко вырвалась от него и пошла еще быстрее.

– Эй, вы там! Оставьте девушку в покое!

Вероятно, эти слова были очень громкими, ибо Жанна услышала их совершенно отчетливо. Она узнала голос Рыжего Пирса и тотчас же, полная любопытства, оглянулась. Пирс тем временем догнал игрока в черном; спустя немного к ним подошли еще некоторые из мужчин. Жанна невольно остановилась. По жестам игрока она видела, что он всячески старался извиниться перед Пирсом за свое поведение. Однако Пирс метал гневные взгляды.

– Вот погодите, я скажу самому про ваши проделки! – крикнул он.

Жанна не стала больше слушать их. Она бросилась к дому почти бегом.

Жанна искренне обозлилась. Келс не смеет пользоваться ею для своих мерзких планов! Она быстро шагала вперед, и когда хижина показалась вдали, то с удивлением заметила, что Рыжий Пирс и Джесси Смит уже почти догнали ее. Джим Клэв по-прежнему сидел на пороге. Келс вышел на улицу.

По его походке Жанна заметила, что он сильно взволнован. Вынув из ушей кусочки шерсти, она бегом пустилась к блокау и, запыхавшись, остановилась перед Келсом.

– Вы ничего лучшего не смогли придумать? – гневно крикнула она. Яркая и жгучая краска залила ее щеки. – Если бы я только догадалась, чего вы добиваетесь, то вы... не заставили бы меня пойти на это. Послать меня с такой возмутительной целью!.. Вы не джентльмен!

Жанна прекрасно сознавала, что ее злобная маленькая речь, и особенно последние слова, были просто смешны. Однако на Келса они произвели сильное впечатление. Его лицо по-настоящему залилось краской стыда. Он начал бормотать что-то, но, не найдя точного объяснения, беспомощно умолк. Жанна презрительно обошла его и направилась в свою комнату. Она слышала, как Келс с целым потоком проклятий обрушился на голову Пирса, целиком обвиняя его в рассердивших ее столкновениях.

– Да ведь ты же сам хотел, чтобы ее кто-нибудь оскорбил! – горячо запротестовал Пирс.

– Ах, ты осел! – гаркнул Келс. – Я хотел, чтобы какой-нибудь парень лишь настолько приблизился бы к ней, чтобы я мог поклясться, что он оскорбил ее. Ты же дал ей расхаживать там до тех пор, пока ее в самом деле не оскорбили... Ах, Пирс, Пирс! У меня так и чешутся руки от желания пристрелить тебя!

– Тебе бы только стрелять! – огрызнулся Пирс. – Я выпол-

нил твои приказания так, как я их понял... Но, кроме этого, я должен еще сказать тебе, что ты делаешься совершенно сумасшедшим, когда дело касается этой девчонки. Хочешь слушай, хочешь нет. Я всегда думал, что в конце концов из-за нее ты разругаешься со всеми нами, и теперь еще раз повторяю тебе это.

Сквозь свою дверь Жанна мельком видела, как Клэв быстро встал между обоими разгневанными мужчинами. Однако резких слов Пирса было вполне достаточно, чтобы вернуть Келсу его обычное равновесие. Обменявшись еще несколькими словами, они в сопровождении Джесси Смита отправились в лагерь. Жанна тоже вышла из своей комнаты и подошла к двери блокгауза. Бейд Вуд сидел перед домом и курил трубку.

– Ну и сыграли же с вами штуку, мисс, – сказал он, с участием обращаясь к Жанне.

– Для чего это ему понадобилось? – спросила Жанна.

– А! Келсу просто нужен повод для громкого скандала, – ответил Вуд.

– Скандала?

– Ну, конечно, – сухо ответил Вуд.

– Но для чего же?

– А для того, чтобы занять видное место, – прозвучал уклончивый ответ. – Рыжий Пирс попал прямо в точку: из-за вас Келс разругается с нами.

– Что вы хотите этим сказать?

– А то, что Келс пойдет налево, а банда направо.

– Почему? Почему?

– Ах, мисс, есть тысяча причин для этого, – медленно произнес Вуд. – Во-первых, он уложил Билла и Галлоуэя вовсе не потому, что те плохо обошлись с вами. Все мы отлично знаем, что вы прострелили ему спину и что вы не жена ему. С тех пор мы замечаем, как он все больше и больше нервничает. Организуя свой легион, он всей душой держится только за вас. Он убьет всякого, кто только лишний раз взглянет на вас... И вот благодаря этому, он перестал быть прежним Келсом и постоянно расходится со своей бандой. Рано или поздно, но наши дороги разойдутся.

– Скажите, есть у меня истинные друзья среди вас? – спросила Жанна.

– Само собой.

– А вы, Вуд, друг вы мне или нет? – продолжала Жанна с очаровательной медлительностью.

Седоволосый бандит вынул изо рта трубку и, блеснув своими налитыми кровью глазами, пристально уставился на Жанну.

– Конечно, мисс! Мигните мне только, и я выкраду вас из этого дома, прикончу Келса, все что захотите! Одно только словечко!

– О, нет, нет! Бежать я боюсь, и совершенно не требуется, чтобы вы причинили какое-нибудь зло Келсу. В конце концов, он ведь прекрасно обращается со мной.

– Прекрасно!.. А кто держит вас в плену, словно индеец, и велит мне сторожить и запирать вас?..

Возмущение Вуда казалось очень естественным. Однако Жанна отлично сознавала, что не смеет доверять ему так же, как Пирсу и вообще всем остальным бандитам. Их примитивные чувства разом бы изменились, попади она к ним в руки. Но несмотря на это, Жанна все-таки решила извлечь какую-нибудь пользу из дружеского расположения Вуда.

– Итак, я нахожусь под строгим наблюдением? – спросила она.

– Очевидно.

– И не смею ни с кем разговаривать?

– Ба! На то я здесь, если вам угодно. Правда, это не совсем то, чего вам хочется. Но я могу рассказать вам кучу прехорошеньких историй. А когда Келса нет поблизости и вы увидите, что меня не накроют за это, то можете делать все, что взбредет вам в голову.

– Спасибо, Бейд. Вы мне очень нравитесь, – искренне заметила Жанна и после этого вернулась обратно в свою комнату. Ее ждало шитье. Когда совсем стемнело, она отложила работу и встала к своему маленькому окошечку, следя глазами за закатом солнца.

Внезапно в конце тропинки Жанна заметила сидящую мужскую фигуру. Вглядевшись пристальнее, она узнала Джима. Он тоже смотрел на нее. Убедившись, что никого поблизости нет, Жанна просунула руку и помахала ему.

Джим осторожно показал, что заметил ее приветствие; спустя мгновение он встал и удалился. Для Жанны этого было вполне достаточно. Сегодня ночью они встретятся. Жанна почувствовала, как по ее телу прокатилась горячая волна восхищения. Таинственность и опасность такой встречи придавали ей в то же время особую сладость, глубокое наслаждение и трепетность.

Вскоре Бейд Вуд позвал ее к ужину. Пирс, Смит и Клэв тоже подсади к столу; Келс выглядел болезненно. Его лицо было бледно и влажно; какие-то тени лежали на нем, точно под его белой кожей находилось что-то темное. Жанна еще никогда не видела его таким. Он показался ей отталкивающим. Пирс и Смит держались вполне естественно: они много ели и охотно болтали о золотиносных полях.

Снаружи царил глубокая темень. Жанна прилегла, чтобы прислушиваться и ждать. Наконец мужчины покинули блокгауз. Спустя немного Бейд Вуд загремел своими горшками и сковородками. Он очень любил готовить, но мытье посуды ненавидел от всей души. Справившись со своим делом, он вышел на улицу, сел у порога и закурил трубку. Наступила глубокая тишина. Жанна поднялась с постели и подошла к окошечку.

Ей не пришлось долго дожидаться. Мягкие, почти неслышные шаги заставили биться ее сердце сильнее. Она высунула голову, и в тот же миг перед окошечком выросла темная фигура.

– Жанна! – прошептал Джим.

– Джим! – радостно воскликнула она.

Ее рука ощупью нашла его и по плечу скользнула к его шее. Его лицо выделилось из темноты, и губы их соединились. Жанна закрыла глаза. О, сколько надежды и силы черпала она в этом поцелуе!

– Джим! Я так рада, что ты, наконец, возле меня и я могу чувствовать тебя, – прошептала она.

– Ты меня еще любишь? – шепотом спросил он.

– Еще! Я люблю тебя все больше и больше.

– Тогда скажи мне это.

– Джим, мой единственный, я люблю тебя.

И снова их губы замирали в долгом поцелуе. И он не первый прерывал его.

– Ах, любимая моя, почему ты тогда не послушалась меня и мы поехали в этот лагерь.

– Но ведь я же тебе говорила почему. Я боюсь бежать. Нас обязательно бы поймали. И Гульден...

– Но здесь и вполовину нет той возможности, какая была там. Келс поручил строго сторожить тебя. Он очень переменялся, стал хитрым и черствым. Всем же остальным золотоискателям здесь, в Олдер-Крике, я еще меньше доверяю, чем какому-нибудь Вуду или Пирсу. Все охвачены безумием золотой горячки. Ведь этот лагерь вырос в одну ночь. Мне кажется, когда найдут большие залежи, то люди уподобятся койотам, дерущимся из-за падали.

– Ах, Джим, я так же боюсь будущего, как и ты. Но мы убежим отсюда. Узнай наверняка, где мы находимся, далеко ли отсюда до Хоудли. Может быть, с кем-нибудь можно познакомиться в этом лагере?

– Подружиться? Вряд ли после того, что произошло сегодня, – шепнул он.

– А что такое? Расскажи, – быстро спросила Жанна.

– Неужели ты еще не догадалась, для чего Келс посылал тебя сегодня в лагерь?

– Нет.

– Ну так слушай. Я отправился вместе с Келсом, Пирсом и Смитом. Они двинулись прямо к «Последнему самородку». Перед входом толпился народ. Пирс подошел к одному из мужчин, судя по одежде, игроку, и громко заявил: «Вот этот»... Игрок сильно вздрогнул, побледнел и схватился за револьвер. Но Келс опередил его... Он был мертв прежде, чем успел издать хоть один звук. Сначала окружающие подняли страшный шум, затем настала мертвая тишина. Келс продолжал держать в руке дымящийся револьвер. Еще никогда не видел я его таким холодным и повелительным. Затем он повернулся к толпе и сказал: «Этот человек оскорбил мою дочь. Мои люди видели это. Меня зовут Блайт. Я явился сюда для того, чтобы скупить некоторые золотиносные участки. И теперь я заявляю вам: в Олдер-Крике есть золото, но нет порядка. Необходимо, чтобы выборные как следует взялись за это и впредь всякая девушка могла бы свободно хо-

дить по здешним улицам». Здорово, Жанна, а? На окружающих вся эта сцена произвела колоссальное впечатление. Когда Келс уходил, они громкими криками восхваляли его. Он хотел произвести впечатление энергичного и значительного человека и добился этого. В толпе не было ни одной рожи, которая не глядела бы на него с явным почтением. Я даже видел, как некоторые из них пинали ногами мертвого игрока!

– Джим! – шепнула Жанна. – Неужели он только для этого и убил его?

– Только для этого, эдакий кровожадный дьявол.

– О, значит, это было хладнокровнейшее убийство!

– Нет, шансы обоих были равны. Келс дал игроку вытащить свой револьвер. В этом отношении я должен защитить Келса.

– Все равно. Я почти забыла, какое он чудовище.

– О, его цели видны как на ладони. Олдер-Крик не ввел еще обычаев бессмысленного кровопролития. Весть о такой расправе молниеносно распространится повсюду, и внимание всех обратится на этого скупщика участков, Блайта. Его поступок подействовал на народ, как поступок честного человека, защищавшего свою дочь. Он завоевал всеобщее сочувствие. И, кроме того, он говорил тоном богатого человека. Очень скоро на него начнут смотреть, как на влиятельную величину. А в это время он начнет грабить лагерь, и никому в голову не придет заподозрить его. Его замысел так же

грандиозен, как и он сам.

– Джим, а что если мы раскроем все эти преступления? – задрожав, шепнула Жанна.

– Я уже думал об этом. Но скажи сама, кому мы можем сообщить об этом? Меня сочтут за бандита, ты находишься у Келса. Ах, мне кажется, мы никогда не выберемся отсюда живыми. Эта мысль беспрестанно терзает меня.

– Джим, теперь ты будешь приходить ко мне каждую ночь... не правда ли?

Вместо ответа он начал целовать ее.

– А что ты начнешь теперь делать? – со страхом спросила она.

– Я буду добывать золото. Я говорил об этом с Келсом, и он одобрил меня. Он сообщил мне, что часть его плана с обязательной работой для каждого бандита не пришлась по вкусу его людям. Откапывать золото – вовсе не легкая работа, гораздо легче красть его. Но я начну копать, хотя бы для этого мне пришлось прорыть целую гору. То-то будет потеха, если я наткнусь на богатую золотую жилу.

– Джим, никак тебя уже схватила золотая горячка?

– Жанна, а если я в самом деле найду много золота, тогда... ты... выйдешь за меня замуж?

Нежность, страх и тоска, прозвучавшие в голосе Клэва, яснее всего показали Жанне, как робко он надеялся и любил ее.

В темноте глядя его по щекам, она всем сердцем стреми-

лась исправить и загладить те страдания, которые причинила ему. Она чувствовала его отвагу, такую сладостную и увлекательную для нее.

– Мой Джим! – шепнула она. – Я выйду за тебя, безразлично, найдешь ты золото или нет.

И снова чудный сладостный миг. Затем Клэв вырвался, а Жанна прислонилась к окну, следя за его тающей тенью.

С этого дня Жанна больше не выходила из маленькой комнатки. Келс по-прежнему был на ногах до глубокой ночи и вставал только среди дня. Посещать Жанну каждый день в обеденный час сделалось для него привычкой. Входя к ней, он выглядел мрачным и усталым, уходил же всегда более спокойный и ровный. Он никогда ни слова не говорил с Жанной об Олдер-Крике, о своем легионе или же о золоте. Всегда начиная с вопроса о ее самочувствии, он осведомлялся, не хочет ли она чего-нибудь, что он может принести ей. В его отсутствие Жанна всегда испытывала к нему странное отращение, но стоило ему появиться, как это чувство совершенно исчезало. Сознавая свое громадное влияние, она всегда держалась с ним по-товарищески весело и приветливо. Под влиянием ее живительной и чарующей близости он постепенно оттаивал и становился совершенно иным человеком; жесткая мрачность и напряженность бесследно исчезали с его лица. С глубокой искренностью в голосе он признавался Жанне, что мгновенный луч истинной любви, показанной ею ему в Кэбин-Галче, совершенно изменил его от-

ношение к ней. Еще ни одна женщина так не целовала его, как она. Этот поцелуй преследует его днем и ночью. Если он не добьется от Жанны таких свободных, добровольных поцелуев, то совсем откажется от нее. Никогда в жизни больше его уста не поцелуют какую-нибудь другую женщину. И в страшной тоске, мрачный, жаждущий человеческого отношения, он молил ее о любви. Жанна могла только печально покачивать головой. Она говорила ему, что жалеет его, что чем больше верит его любви, тем больше надеется, что он выпустит ее из своего плена. Однако в этих случаях он начинал страстно протестовать и говорить, что держит ее здесь как свою драгоценность; возле нее он может жить постоянной надеждой, что в один прекрасный день она полюбит его. Нередко, говорил он, случалось, что женщины начинали любить своих заточителей.

Но каждый вечер с наступлением темноты главная хижина становилась местом таинственных сборищ и совещаний. Когда все уходило, Келс зажигал фонари. Нередко он доставал маленькие кожаные мешочки, наполненные золотым песком, и прятал их под половицу. Затем, мягко ступая, принимался расхаживать взад и вперед, словно тигр в клетке. С появлением Бейда Вуда, Пирса и Смита его настроение изменялось. Они дружелюбно играли в карты, и из их разговоров Жанна узнала, что Келс часто играл с богатыми золотоискателями и игроками, жившими в лагере, но, назначая большие ставки, страшно проигрывал. Иногда же ему уда-

валось выиграть какой-нибудь пустяк, и тогда он раздражался торжествующим хриплым воплем и, высмеивая Смита и Пирса, пускался рассказывать им, как он хитро сыграл на этот раз.

Джим Клэв нашел себе надежный ночлег в углу большого скалистого выступа. Выбрав наугад никем еще не использованную полосу земли, он начал свои раскопки. В первый же день он наткнулся на золото. Келс тотчас же скупил возле него несколько сажений и заставил своих людей работать там. Все они находили золотоносную глину, но только одному Джиму улыбнулось счастье. Келс распространил эту новость, и тотчас же в ту часть ущелья кинулся целый поток золотоискателей. Каждую ночь виделась Жанна с Джимом, и эти часы становились с каждым разом все сладостнее и горячее. Постепенно и Джима захватила золотая лихорадка.

Однажды ночью он пришел к ней, и едва их руки соприкоснулись, как Жанна догадалась, что Джим сильно взволнован.

– Жанна! – прошептал он, торопливо прижимаясь губами к ее уху. – Я только что оказал большую услугу Келсу. Какое счастье!

– Расскажи, – шепнула Жанна и еще ближе наклонилась к нему.

– Это было сегодня вечером в «Последнем самородке». Келс играл как обычно с игроком, которого все называют Флешем. Он выгреб у Келса уйму золота, это первейший жу-

лик. Я сидел рядом и видел все. Келс проигрывал отчаянным образом, но великолепно владел собой. Как вдруг он поймал Флеша и злобно закричал на него. Все кругом ждали, что Келс вот-вот вытащит свой револьвер. Но нет! Прямо поразительно, до чего игра захватывает его. Швырнув Флешу свирепое проклятье, он только приказал ему вести себя прилично. А как тебе известно, такое предупреждение для прославившегося игрока хуже самой смерти. Ну вот тот и вытащил свою погремушку. Для Келса выхода уже не было. Но Флеш, чувствуя свое превосходство, начал еще разглагольствовать. Это-то и было его ошибкой. Я подскочил, вышиб револьвер у него из рук и как следует хватил его... он так и не поднялся... Келс же созвал людей, показал им лежащие на столе карты и совершенно хладнокровно еще раз обозвал Флеша жуликом. Затем он обратился ко мне, я никогда не забуду, как он выглядел: «Дружище, этот Флеш хотел сейчас прикончить меня. Я совершенно забыл о моем револьвере, понимаешь?.. В следующий раз, когда мы встретимся, я застрелю его... Но если я обязан кому-нибудь жизнью, то я никогда не забываю этого».

– А ты был вполне прав? – спросила Жанна.

– Конечно! Флеш шулер. Уж лучше быть бандитом.

– Но Флеш начнет выслеживать тебя, – боязливо заметила Жанна.

– Вероятно! И если он найдет меня, пусть не медлит. Но не беспокойся, Келс либо выгонит его вон из лагеря, либо

убьет его.

Следующей ночью Клэв рассказал Жанне о таинственных проделках «Пограничного легиона». Это название сделалось известным, никто не знал, каким образом, и с тех пор Олдер-Крик не знал покоя. Накрыть разбойников было совершенно невозможно, тем более, что все обворованные безжалостно убивались. Страшный легион работал медленно и скрытно. Маленькими кражами он не занимался. Он всегда имел самые точные сведения о каждой лишней унции золотого песка. Двоих золотоискателей, отправившихся по дороге в Баннек, нашли совершенно изрешеченными. Золотоискатель по имени Блэк, не желавший доверить свое золото спешной почте и, несмотря на советы друзей, все-таки покинувший Олдер-Крик, исчез бесследно; больше о нем никто никогда ничего не слышал. Четверо других были убиты и ограблены в собственных хижинах. Еще одного нашли мертвым в постели.

В Олдер-Крике настали жуткие, кровавые дни. Днем неизвестные разбойники выведывали, у кого из золотоискателей есть золото, а по ночам убивали их. Люди начали подозревать друг друга, следили, шпионили, проводили все ночи почти без сна. Однако разбой продолжался. Каждые два дня что-нибудь случалось, и каждый раз не оставалось ни малейшего следа. Мертвые не болтают, как говорит Гульден.

Но несмотря на эти ужасы, население Олдер-Крика возрастало с каждым днем. Не уменьшалась и его мрачная хро-

ника. Вместе с недоверием появился страх, а со страхом пришла ненависть. Эти чувства распалили ад в душах людей, уже и без того одичавших и испорченных. Жуткие проделки таинственного легиона тонули в кровопролитных играх, в кабаках и кровавых драках на улице, происходивших среди бела дня. Людей пристреливали и продолжали раздавать карты. Трупы вытаскивались, и по грубому полу тянулась широкая полоса крови, но танцы не прерывались ни на минуту. Охота за золотом принимала все более широкие формы. Почти ежедневно находили новые богатые залежи. Наступили дни, когда золото, кровь и спирт перемешались.

Однажды после обеда, лежа на своей постели, Жанна вдруг услышала топот тяжелых сапог и гул взволнованных мужских голосов. Встав, она выглянула в щелочку.

Внезапно в комнату Келса ворвался Рыжий Пирс; его глаза дико блуждали, и он отчаянно размахивал руками.

– Келс! Ты слышишь? – хрипло крикнул он.

– Тише ты! – спокойно ответил бандит. – Меня зовут Блайт... Что случилось?

– Джим Клэв нашел слиток, какого еще никто не видывал во всем Айдахо... В тридцать фунтов!..

Глаза Келса загорелись страстью.

– Bravo, Джим! – крикнул он звенящим голосом.

В эту минуту в хижину ввалилась целая толпа бандитов. При виде Гульдена сердце Жанны ущипнул знакомый холодок. Впервые видела она этого колосса не сонным и небез-

различным. Его громадные глаза сверкали. Вся толпа бандитов походила на стаю волков, приготовившуюся броситься на свою жертву.

– Где Джим сейчас? – спросил Келс.

– Он идет сюда, – ответил Пирс. – Его находка остановила всю работу. Новость полетела, словно дым по ветру. Каждому вдруг понадобилось взглянуть на этот слиток.

– Тридцать фунтов золота! Однажды я слышал о слитке, который весил шестьдесят, но самому мне не пришлось его увидеть, – воскликнул Келс.

В эту минуту на пороге появился Клэв; его глаза сияли подобно двум громадным бриллиантам. Вид его наполнил Жанну дрожью восхищения. В одной руке он держал револьвер, а в другой какой-то предмет, обернутый носовым платком. Этот предмет Джим бросил на стол. Раздался тяжелый, глухой удар. Концы платка распались, и глазам всех представился великолепный слиток золота, в некоторых местах покрытый ржавчиной и черными пятнами, в остальных же поблескивающий хмурой желтизной.

– Ну, хозяин, как тебе нравится эта безделица? – с радостным смехом воскликнул Джим. Он ликовал, как маленький мальчик.

– Черт возьми! – вскричал Келс, ощупывая и царапая слиток ногтями, как будто желая убедиться, золотой ли он на самом деле. Вдруг его волнение сменилось безумной, искренней радостью: – Джим! Дружище, тебе чертовски повезло! А

ты еще жаловался на свои неудачи в любви. Да с такой штучкой ты сможешь купить любую женщину!

– Найди мне ее! – задорно отозвался Джим.

Келс расхохотался.

– О, нет, я не знаю ни одной, которая бы стоила столько, – заметил он.

– Но что я теперь буду делать с ним? – спросил Клэв.

– Ах ты, глупыш! Да то, что ты делал с золотым песком, ведь у тебя его немало.

– Проиграл... потерял... одолжил... раздал и... немножко припрятал.

– Вероятно, ты точно так же поступишь и с этим слитком. Ты ведь отличный парень, Джим.

– Но ведь тут уйма денег. Около семнадцати тысяч долларов!

– Ты справишься и с целым миллионом без чужих советов... Расскажи лучше, как ты наткнулся на эту находку?

– Несколько дней я совершенно бесполезно копался на своем участке, – начал Джим. – Работа была тяжелая. Мое место, по-видимому, было когда-то речным дном, сплошь усыпанным камнями. Эта дыра не выходила из моей головы. Когда спину начинало ломить и я уже не мог разогнуться, я оставлял ее, но, немного отдохнув, снова возвращался к ней. Тысячу раз повторял я себе, что в этой проклятой дыре нет ни крупинки золота, но я все-таки как дурак бежал туда и копал, копал до изнеможения. И вот сегодня моя лопата

наткнулась на что-то; нагнувшись ближе, я увидел золотой блеск... Жаль, вы не видели, как я выскреб этот слиток. Я так громко завыл от радости, что все сбежались. Остальное было сплошным триумфом... А теперь это богатство мучает меня. Что я буду с ним делать?

– Ба! Отправляйся обратно в Монтану и как следует позли ту глупую девчонку, – посоветовал один из слышавших придуманную Клэвом историю.

– Выкопать или украсть – одно и то же! – проворчал Гульден.

Келс разом весь побелел от злости. Клэв бросил на гиганта хитрый взгляд.

– Я точно того же мнения, – объявил Клэв. – Мы поступим так, как улаивались.

– Нет, черт возьми! – вскричал Келс. – Ты откопал это золото, и оно принадлежит только тебе.

– Тогда давай рассудим так, хозяин: четвертую часть тебе и столько же мне, а остальное разделим между бандой.

– Нет! – резко крикнул Келс.

– Джим, дружище, таких товарищей, как ты, я еще не видывал, – удивленно промолвил Пирс. – Я отказываюсь от своей доли.

– И я тоже, – заметил Джесси Смит.

– И я с вами заодно, – сказал Чик Вильямс.

– Джим, даже если мне придется подохнуть от тоски по водке, то и тогда бы я отказался от такой сделки, – с благо-

родным презрением добавил Бликки.

Окружающие жестами и словами выразили свой отказ. Вся эта сцена ясно доказала, что даже среди разбойников имеется понятие о чести. Однако Гульден и его приверженцы не проявили ни малейшего желания изменить свои взгляды.

– Поровну разделить между всеми, вот мое мнение, – свирепо буркнул он, вперив в слиток свои огромные глазища.

С мягкостью кошки Келс прыгнул к столу и изо всех сил хватил кулаком по его краю.

– А! Гульден, ты зашел слишком далеко, – злобно прошипел он. – И теперь ты заплатишься за это... Ни одной крупинки не получишь ты из этого слитка... Джим работал как собака. И пусть он выгребет еще целый миллион слитков, то и тогда я позабочусь, чтобы они достались только ему одному. Вы, подлые лентяи, не подозреваете, какую услугу оказал он нам. Нашей опасной игре он помог больше, чем вы и даже я. Его честная работа дала мне возможность легко сыграть роль честного человека. Все уверены, что он помолвлен с моей дочерью, и таким образом создано мое настоящее положение. Попробуй-ка ты теперь отправиться в лагерь и поклясться, что Блайт не кто иной, как Джек Келс. Попробуй, и потом расскажи нам, что с тобой случилось после этого... Баста теперь, слышали? В этой игре только один я раздаю карты...

Запугать Гульдена Келсу не удалось, ибо чувство страха

совершенно отсутствовало у этого колосса, но силой своего ума Келсу нередко удавалось укротить его.

Хмуро и свирепо Гульден двинулся к двери, и вся его сволочная команда, своим молчанием доказавшая ему верность, поплелась следом.

– Разрыв готов! – объявил Рыжий Пирс.

– А как бы ты поступил на моем месте? – рывкнул Келс.

– Джек, не ори, я согласен с тобой. Ты поступил честно. Я могу желать только того, чтобы ты и со мной так же поступил... но вот зачем ты втянул в игру девушку...

Страстный, угрожающий жест Келса заставил его умолкнуть.

– Джим, – серьезно сказал Келс. – Послушай меня и спрячь свой слиток. Не вздумай послать его в Баннек, он никогда не дойдет туда... И еще – перемени место своего ночлега.

– Спасибо за совет, – весело ответил Клэв.

Спустя несколько часов Жанна стала ожидать Джима. Ночь была настолько тиха, что она отчетливо слышала плеск измельчавшей реки.

Внезапно темная фигура вынырнула из глубины ночи и горячая рука схватила руку девушки.

– Жанна! Жанна! Теперь я богат. Слышишь, богат! – страстно зашептал Джим.

– Шшш! – нежно остановила его Жанна. – Будь осторожен. Ты сегодня совсем лишился рассудка... я видела, как ты

прибежал с золотом в руках, и все слышала... О, мой счастливый Джим! Хочешь, я скажу тебе, что сделать с этим золотом?

– Любимая моя! Оно принадлежит только тебе одной. А теперь ты выйдешь за меня замуж?

– Послушайте, мистер. Неужели вы считаете меня какой-то охотницей за золотом? Я должна выйти за тебя потому, что у тебя есть золото? Ни за что.

– Жанна!

– Я сказала, нет.

– Я не хочу сейчас уезжать отсюда. Я буду работать, работать и работать.

И как Жанна ни старалась заставить его вести себя осторожнее, он не слушал ее. Надежда на новые находки лишила его самообладания и пробудила в нем дух противоречия; он сделался требовательным и нелогичным. Жанна с ужасом заметила, что яд золота уже вьелся в его кровь. Слушая его взволнованную речь и боясь, что их застанут, она ничем больше не смогла унять его, как только крепко целовать его в губы.

Глава XV

Много ночей подряд встречались они, и каждый раз Жанна только ласками смирляла порывистость своего возлюбленного. Однако при том душевном состоянии, в котором находился Джим, эти нежности были серьезной ошибкой с ее стороны. Сама того не замечая, Жанна бросила искру в пороховую бочку.

Однажды ночью, желая немного образумить его, она вдруг встретила в нем совершенно обезумевшего человека.

– Я вытащу тебя из этого проклятого окошка! – грубо крикнул он и, прижав свое пылающее лицо к ее лицу, попробовал привести свою угрозу в исполнение.

– Лучше разорви меня на куски! – с отчаянием ответила Жанна. – Ах, зачем я не могу умереть. Ты... ты... делаешь мне больно!

– Больно! – хриплым шепотом передразнил он ее. И вдруг его охватило раскаяние. Он начал просить у нее прощения; его голос звучал надломленно, умоляюще и хрипло. Его раскаяние так же, как и все другие чувства, были теперь преувеличены, неприятны и носили дикий отпечаток золотой горячки.

– Ты часто виделась с Келсом за эти дни? – неожиданно спросил он.

Уже давно со страхом ожидала она этого вопроса.

– Да, каждый день, – прошептала она. – Но ради Бога, Джим, не беспокойся. Келс ведет себя вполне прилично, по-товарищески. Не стоит говорить об этом, у нас с тобой так мало времени, чтобы побыть вдвоем.

– О! – воскликнул Клэв, задрожав всем телом. – Если бы ты только знала, какие приказания отдает Келс своей банде, ты бы... ты бы убила его спящего!

– Скажи мне, – попросила Жанна.

– Нет... А что Келс делает, когда каждый день приходит к тебе?

– Мы болтаем.

– О чем?

– О, обо всем, кроме того, для чего он поселился здесь. Он разговаривает со мной, чтобы хоть немного забыться.

– Он ухаживает за тобой?

Жанна молчала. Ну, что ей было делать с этим безнадежным, сумасшедшим Джимом?

– Отвечай! – Руки его так грубо схватили Жанну, что она даже пригнулась. Однако у нее еще хватило мужества, чтобы гневно ответить ему.

– Ухаживает ли? Ну, конечно!

– А-а! Я положу этому конец! – скрежеща зубами, промолвил Джим. Его глаза дико блестели в темноте.

– Ты не смеешь. Я принадлежу Келсу.

– Принадлежишь ему! По какому праву?

– По праву захвата. Сила является здесь правом. Ты сам

тысячу раз твердил мне об этом. Правда, Келс насильно увез меня, однако в эту минуту я являюсь его собственностью. Из всех мужчин, которых я встретила здесь, он менее всех заражен золотой лихорадкой. Правда, он посылает на страшные убийства свою банду и ради золота готов продать душу, чтобы тотчас же проиграть его... Но, несмотря на это, он гораздо мужественнее и благороднее, чем...

– Жанна! – сурово оборвал ее Джим. – Ты любишь этого бандита.

– Ты дурак! – разозлилась Жанна.

– Да, и мне это тоже кажется, – мрачно сказал он, выпуская ее из рук. Девушка испуганно уцепилась за его рукав.

– Джим, куда ты?

Он рванулся от нее. Жанна что было силы притянула к себе его руку.

– Куда... Куда ты, Джим?

– В дом.

– Зачем?

– Я должен убить Келса.

Обхватив его шею обеими руками, Жанна крепко прижалась головой к его груди. Она отчаянно искала выход из этого давно ожидаемого ею момента. Но что могла она сделать? Страшная власть золота была сильнее нее. Люди сделались воплощением злых страстей. Жажда обогащения раздирала их души. Женщины перестали быть людьми – их только желали и только из-за этого боролись за них.

Внезапно вспомнив о Гульдене, Жанна принялась по своей старой привычке уговаривать и умолять Джима. Но все было напрасно. Он упрямо клялся, что убьет всех, кто встанет ему поперек дороги. Он точно обезумел и не слушал ее, когда она рисовала ему все ужасы в случае его неудачи. Под конец он даже принялся высмеивать ее болезненный страх перед Гульденом.

– О, Джим. Ты надрываешь мне сердце. Что мне делать, что делать? – умоляюще шептала Жанна. Выпустив его из своих рук, она беспомощно поникла. Клэв молчал. Казалось, он совершенно не слышал ее рыданий. Внезапно он низко нагнулся над ней.

– Есть одна вещь, которую ты можешь сделать, и тогда я не убью Келса. Я буду слушаться тебя на слово.

– Что это такое? Скажи мне.

– Давай поженимся, – прошептал Клэв, и его голос задрожал.

– Пожениться! – пораженная, вскричала Жанна. Она серьезно начала опасаться, не сошел ли Джим с ума.

– Я говорю совершенно серьезно, хочешь ты этого? Все будет совершенно иначе выглядеть. Я буду знать, при чем я... Наберусь силы... Скажи, ты не хочешь быть моей женой?

– О, Джим! Я была бы счастливейшей девушкой в мире, если бы... если бы только могла выйти за тебя замуж! – с тихим вздохом шепнула Жанна.

– Но ты хочешь, хочешь этого? Скажи, да?

– Да, – ответила Жанна. – Но, скажи на милость, как мы можем сделать это?

Под лаской ее дрожащих, нервных рук Клэв точно сразу вырос и окреп. Затем он вдруг принялся целовать ее так, как никогда еще не целовал до сих пор.

– Слушай! – прошептал он. – Там, в лагере, живет священник. Я не раз бывал у него и говорил с ним. Он пробует творить добро в этом аду. Я могу положиться на него. Я все расскажу ему и завтра вечером, приблизительно в это же время, приведу его сюда. О, не бойся, я буду очень осторожен. Здесь, вот у этого самого окна, он повенчает нас. Жанна, хочешь ли ты этого?.. Это будет моим спасением... Я очень страдал все эти дни. В моем уме всегда копошилась мысль, что ты никогда не будешь моей женой, хотя и уверяешь, что любишь меня. Моя жена!.. Помни же, девушка, твое единственное слово делает меня человеком.

– Да, да! – И Жанна от всей души поцеловала своего дрожащего, заблудшего Джима.

– Жди меня завтра в это же время, – прошептал он.

Наступивший день тянулся нестерпимо. Жанна впервые отказалась принять у себя Келса; его огорчение по этому поводу коснулось ее весьма отдаленно. Она больше не прислушивалась к тому, что происходило в соседней комнате. Даже громкий скандал между Келсом и его людьми не заинтересовал ее.

Когда совсем стемнело, она встала к своему окошечку. Вдруг послышались тихие шаги и мелькнула какая-то тень. Мятущиеся мысли Жанны вдруг перешли в одно острое ощущение мучительного напряжения.

– Жанна! Жанна! – тихо пронеслось по воздуху.

Она откликнулась; дыхание ее замерло.

Сплошная тень вдруг раскололась, и обе ее части, бесшумно крадучись, выросли перед нею. Жанна не различала, которая из них принадлежит Джиму, пока он не прикоснулся к ней.

– Милая, вот и мы. Это священник, – сказал Джим, ликуя, как маленький. – Я...

– Тише! – остановила его Жанна. – Слышишь?

В этот же час в комнате Келса собрались все члены его легиона. Жанна узнала его жесткий, повелительный возглас и резкий выкрик Рыжего Пирса.

– Хорошо, хорошо! Я буду вести себя тихо, – сказал Джим. – Тебе придется ответить на несколько вопросов.

Жанна почувствовала на своем плече мягкую руку, и голос, каких она уже давно не слышала на границе, тихо обратился к ней.

– Как вас зовут? – спросил священник.

Жанна сказала.

– Может быть, вы расскажете мне кое-что о себе? Этот молодой человек очень... очень решителен, я не совсем уверен... хотел бы знать от вас...

– Я не могу многого рассказывать, – торопливо сказала Жанна. – Я честная девушка, и ничего не препятствует мне выйти за него замуж. Я... я люблю его. Я хочу поддержать его, оба мы попали в ужасное положение, я не смею сказать больше.

– Вам больше восемнадцати лет?

– Да, сэр.

– Ваши родители не будут ничего иметь против этого молодого человека?

– У меня нет родителей, а мой дядя, у которого я жила, любит Джима. Он всегда хотел, чтобы я вышла за него замуж.

– Тогда подайте друг другу руки.

Жанна почувствовала, как пальцы Джима крепко ухватились за ее руку, и это было единственное, что в этот момент показалось ей реальным. Непроницаемо и мрачно сгустилась ночь вокруг этих двух черных фигур, стоявших перед ее окном. Где-то далеко слышался вой одинокого волка. Как сквозь сон, слышала Жанна свой дрожащий голос, повторяющий слова священника. Еще несколько слов молитвы, и одна из фигур, безмолвно подавшись назад, потонула в черноте ночи.

– Любимая моя! – зашептал Джим. – Свершилось, свершилось... Поцелуй меня!

И он целовал ее еще крепче, чем раньше.

– Ах, Жанна! Неужели ты в самом деле выбрала меня...

Я все еще не верю... Твой муж!

В эту минуту глубокую тишину ночи прорезал удар револьвера по столу.

– Где Клэв? – строго и повелительно прозвучал голос Келса.

Жанна почувствовала, как мускулы Джима разом напряглись.

– Никак не могу выследить его, – ответил Рыжий Пирс. – Вот уже сколько дней подряд, как он куда-то исчезает, и всегда в это время, каждую ночь. Какая-нибудь бабенка закрутила его.

– Он спит? Ты не можешь узнать, где он ложится?

– Нет.

– Но это дело он должен провести.

– Пф! – насмешливо фыркнул Пирс. – Гульден клянется, что твой Клэв ни к черту не годится, и я говорю то же самое.

– Выйди на улицу и покричи его... Черт бы вас всех побрал, я докажу вам обратное!.. – раздраженно ответил Келс.

Жанна услышала стук тяжелых сапог и затем более мягкие шаги перед дверью блокгауза. Затаив дыхание, она прислушивалась к громкому стуку сердца Джима. Он стоял, выпрямившись, как столб.

– Э-э-э-й, Джим! – пронесся резкий крик Пирса. Глубокая тишина словно покачнулась. Звук мощно грянулся о скалы, вдали загоготало насмешливое эхо.

Призыв Пирса был настолько повелителен, что Клэв со-

вершенно позабыл о Жанне. Он исчез во мраке раньше, чем она успела что-либо сообразить, и, полная страха, она бросилась к щелке, проделанной в стене.

Большое помещение было ярко освещено несколькими лампами; дверь стояла раскрытой настежь. Жанна с первого же взгляда убедилась, что Келс сильно взволнован. Красавчик Оливер тоже утратил свое обычное добродушное настроение. Рыжий Пирс сидел молча, мрачно уставившись на свою дымящуюся трубку. Джесси Смит беспрестанно хмурил лоб. Один только Бейд Вуд вполне безразлично относился ко всему.

Вдруг глаза всех мгновенно уставились на дверь. Жанна узнала быстро приближавшиеся шаги. Внезапно ее губы пересохли и язык прилип к гортани.

Джим вошел в хижину с хорошо разыгранной усталостью.
– Здорово, ребята! – сказал он.

Никто, кроме Келса, не откликнулся на его приветствие. Умные глаза бандита с любопытством оглядели его. Во взгляде остальных поблескивало подозрение.

– Ты слышал голос Рыжего Пирса? – неожиданно спросил Келс.

– Эдакий рев и мертвый услышит, – грубо ответил Клэв. – Мне это очень не понравилось... Бьюсь об заклад, что в лагере все до одного слышали голос Пирса.

– Откуда ты узнал, что это именно он звал тебя?

– Узнал, и все тут!

Поведение Джима напомнило Жанне тот день, когда она впервые увидела его в Кэбин-Галче. Теперь он был менее бледен и худ, но его глаза смотрели так же остро; то, что когда-то казалось в нем сумасбродной удалью, теперь выглядело неподдельной храбростью. Он пристально посмотрел на Пирса.

– Где ты пропадаешь все эти ночи? – спросил Келс.

– Разве это тебя касается, когда я тебе не нужен? – ответил Клэв.

– Да, касается. Я посылал за тобой, но тебя нигде не могли найти.

– Я каждый вечер приходил к ужину.

– Ты отлично знаешь, что днем я не веду разговоров со своими людьми.

– Надо было сказать мне об этом. Как я мог знать?

– Да, ты прав. Но где ты проводил время?

– В лагере, большей частью за картами. Вдобавок здорово проигрался накануне.

Грубые черты Рыжего Пирса перекосила насмешливая гримаса. Клэв вздрогнул, точно от удара плети.

– Но Пирс уверяет, что ты гоняешься за какой-то бабенкой, – продолжал Келс.

– Пирс лжет! – прошептал Клэв, и в мгновение ока дуло его револьвера крепко уперлось в бедро Пирса.

– Джим! Джим, не убивай его! – крикнул Келс, подскакивая к ним.

Красная рожа Пирса сделалась совершенно белой. Он застыл на месте и только с ужасом следил за револьвером Клэва.

– Можешь ты доказать свои слова? – тихо и размеренно спросил Джим.

– Клэв... я... ничего не знаю, – с усилием выдавливая слова из горла, пробормотал Пирс. – Я только так... прикинул... – Медленно опустив револьвер, Джим отступил на шаг назад. С него было вполне достаточно признания Пирса, но Жанна почувствовала, что Пирс лгал.

– Будь впредь поосторожнее в разговорах обо мне, – сказал Клэв. Келс медленно выпустил сквозь зубы задержанный воздух и утер пот со лба.

– Джим, ты не пьян сейчас?

– Нет.

– Но ты здорово обозлен.

– Конечно! Пирс хотел очернить меня в твоих глазах, не так ли?

– Нет. Ты не понял меня. Ни он, ни кто другой не в состоянии очернить тебя передо мной.

– Отлично! Я погорячился немного... Пирс, давай помиримся, если тебе не хочется продолжать ссору.

– Конечно, он помирится с тобой, – приказал Келс.

Пирс очень неохотно протянул руку. Оскорбленный приказанием Келса, он злобно блеснул глазами.

– Ну, Келс, зачем ты звал меня? – спросил Клэв.

– Ты был моим лучшим козырем, Джим, – ответил Келс. – Ты поддерживал мой план и дважды спас мне жизнь... Я многим обязан тебе... И если ты еще раз поддержишь меня, то в один прекрасный день я отблагодарю тебя за это. Хочешь помочь мне?

– Да, – твердым голосом ответил Джим, но при этом сильно побледнел. – Что случилось?

– Гульден взорвал весь мой легион. Он перетащил к себе больше половины моих людей, и с тех пор они совершенно обезумели от пьянства. Теперь они действуют вполне самостоятельно. Результат всего этого ты можешь себе легко представить. Кто-то из пьяниц проболтался, и теперь весь лагерь дышит мстью. Ни одной секунды больше мы не можем поручиться за нашу жизнь. Я было решил провести одну грандиозную затею и после этого удрать на границу, но ни один из этих голубчиков не хочет теперь поддерживать меня в моих решениях. Все они хотят вести здесь свободную и беззаботную жизнь. Но я надеюсь, что еще не поздно. Пирс, Оливер, Смит – все лучшие люди моего легиона – еще верны мне. Если мы сплотимся, то, может быть, нам еще удастся одержать верх. Однако и они угрожают порвать со мной, и только из-за тебя.

– Из-за меня? – воскликнул Клэв.

– Вся моя банда уверена, что ты обманываешь меня.

– В чем? – спросил Клэв.

– Они считают, что это ты проболтался обо всем, и ви-

нят тебя в том проснувшемся подозрении, которое нарастет в лагере.

– Но они заблуждаются! – воскликнул Клэв громким, звенящим голосом.

– Я уверен в этом. Не забудь, что у меня нет и тени подозрения против тебя. Я готов поклясться за тебя, но вот Пирс...

– Так, значит, это все-таки Пирс! – с угрозой сказал Клэв.

– Он только высказал свое мнение, – быстро проговорил Келс. – На это он имеет такое же полное право, как и все остальные. Вернемся к делу... Все они считают тебя обманщиком только потому, что ты еще честен.

– Не понимаю, – медленно ответил Клэв.

– Джим, вспомни, ты свалился к нам как снег на голову, примкнул к моему легиону, но не сделался еще настоящим бандитом. Здесь ты был только честным золотоискателем. Это подходило к моим планам и принесло мне пользу. Но это не пришлось по вкусу моим людям. Ты работаешь каждый день, ты сделал большую находку, и весь Олдер-Крик уважает тебя. Но ты еще ни разу не сделал того, что приравняло бы тебя к банде. Ты никого не убил, из-за мешка с золотым песком не подсунул фальшивой карты, и это-то и повредило тебе среди моих людей. Они не смотрят на тебя моими глазами. Только один я считаю тебя столь же отважным, как и честным. И вот они уверены, что ты предал нас. Ни Пирсу, ни вообще кому-либо из моих людей я не хо-

чу сделать упрека. Это время многих лишило благоразумия. Они не видят ничего, кроме золота, виски и крови. Я лично рад, что в отношении тебя банда так заблуждается. Теперь она дает тебе возможность поддержать меня.

– Дает возможность?

– Да, у них есть для тебя одно дельце. Хочешь ты взяться за него?

– Я должен, – ответил Клэв.

– Надеюсь, ты оправдаешь мое доверие к тебе.

– А в чем заключается это дело? – с усилием проговорил Клэв. Пот выступил на всем его теле, и мокрые волосы повисли над побелевшим лбом. Он вдруг утратил все свое прежнее мужество и превратился в мальчика – слабенького, загнанного и отчаявшегося.

Прежде чем ответить, Келс отвел свой взгляд в сторону.

– Ты знаешь золотоискателя по имени Грид? – торопливо спросил он.

– Парень, который всегда хрипит, короткий и широкий, вообще похожий на Гульдена, но только не такой громадный, с лохматой, красной бородой? – спросил Клэв.

– Я никогда не видел его, – ответил Келс. – Пирс, верно ли Клэв описал его?

– Да, – ответил Пирс.

– Отлично! – продолжал Келс, постепенно увлекаясь своей темой. – Этот самый Грид носит на себе пояс, туго набитый золотом. Бликки никогда не ошибается. Партнер Грида

на пару дней отправился в Баннек. Грид работает упорно и после ужина любит соснуть. Самое лучшее время для этого дела – когда он загасит у себя огонь. Разузнай, которая палатка принадлежит ему. Завтра вечером, как только стемнеет, ты подкрадешься к ней – очень осторожно, – выждешь удобную минуту... и быстро кончишь свое дело.

– К... как... кончу? – хрипло спросил Клэв.

Глаза Келса сверкнули холодно и колко. Думая о золоте, он совершенно позабыл о стоявшем перед ним человеке.

– Койка Грида находится по другую сторону палатки, как раз напротив засохшего дерева. Тебе не понадобится входить в палатку. Прорежь парусину, она старая и гнилая. Убей Грида своим ножом... возьми его пояс... Будь осторожен, отважен и ловок. Вот в чем заключается твоя миссия. Что ты на это скажешь?

– All right, – мрачно ответил Клэв и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

После его ухода Жанна все еще не покидала своего поста. Болея душой за Джима, она в то же время ни одной секунды не боялась, что он пойдет на это преступление.

Едва Клэв вышел, как Келс торжествующе взглянул на Пирса.

– Говорил я тебе, что парень послушается меня. Я еще ни разу не давал ему никакого поручения.

– Похоже на то, как будто я в самом деле промахнулся, – ответил Пирс.

– Мне кажется, он препаршиво чувствовал себя, – заметил Красавчик Оливер. – Но Келс прав. Пирс, ты зря беспокоился о нем.

– Возможно, но разве худо проверить его?

Все поддержали это замечание, и Келс тоже медленно наклонил голову.

– А у меня есть еще одно дельце для него, – ухмыляясь, заявил Джесси Смит.

– Ну, теперь пошло! – сказал Келс. – Что ты хочешь сказать?

– Банде постоянно мешает этот баран Гульден...

– Ты прав, – свирепо сказал бандит и одобрительно взглянул на Смита.

– Я никогда не боялся высказаться, – продолжал Смит, и усмешка разом сошла с его лица; его грубый рот выглядел жестко. – Гульдена надо убрать, иначе мы все погибнем.

– Что ты на это скажешь, Вуд?

Бейд Вуд так живо закивал головой, как будто дело шло о его кулинарии.

– Оливер, а ты? – спросил Келс.

– Хо! Я с удовольствием взгляну, как Гуль закачается, – ответил Оливер.

– А ты, Пирс? – повернулся Келс к нему, и светлая улыбка озарила его лицо.

– Я готов сказать «да» хоть сейчас, но с одним условием, если мне не придется самому участвовать в этой игре, – от-

ветил Пирс с жестким смехом. – Гульден так легко не расстанется с жизнью. Его выстрелы осечек не знают. Держу пари, что если нам удастся загнать его в угол, то большинство из нас отправится ко всем чертям прежде, чем мы успеем уложить его.

– Никто не знает, где ложится на ночь Гуль, – заметил Оливер. – Его не застанешь врасплох. Рыжий совершенно прав. Как мы можем убить его?

– Если вы, ребята, хотите слушать, то узнаете, как это сделать, – ласково вставил Джесси Смит. – Это дело создано для Джима Клэва. Он сумеет выполнить его. До этих пор Гульден еще не боялся ни одного человека в мире, но Джим нагоняет на него страх, я не знаю чем. Джима необходимо натравить на Гульдена. Он вызовет его с глазу на глаз и хлопнет его... Клянусь вам!

– Джесси, это самая грандиозная мысль, какую ты когда-либо высказывал, – певуче проговорил Келс. Его глаза сияли.

– И это будет вторым заданием Клэва? – с любопытством спросил Пирс.

– Да, – сурово ответил Келс.

Жанна долгое время не могла заснуть, но и пришедший сон был полон мучительных кошмаров.

Наконец настал день. В соседней комнате никого, кроме Бейда Вуда, не было видно. С наступлением темноты при-

шли Пирс и Смит, но Джим не появлялся. К ужину пришли Красавчик Оливер и Бликки.

– Вероятно, у Джима испортился желудок, – многозначительно заметил Вуд. – Он еще ни разу не появлялся сегодня.

Некоторые из бандитов захохотали. Келса мучила совесть, как показалось Жанне. Его лицо было мрачно и угрожающе. Он ел меньше всех и, встав из-за стола, принялся расхаживать по комнате. Казалось, он совершенно забыл о присутствии остальных бандитов. По временам он останавливался и, глядя на дверь, прислушивался. Он с нетерпением ждал Джима, но чего еще хотелось ему от него? Жанна слепо верила, что Джим сумеет провести Келса, Пирса и всех остальных.

Вдруг один из бандитов издал тихий возглас. В комнату молча вошел Джим.

Сердце Жанны забилося сильнее и замерло. Медленно распахнув свой плащ, он вынул черный, длинный предмет и бросил его на стол. Тот упал с глухим и тяжелым стуком. То был кожаный пояс, битком набитый золотом.

Увидев пояс, Келс больше ни одним взглядом не удостоил бледного Клэва. Его руки, словно когти, уцепились за пояс, поднимали, взвешивали и ощупывали его. Все бандиты, тоже позабыв о Клэве, обступили Келса и жадно глядели на золото.

– Двадцать фунтов! – с живостью вскричал Келс.

– Можно мне поднять его? – дрожа от алчности, спросил

Пирс.

Точно сквозь туман слушала Жанна их выкрики. Вид пояса наполнил ее душу медленно разраставшимся ужасом. Неужели страстное желание быть возле нее и спасти ее заставило Джима совершить такой страшный поступок?

Густая пелена застлала глаза Жанны, и, пошатнувшись, она упала на свою кровать.

Глава XVI

Придя в себя, она почувствовала какие-то уколы на своем плече. Слегка вздрогнув, она решила, что ее жалит стоножка, но, протянув руку, нащупала тоненькую палочку. Это Джим старался разбудить ее.

Жанна поднялась и, стараясь побороть сильное головокружение, подошла к окну. В ее мозгу мелькнуло жуткое воспоминание о кожаном поясе. Вынырнувший из темноты Джим крепко обнял ее. Но ее тело не откликнулось на эту ласку. Тяжесть, давившая сердце, с каждой секундой делалась все невыносимее.

– Ну и повозился же я, пока не разбудил тебя, голубка, – прошептал Джим, целуя ее. – Что с тобой? Ты холодна как лед.

– Я, наверное, упала в обморок, – ответила Жанна.

– Отчего?

– Я глядела в щелку, когда... когда... ты...

– Ах, моя бедная детка! – с нежностью перебил он ее. – Сколько тебе пришлось пережить... Но я провел Келса... О! Я был хитер, как дьявол... Он велел мне убить человека. И как ты думаешь, что я сделал? Я хорошо знаю этого Грида. Прекрасный парень... Я взял да и выменял его пояс на мой слиток. Ловко?

– Ты... не убил его? – пробормотала Жанна.

– То-то ребенок! – с тихим смехом воскликнул Клэв. Жанна уцепилась за Джима, вся дрожа от радости.

– Слушай! Мой слиток стоил гораздо дороже пояса Грида. Он это сразу смекнул. Сначала он не соглашался, но я уговорил его. Затем я посоветовал ему оставить лагерь на пару деньков и прокатиться в Баннек. Само собой, он начал любопытствовать, но я сохранил тайну... Взяв его пояс, я вернулся к Келсу и наплел ему, что поймал Грида в темноте, прикончил его и спрятал глубоко в яму, в реку... Ни Пирс, ни Келс не заинтересовались моим рассказом. Я пришел с поясом, и этого было достаточно. Золото говорит громким языком и притупляет слух этих бандитов... У меня в кармане моя доля от золота Грида. Разве это не забавно? Конечно, мне жаль нашего слитка, но что поделаешь, приходится вести игру до конца. У меня в кустах спрятана целая коллекция банок с золотым песком. Что мы только будем с ним делать? Если нам удастся выбраться отсюда, ты станешь богатой женщиной.

– Но, Джим, любимый мой, а ты слышал, что Келс говорил про твое второе дело? – прошептала Жанна со страхом. Клэв пробормотал какое-то проклятье. Жанна закрыла его рот своей рукой.

– Ты слышала, как они говорили о Гульдене? – спросил он.

– Да.

– Очень жаль. Я хотел побережь тебя. Да, я уже получил и это задание. Но его мне нельзя ни отклонить, ни изменить.

Жанна с ужасом схватилась за Джима. Голос отказывался служить ей.

– Девочка, береги свои нервы, – строго сказал Джим. – Не бойся за меня. Ты должна решить, когда мы бежим с тобой отсюда... Я слушаю тебя.

– Но, Джим... Джим! – простонала она. – Ты такой же бешеный, как и эти бандиты. Ты совершенно не хочешь признавать опасности. О, этот страшный Гульден. Ведь ты же не вызовешь его открыто?.. Скажи, нет.

– Именно так я и сделаю. Я пойду к нему и убью его, – с упрямой решимостью прошептал Клэв. – Ты еще не знаешь, какой я отличный стрелок. Я и сам не знал этого, пока не попал сюда, на границу. Келс единственный, кто превосходит меня здесь. Гульден же просто громадный бык, тупой и злобный. Я сяду с ним играть в карты, придерусь и пристрелю его. И на этот раз он не отделается одним ухом. Келс поклялся сделать для меня все, если я помогу ему. И я помогу! Это может стать твоим спасением.

Жанна глубоко вдохнула в себя воздух.

– Я чувствую, что над бандой Келса собирается гроза, – серьезно сказала она. – Нам надо бежать, бежать. Что если мы ночью выйдем отсюда и утром по пути в Баннек встретим почтовую карету?

– Я уже думал об этом. Но нам нужны лошади.

– Ах, пойдем пешком!

– Но тогда нам придется тащить на себе продукты, револь-

веры и чуть не пятьдесят фунтов золотого песка.

– А ты заметил, что у Рыжего Пирса есть что-то на уме? Он более чем подозрительно относится к твоим ночным отлучкам. Помнишь его коварный намек на женщину? Боюсь, он подстерег нас. Верь в этом отношении инстинкту женщины. Пирс лгал тебе, когда уверял, что он ничего не знает. Твой револьвер вынудил его к этому. Смотри, опасайся его.

Но Клэв не отвечал. Отвернувшись, он не слушал ее. Его голова напряженно подалась вперед. Внезапно Жанна услышала тихий шелест. Спустя немного шум снова повторился. Казалось, он шел от угла блокауза.

Джим молча отступил в темноту. Немного погодя послышались тихие, крадущиеся шаги, но Жанна не могла решить, принадлежали они Джиму или нет. Во всяком случае они шли не с той стороны, куда он обычно уходил. Жанна наостригла уши, но до ее слуха донеслись только далекие ночные голоса.

Все следующее утро она напрасно прождала Келса, он не пришел. За неделю это было уже третий раз.

Но незадолго до обеда она вдруг услышала его голос. Он о чем-то очень тихо и серьезно совещался со своими товарищами. Едва Жанна собралась подслушать, как шаги Келса раздались возле ее двери.

– Наденьте костюм Денди Дейлса и выходите! – крикнул он.

Звук его голоса так напугал Жанну, что она сразу не нашлась, что ответить.

– Вы слышали? – резко крикнул он.

– Да, – ответила Жанна.

После этого он вернулся к своим людям и снова начал шептаться с ними.

С большой неохотой достала Жанна одежду мертвого бандита и надела ее на себя.

Келс выглядел серым и озабоченным. Кроме него, в комнате находилось еще шесть бандитов. Жанна заметила, что все они были в плащах, перчатках и при шпорах. При взгляде на нее быстрый луч радости скользнул по лицу Келса.

– Я хочу, чтобы вы каждую минуту были готовы к отъезду, – сказал он.

– Почему? – спросила Жанна.

– Это может понадобиться, больше ничего, – уклончиво ответил он.

Его люди, всегда охотно глазевшие на Жанну, на этот раз почти не взглянули на нее. Их глаза смотрели жестко, губы были сжаты. Красавчик Оливер начал первый.

– Говорю тебе, Гульден клянется, что видел вчера Грида на улице при свете фонаря...

– Гульден, наверное, ошибся, – нетерпеливо заявил Келс.

– Он не из тех, кто ошибается, – ответил Оливер.

– Гуль видел, наверное, призрак Грида, – неприязненно заметил Бликки. – В своей жизни я видел их тоже немало...

Некоторые из бандитов мрачно кивнули головами.

– А, бросьте вы! – заявил Пирс. – Никогда Гульден не увидит привидений. Если он видел Грида, то, значит, он видел его живым.

– Правильно, Рыжий, – поддержал его Джесси Смит.

– Ну что вы, ребята, – сказал Келс. – Ведь Джим принес его золото. Сами знаете, что Грид не отдал бы своего пояса за здорово живешь! Здесь какая-то ошибка.

– Гуль просто хочет испортить воздух, – вставил Бейд Вуд. – Я видел его всего какой-нибудь час тому назад и первый разговаривал с ним, а он уже откуда-то узнал, что Клэв прикончил Грида. Откуда мог он узнать это? Ведь это было нашей тайной. И больше того: Гуль рассказал мне, что Клэв получил приказ убить его. Откуда он только выкопал это?.. Клянусь, что не от самого Клэва!

Лицо Келса из бледного сделалось зеленым.

– Клэв придет и разъяснит нам все это, – хмуро проворчал он.

– Я всегда говорил, что это двуличный парень, – сказал высокий, светлый бандит по имени Бад.

– А ты скажи то же самое ему в лицо!

– Что же, буду даже рад.

– В таком случае, ты либо пьян, либо просто дурак, – заявил Келс.

– В самом деле?

– Вот тебе и в самом деле! – гневно воскликнул Келс. –

Клэв одним взмахом уложит тебя.

– Вот он идет, – резко сказал Пирс.

Быстрые шаги раздались перед дверью, и фигура Джима заслонила свет.

При взгляде на Жанну и ее костюм он слегка вздрогнул.

– Бад, вот Клэв пришел, ну-ка повтори ему то же самое, что ты нам сказал! – насмешливо воскликнул Рыжий Пирс.

Наступила внезапная тишина. Но Келс злобно подскочил к обоим мужчинам.

– Слушай, Рыжий, ты не забывайся! – прошипел он. – За последнее время ты сделался отчаянным задирой. Можно подумать, что тебе хочется расколоть мою банду... Держи свою морду на привязи, Бад! А ты, Клэв, не обращай внимания на то, что он будет молоть. Слышали? Эти споры должны, наконец, кончиться.

– Хороший пример придется как раз кстати, хозяин, – сухо сказал Бейд Вуд.

Это замечание успокоило Келса.

– Джим, ты видел Гульдена? – резко спросил он Клэва.

– Нигде не мог найти его, – ответил тот. – Я был в кабаках и игорных домах, где он имеет обыкновение торчать, но нигде не нашел его. Он в лагере, это я знаю наверное. Почему-то он вдруг вздумал прятаться.

– Гульден кое-что пронюхал, Джим, – серьезно сказал Келс. – Он только что объявил Вуду, что ты хочешь убить его.

– А, это радует меня. Но кто выдал меня? В банде есть какой-то парень, которому хочется прикончить меня... Меня вместо Гульдена.

Его сверкающие глаза обвели безмолвных мужчин и пристально остановились на Рыжем Пирсе. Последний вызывающе выдержал его взгляд.

– Но Гульден еще больше рассказал Оливеру, – продолжал Келс и резко дернул Джима к себе, чтобы лучше видеть его лицо. – Гульден клянется, что вчера ночью видел живого Грида...

– Вот смешно! – ответил Клэв, не моргнув глазом.

– Вовсе не смешно. Наоборот, странно. Гульден слишком туп для вранья. Бейд уверяет, что он хочет поссорить меня с тобой. Но я сомневаюсь в этом. Гульден видел не привидение, а попросту спутал Грида с каким-нибудь золотоискателем.

– Надо полагать, если только Грид не воскрес, я ведь не сижу на нем верхом и не держу его.

Келс отошел успокоенный. Но Пирса точно магнитом потянуло к нему.

– Джек тебя обманывает, – сказал он, похлопывая Келса по плечу, – и если ты хочешь, чтобы я высказался, то обещай мне, что никто не будет стрелять.

– Вперед, Рыжий, клянусь тебе, – ответил Келс, сверкнув глазами.

Бандиты переступали с ноги на ногу. Послышались глубо-

кие вздохи. Джим оставался спокойным, и только глаза его странно сузились.

– Здесь есть кто-то, кто обманывает тебя больше всех, – начал Пирс, растягивая слова и, не глядя, указывая на Жанну.

Сильно вздрогнув, девушка прислонилась к стене. Она читала мысли Пирса. Он знал ее тайну и теперь собирался выдать ее и Джима.

– Пирс, что это значит? – спросил Келс.

– Девушка обманывает тебя, – ответил Пирс, и едва эти слова слетели с его губ, как он побледнел и заволновался.

– Пирс, я думал, наш разговор пойдет только о мужчинах и о золоте, – сказал Келс медленно, что всегда являлось у него предвестником какого-нибудь страшного поступка.

Подбородок Пирса так сильно задрожал, что он едва мог говорить, но он слишком далеко зашел и понял это, когда было уже поздно.

– Каждый вечер она встречается с женщиной, там... у своего окна, – прохрипел он. – Они часами шепчутся и целуются. Я следил за ними и давно бы уже рассказал тебе, но мне хотелось узнать, кто он... И теперь я знаю его... Помни, Келс, он влезал и вылезал от нее!

Внезапно револьвер Келса вспыхнул красным, синим и белым огнями. Пирс закачался, подобно подрезанному дереву, и, повалившись, остался лежать лицом кверху, с застывшими глазами – мертвый. Бандит медленно нагнулся над

ним, держа свой дымящийся револьвер.

– Господи, Джек! – вскрикнул Красавчик Оливер. – Ты поклялся не стрелять, а сам убил его... Теперь ты сам обманул себя. Убей меня, но я буду твердить, что Пирс был прав.

Краска гнева сошла с лица Келса и уступила место мертвенной бледности. Он молча уставился на Оливера.

– Ты обманул и себя, и нас, – продолжал тот. – Какая теперь цена твоему слову? Неужели ты воображаешь, что банда спустит тебе это? Вот лежит Пирс, он мертв... А почему? Потому, что доверился тебе и хотел открыть тебе глаза. Ты же убил его... О, если бы я знал то, что знал он, я бы тотчас повторил тебе это, и там ты хоть сто раз громыхай своим револьвером. Жаль, что я ничего не знаю. Но ты можешь допытаться, лгал он или нет... Спроси девушку... А что касается меня, то я покончил с твоим легионом. Ты проиграл, Келс, и потерял голову. Тебя погубила твоя девка!

Оливер говорил с суровым достоинством. Кончив, он вышел из хижины.

Под впечатлением его сильной речи Келс дрожал всем телом, но сила его духа все еще не была сломлена.

– Жанна... вы слышали слова Пирса? – страстно сказал он. – Он лгал, не так ли? Он оболгал вас. Я должен был убить его. Он сказал... О подлый негодяй! Только он и мог сказать такую гадость. Он лгал, и за это я убил его. И я не раскаиваюсь, хотя бы мне пришлось лишиться целой сотни легионов.

– Не... все было ложью в его словах, – медленно сказала

Жанна.

– Что-о-о? – загремел Келс.

– Пирс говорил правду, только человек не пролезал ко мне в окно. Это выдумка. Никто не может пролезть в него, оно слишком мало... Но я в самом деле разговаривала с мужчиной.

Келс провел языком по пересохшим губам.

– С кем?

– Это вы никогда не узнаете от меня.

– Кто он?.. Я должен убить его.

– Нет, нет! Я не скажу вам. Я не допущу, чтобы из-за меня вы убили еще одного человека.

– А-а! Я вырву это из твоей глотки!

– Бесполезно. Ни угрозы, ни муки не заставят меня называть его.

– Ночью... в темноте... Жанна, почему? – словно оглушенный бормотал он. – Неужели только потому, что вы так одиноки здесь? Неужели вас увидел какой-нибудь молодой золотоискатель и начал приходить к вашему окошку? Может быть, это простая случайность? Отвечайте!

– Нет, я не хочу, чтобы вы еще проливали кровь.

– Заботитесь обо мне? – спросил он своим обычным насмешливым тоном. Внезапно густая краска залила его лицо, и, дико блестя глазами, он нагнулся к ней.

– А может быть, он слишком пришелся вам по душе и вы просто не хотите видеть, как он умрет?.. Часто приходил он

к вашему окну?

Жанна почувствовала сильную слабость во всем теле. У нее едва хватило сил, чтобы бороться с мощной страстью этого человека. Но ответ непроизвольно сошел с ее губ.

– Да, часто, – тихо сказала она.

Эти слова разожгли Келса еще больше; гнев и страсть его перешли в жгучую ревность, превратившую его в сущего дьявола.

– А-а! Вот как? В таком случае вопрос решен, – мрачно сказал он. – Но мне все еще хочется прилично поступить с вами. Я сделаю вас своей женой. Бликки, – сказал он, повернувшись к бандитам, – сбегай в лагерь, там живет священник. Тащи его сюда за волосы, под револьвером, как хочешь, но чтобы он был здесь, слышал?

Бликки юркнул в дверь, и его шаги с тяжелым стуком быстро удалились от хижины.

– Вы не заставите меня... Я... я рта не раскрою.

– Это ваше дело. Я не собираюсь выслушивать от вас нежные признания, – ответил он с горечью. – Но если вы не скажете того, что нужно, то я прибегну к методу Гульдена... Вы еще не забыли, как Гульден умеет обращаться с женщинами?

Колени подогнулись у бедной девушки, и она опустилась на узел связанных одеял. Вдруг ее взгляд упал на Джима; он стоял позади Келса. Собрав остаток мужества, Жанна умоляюще взглянула на него. Ее глаза горячо просили его не вмешиваться и быть осторожным, ради них же самих. Он пой-

мал ее взгляд и покорился. Но его глаза сказали ей, что угрозы Келса никогда не осуществляются.

– Помогите мне, ребята, покончить с этим делом, – сказал Келс, обращаясь к своей поредевшей банде, – и тогда требуйте от меня чего захотите – я вместе с вами. Здесь ли сидеть, или разгромить лагерь, почтовую ли карету ограбить, – словом, все, все, что даст вам хорошую добычу. А затем на лошадей – и обратно на границу!

И он принялся расхаживать по комнате. Бад и Смит поплелись к двери. Вуд рылся в карманах, ища табаку для своей трубки. Клэв сел за стол и положил на него локти. Никто не обращал внимания на мертвого Пирса. В этот момент наиболее отчетливо сказались свирепые условия жизни приисковых лагерей. Келс жаждал только одного: жениться на женщине, пробудившей в нем такое сильное и роковое чувство. Витавший в этой комнате дух смерти нисколько не занимал его. Лицо Рыжего Пирса, обращенное к небу, застыло в угрожающей гримасе.

Прошло четверть часа. Вдруг раздались громкие голоса и тяжелые шаги. Бликки вернулся. Он грубо толкал перед собой маленького мужчину. Лицо этого человека представляло собой разительный контраст с грубыми чертами Бликки. Его одежда говорила о его профессии; выражение лица было взволнованным, но не испуганным.

– Он там что-то проповедовал в палатке. Я пришел и без всяких фокусов вытащил его оттуда и заставил протанцевать

сюда на гору, – сказал Бликки.

– Тотчас же обвенчайте меня, – сурово заявил Келс, подойдя к священнику.

– Конечно, я к вашим услугам, – ответил тот, – но должен заметить, что я не привык к такому обращению.

– Вы должны извинить нашу поспешность, – сказал бандит. – Вам хорошо заплатят за беспокойство. – И с этими словами он швырнул на стол маленький мешочек с золотым песком. – Жанна, подойдите, – приказал он тоном, не допускающим ни возражений, ни сопротивления.

Только сейчас заметил священник присутствие женщины. Жанна сразу же узнала его по голосу. Но отчего он так сильно вздрогнул? Может быть, узнал ее голос? В ночь их венчания Джим неоднократно называл ее Жанной. Мягкие глаза священника блеснули. Его взгляд скользнул по Жанне, Келсу и затем перешел на остальных бандитов. Джим стоял за широкой спиной Джесси Смита, и, очевидно, священник не заметил его. Внезапно его пристальный взгляд упал на мертвого Пирса. Боязливое любопытство на его лице сменилось ужасом.

– Мистер, вы тотчас же обвенчаете меня, иначе я отправлю вас туда же, где теперь и этот человек, – угрожающе заявил Келс. – Жанна, подойди ко мне!

Девушка отрицательно покачала головой. Келс быстро шагнул к ней и, схватив за руку, дернул к себе. Физическое насилие всегда пробуждало в Жанне страшную ярость.

– Никогда не выйду я за вас, пусть мне хоть тысячу раз угрожает смерть! – воскликнула она.

При звуке ее голоса священник сильно вздрогнул. Он быстро нагнулся к Пирсу и посмотрел ему в лицо. Но убедившись, что убитый – не тот, кого он повенчал с Жанной, живо повернулся к ней.

– Пожалуйста, снимите вашу маску.

Она смело сорвала ее. Священник пристально оглядел ее лицо.

– Ваши угрозы бесполезны, – холодно сказал он Келсу. – Я не могу повенчать вас с женщиной, у которой есть муж... Но сейчас я не вижу его здесь.

– Вы не видите здесь ее мужа? – с обалделым видом повторил Келс. Раскрыв рот от удивления, он уставился на священника. – Скажите... дорогой мой, все ли у вас в порядке?

Было ясно, что священник каким-то чудом не заметил Джима. Все его внимание обратилось на одного Келса. Внезапно бандит очнулся от удивления.

– Что, что ты сказал?! – взревел он с багровым лицом.

– Я не могу повенчать вас с женщиной, у которой есть муж.

Лицо Келса с жуткой быстротой начало белеть.

– Так... вы... уже раньше видели... эту женщину? – про-бормотал он.

– Да.

– Где и когда?

– Здесь, за блокадом, несколько ночей тому назад.

Жанна с жалостью смотрела на Келса. Она чувствовала какую-то вину перед ним, будто и в самом деле обманула его. Сердце ее замерло. Еще одно слово, и... Джим будет открыт.

– За блокадом... У ее окошка?

– Да.

– Для какой цели вы приходили туда?

– Как духовник. Я был позван, чтобы совершить венчальный обряд.

– Чтобы повенчать ее? – прошептал Келс.

– Да. Ее зовут Жанной Рэндль, из Хоудли в Айдахо. Она совершеннолетняя. Насколько я понял, ее привезли сюда против ее воли. Она полюбила одного честного золотоискателя из лагеря, который и привел меня сюда ночью, чтобы обвенчать их.

– Вы... вы... повенчали их?

Келс медленно взялся за револьвер. Казалось, он все еще не понимал того, что ему говорили. Внезапно его охватила слепая ярость. Дуло его револьвера хмуро уставилось на священника. Но Бликки молниеносно подскочил и подбил его руку кверху.

Трах! Весь заряд вылетел в потолок. Бликки вцепился в руку Келса и всей тяжестью своего тела навалился на него.

– Я привел сюда этого попа! – взревел он, – и ты не смеешь убивать его... На помощь!.. Джесси!.. Он рехнулся... Он убьет его!..

Подоспевший Джесси выхватил у Келса револьвер. Джим Клэв сгреб священника в охапку и швырнул его к двери.

– Бегите, если вам дорога жизнь! – крикнул он.

Блики и Смит все еще боролись с обезумевшим Келсом.

– Джим! А-а! Дж-ж-и-им! Закрой дверь! – ревел Джесси. – Бейд, прочь все ножи, все револьверы! Ну, хозяин, теперь бесись сколько влезет, черт тебя подери, в самом деле!

Выпустив Келса, они быстро отскочили в сторону.

– Жанна, это правда? – свистящим шепотом спросил Келс.

– Да.

– Кто? – дико заорал он.

– Я никогда не скажу этого.

Ослепленный яростью, он протянул к ней руки, скрючившиеся, словно когти. Казалось, одна минута – и он ее растерзает. Он хотел убить ее и... не мог. Возможно, только в эту минуту он понял, как погубила его эта женщина. Он ненавидел ее потому, что любил. Ненависть побуждала убить ее, любовь не разрешала причинить ей боль. Его душа сделалась игрушечным мячиком двух гигантских сил – зла и добра. Зло выражалось в его ненависти, добро – в любви.

Внезапно он сильно оттолкнул ее от себя. Споткнувшись о труп Пирса, она едва не упала. Келс остался стоять один посреди комнаты. Сознывая свою слабость перед Жанной, он все больше приходил в ярость. Его поведение казалось безумным. Он принялся крушить и ломать все, что попадалось ему под руку. Спустя несколько мгновений вся комната

была завалена грудой безобразных обломков. Беснуясь, Келс продолжал сознавать абсурдность своего поведения, и это еще больше разжигало его. Наконец резкие движения утомили его. Он перестал слепо бросаться на различные предметы и вместо этого только топал ногами. Благородство истинного гнева покинуло его. Весь потный, хрипящий, он походил на мокрую тряпку. Он выглядел отчаявшимся, уничтоженным, надломленным человеком, хорошо сознающим свою гибель.

Джесси Смит медленно подошел к своему атаману.

– Джек, вот твой револьвер, – сказал он. – Я взял его у тебя только потому, что ты обезумел... И послушай, Джек, помни, что некоторые из нас все еще с тобой.

Вот какими словами хотел показать Смит свою нерушимую верность. Келс ответил ему слабой улыбкой.

– Бейд, ты с Джимом убери все это свинство, – продолжал Смит. – А ты, Бликки, помоги убрать Пирса.

Внезапно в разгар уборки Клэв громко крикнул:

– Келс! Сюда идут Гульден, Биди Джонс, Вильямс и Бирд. Бандит устало подошел к двери.

Бейд Вуд сделал резкое, многозначительное движение.

– Что-то неладно, – быстро проговорил он. – И дело не только в Гульдене... Посмотри-ка на улицу. Видишь, какая толпа? Все чего-то машут, беснуются и несутся в лагерь как сумасшедшие.

Джесси Смит повернул к Келсу свое внезапно посеревшее лицо.

– Хозяин, видишь ты этот дьявольский водоворот? Однажды я уже пережил такое столпотворение.

Келс отодвинул в сторону своих товарищей, чтобы лучше видеть. Сколько силы скрывалось в душе этого человека! После недавнего потрясения он вдруг опять стал спокойным и настороженным.

– Джим, походи в соседнюю комнату, и вы также, Жанна, – властно приказал он.

Жанна торопливо повиновалась. Джим крепко прикрыл за собой двери. Невольно их руки соединились.

– Джим, что означает это уличное волнение? – со страхом спросила Жанна. – Для чего Гульден идет сюда?

– Он ищет меня, – ответил Джим. – Слушай!

Топот тяжелых ног раздался в соседней комнате. Жанна тихонько подвела Джима к своему наблюдательному пункту. Рука юноши легла на рукоятку револьвера.

Гульден ввалился в комнату с толпой диких, грубых мужчин, по мрачному виду которых было видно, что у них на уме есть что-то злое. Все они молчаливо выстроились полукругом перед маленькой группой приверженцев Келса. Бирд, Джонс и Вильямс, когда-то его верные союзники, теперь вызывающе смотрели на него. Гульден походил на рассвирепевшую гориллу. Его громадные, бледные, глубоко сидящие глаза сверкали. Одну руку он держал за отворотом куртки, и весь его вид говорил о страшной угрозе. Однако Келс стоял перед ним совершенно уверенно и спокойно. Но стоило

Гульдону сделать движение, как револьвер Келса тотчас же был нацелен на него. Однако стрелять ему не пришлось, ибо Гульден вытащил какой-то большой, тяжелый предмет.

– На, смотри! – воскликнул он, бросая его на стол.

Тяжелый глухой стук показался всем очень знакомым.

Пальцы Джима судорожно вцепились в руку Жанны; он дышал тяжело и порывисто.

Из красного платка выглянул неправильной формы громадный слиток золота.

– Золото Джима Клэва! – вскричал Келс. – Откуда оно у тебя?

– Я нашел его у Грида, – сказал Гульден, наклоня вперед свою страшную голову.

Сапоги бандитов нервно зашаркали по скрипучим половицам. Наступившую тишину отчетливо прорезал глухой, отдаленный рокот. Келс побелел как воск и словно прирос к полу.

– У Грида?

– Да.

– А где же был... его труп?

– Я оставил его лежать на дороге в Баннек.

Предводитель банды молчал.

– Келс, вчера вечером я отправился следом за Гридом. Догнал и убил его... И потом нашел у него этот слиток.

Глава XVII

– Так, значит, Джим не убивал Грида! – воскликнул Келс. Светлый луч радости скользнул по его лицу. Странно было слышать в этом возгласе нотку искреннего облегчения. Жанна поняла Келса. Он радовался, что не заставил Джима сделаться убийцей.

Гульден растерянно молчал.

– Но я же сказал тебе, что уложил Грида я, а не Клэв. Теперь мы хотим знать, говорит ли тебе это золото то же самое, что оно говорит нам.

Его громадная, волосатая лапа похлопала по слитку. Келс понял скрытый смысл его вопроса.

– Ну-с, и что же оно говорит тебе? – спокойно спросил он, оглядывая фигуру Гульдена и свирепые лица стоявших позади него людей.

– В нашей банде есть один обманщик. И он водит тебя за нос. Это нам уже давно известно. Джим Клэв взялся убить Грида, но возвратился с его поясом и ложью... Мы считаем его изменником.

– Ну нет! На этот раз ты ошибся, Гульден, – серьезно ответил Келс. – Мальчуган наврал только мне, но я прощаю его. Он струсил – и баста. Заколоть спящего человека – было слишком сильно для Джима... И, кроме того, я совершенно не понимаю, чего тебе-то суетиться из-за этого? Ведь все

равно от слитка ты получишь только его десятую часть, как это было и с золотом Грида.

– Речь идет не обо мне, – заявил Гульден. – Может быть, ты и прав, защищая Клэва, но я не верю этому. Вся банда озлоблена, откуда-то беспрестанно вытекает новая грязь. За нами следят. Нас неохотно встречают в игорных домах. Вчера ночью ни за что не хотели разрешить мне сесть за стол Белчера.

– И ты решил, что это Клэв продырявился? – спросил Келс.

– Да.

– Ставлю все свое золото против твоих слов, – заявил Келс.

– Но ведь все говорит против Клэва, – нерешительно буркнул Гульден.

– Очень возможно, – согласился Келс.

– На чем же ты строишь твое доверие к нему?

– Только на своем знании людей. Джим Клэв никогда не предаст своих товарищей. Кто еще высказал такое подозрение?

– Рыжий Пирс, – медленно ответил Гульден.

– Пирс был лгуном, – с горечью сказал Келс. – И я пристрелил его за это.

Взгляд Гульдена сделался неподвижен. Его люди беспокойно забормотали и принялись оглядываться.

– Пирс рассказал мне, что ты поручил Клэву убить ме-

ня, – неожиданно выпалил великан, думая застать Келса врасплох.

Но Келс не проявил ни малейшего удивления.

– И это тоже ложь, – брезгливо сказал он. – Неужели ты думаешь, что я рехнулся?

– Пока-то нет, – ответил Гульден с отдаленным подобием смеха.

– То-то же! У меня еще достаточно разума, чтобы не на-
травливать маленьких мальчиков на такого человека, как ты.

Гульден не остался нечувствительным к лести. Бандиты в сотый раз покорились сильной личности Келса и уже приготовились забыть свое недавнее недовольство.

– Но Рыжий Пирс не может теперь защищаться, – заметил Биди Джонс.

– А знаете ли вы, ребята, что насчет Рыжего Пирса мне приходили в голову куда более интересные мыслишки, чем о Джиме Клэве? Но я молчал, так как у меня не было никаких доказательств, – сказал Гульден.

– Рыжий за последнее время был особенно зол, – прибавил Чик Вильямс.

Гульден поскреб свою голову и выругался.

– Мы страшно много времени тратим на эту болтовню, – робко заметил Бирд. – Не забудьте, что в лагере творится что-то неладное.

– Ба! Уже целую неделю идет это глупое вранье о карателях! – воскликнул Гульден.

Вдруг один из бандитов выглянул за дверь.

– Какой-то всадник несется сюда, – сказал он.

Все столпились в дверях.

– Это Красавчик Оливер.

– Ничего подобного.

– Ну, конечно, он. Но только не на своей лошади. Гляди-те-ка, как он торопится.

Топот лошадиных копыт прервался возле дверей блокгауза.

– Красавчик... Что случилось?..

– Где Келс? Пустите меня к нему, – хрипло ответил Оливер. Подойдя к Келсу, он остановился перед разделявшим их столом. Он тяжело дышал; его посеревшее лицо говорило о глубокой решимости.

– Келс, я снова вернулся к тебе, – сказал он, протягивая свою руку. То был жест раскаяния.

– Что это значит? – спросил Келс, и голова его подалась вперед, словно орлиный клюв.

– Я беру свои слова обратно.

Келс живо схватил протянутую руку и потряс ее.

– Красавчик, я знаю тебя как человека, который не вернулся бы из-за пустяков, но я все-таки рад... Что изменило твое решение?

– Каратели!

Живость Келса внезапно исчезла.

– Да, Келс, и на этот раз это не пустой слух. У меня есть

серьезные новости... Идите ближе, ребята. И ты тоже, Гульден. Настал час, когда нам надо сплотиться крепче, чем когда-либо.

Красавчика Оливера окружили бледные, напряженные лица с нахмуренными лбами и суровыми глазами.

– Ребята, – начал он. – Из всех подлых предателей Рыжий Пирс оказался подлейшим. Он донес на нас в комиссию выборов.

Тихий гул пробежал по толпе.

– Слушайте теперь и не перебивайте меня, у нас слишком мало времени. Неважно, как я узнал о шпионстве Пирса... Это была простая случайность... Один из этой карательной компании подкатился к Пирсу, и этот мерзавец хотел было предать всю банду как есть. Ему давали здоровый куш за это. Но он оттягивал ответ со дня на день и только нескольких отдал им в лапы. Дарт, Сингльтон, Французик и Техасец были пойманы на горячем. Чтобы подтвердить свой донос, Пирс назвал членам карательного отряда день, час и дело, которое затеяли эти четверо... Молчите, у меня есть доказательства... Не перебивайте!.. Я уверен, что за всю вашу жизнь вы еще ни разу не встречались с такой коварной змеей, как Рыжий Пирс. Сегодня он собрался предать всю нашу банду. Вы помните, каким он масляным языком уговаривал Келса не стрелять? Однако на этот раз он ошибся в Келсе. Он наговорил на его девушку и получил за это. Может быть, в своих планах он наметил забрать ее для себя, я не знаю, но ясно,

что сегодня он должен был предать весь наш легион. И если бы не Келс, то все мы были бы уже аккуратненько связаны и отправлены на виселицу... Ребята, сегодня я порвал с Келсом, но теперь называю себя трижды ослом за это!

Но я спешу кончить... На совещание карательной комиссии собрался весь Олдер-Крик. Ни одного золотоискателя не видно сейчас на работе. Большой зал набит, словно банка с консервами. Я кое-как протиснулся туда и, стоя на одной ноге, все-таки выслушал, что они там бормотали. Дарт, Сингльтон, Техасец и Французик стояли перед замаскированным судом, когда я вошел. Двое каких-то золотоискателей подтвердили их личность, и наших товарищей моментально приговорили к виселице... Но затем суд обратился к ним с предложением отпустить их на все четыре стороны, если они назовут главарей и остальных членов «Пограничного легиона». Дарт вообще ничего не отвечал. Сингльтон послал их ко всем чертям. Техасец клялся, что он самый обыкновенный грабитель с большой дороги и никогда ничего не слышал ни о каком легионе. Зато у проклятого Француза сердце от страха провалилось в штаны, и он готов был уже пойти на предложение суда. Но тут Техасец принялся осыпать его такими страшными проклятьями, что он постыдился и прикусил язык. Но если только они уберут Франзутика подальше от Техасца, то он выболтает им все до капли. Наконец наступила заминка. Толпа как безумная орала о виселице. Но судьи чего-то дожидались, и, я думаю, они ждут Рыжего

Пирса.

– Так. Ну, а как дело обстоит с нами? – спросил Келс холодным и ровным голосом.

– Наш след они еще не пронюхали, это я знаю наверно, – ответил Оливер, – иначе эти замаскированные черти уже давно бы принялись за дело. Но откладывать отъезд хотя бы даже на один день – гибель... Кругом марш, обратно в Кэбин-Галч, ребята!

– Гульден, что ты на это скажешь? – резко спросил Келс.

– Я останусь здесь или поеду, как ты пожелаешь, – ответил гигант. В критическую минуту он охотно взваливал на Келса всю ответственную работу. Его приверженцы тоже, словно овцы, были готовы броситься за своим вожаком.

Но несмотря на всеобщую покорность и свое положение безграничного повелителя, Келс не проявил прежней насмешливой живости. Хотя голос его звучал совершенно ровно, а лицо выглядело решительным, видно было, что какое-то гнетущее предчувствие томило его душу.

– Слушайте все! – сказал он. – Наши лошади и съестные припасы спрятаны в нескольких милях от лагеря. Туда мы и отправимся. Отсюда мы не можем взять ни одного мешка. Выходите по двое и по трое и ждите меня невдалеке от этой ревущей толпы. Если я вернусь, все мы тесно сплотимся и снова заживем.

Спрятав слиток золота под плащ, Гульден вышел первым. Все остальные вышли парами. Вскоре в хижине остались

только Бейд Вуд, Красавчик Оливер и Келс.

– Ну, ребята, отправляйтесь, соберите всю банду и ждите меня, – сказал Келс, обращаясь к ним.

Когда они вышли, он позвал Жанну и Джима.

– Слышали? – спросил он, взглянув на Джима и быстро пристегивая к сапогам шпоры.

– Да, – ответил Джим.

– Тем лучше. Нам нужно торопиться... Жанна, возьмите большой плащ Джима и снимите маску... Джим, собери свое золото, но только поторапливайся. Если не застанешь нас здесь, то беги туда, на улицу. Я хочу, чтобы ты был около меня.

Клэв вышел из хижины, а Жанна бросилась в свою комнату за плащом.

Тем временем Келс поднял одну из половиц и принялся набивать карманы мешочками с золотым песком.

– Жанна, суньте в свои карманы немного мяса и сухарей, – сказал он. – Я голодать не буду, пока мои карманы полны золота, но вам необходимо позаботиться о себе.

Жанна быстро обшарила кухонный шкаф Бейда Вуда.

– Bravo! Я нашла целую связку. Теперь мои карманы не уступят по толщине вашим, хотя там одни только дешевые сухари! – воскликнула она.

Келс бросил на нее гордый и печальный взгляд.

– Вы храбрая... Ах, я так любил тебя, девушка!.. Но теперь уже поздно говорить об этом... Если что со мной слу-

чится, вы держитесь возле Клэва, мне кажется, вы можете положиться на него. Ну, идемте!

И с этими словами он вышел из хижины. Жанне пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Кругом не было видно ни души. Они прошли больше ста метров, когда, наконец, Джим показался позади них. Он бежал со всех ног и около первых палаток лагеря догнал их.

– Джим, у тебя есть оружие? – спросил бандит.

– Два револьвера, – ответил Джим.

– Это хорошо. Никогда не знаешь, что может случиться...

Знаешь, я очень боюсь моей банды, они все такие отчаянные. Не правда ли?

– Не знаю. Трудно сказать.

– Но те там не поймают нас. Ты не бойся. Никогда, никогда не сплотиться опять моим ребятам. – Келс говорил тихо и меланхолично. – Пойдемте медленнее, – сказал он. – Избегайте обращать на себя внимание... Джим, верно ли я тебя понял с этой историей из-за Грида?

– Конечно! Я просто струсил.

– Теперь это безразлично.

И он сразу же забыл этот разговор. Бросая по сторонам острые, испытующие взгляды, он шел все прямо, как вдруг, заглянув за угол улицы и скрипнув зубами, остановился. Хриплый вой огромной толпы и туча мелькающих в воздухе кулаков заставили Жанну сильно вздрогнуть. Она крепко уцепилась за руки своих провожатых. Пестрая толпа, жадно

вытягивая шеи, повлекла их за собой. Вокруг Жанны загудел рой голосов. Минуту спустя Келс, Джим и Жанна оказались плотно прижатыми друг к другу. Рука Джима крепко обхватила Жанну. Толпа все прибывала. Спустя немного Жанна увидела громадного Гульдена и длинноногого Оливера; рядом стояли Смит, Бликки, Бирд, Джонс, Вильямс, Бад и другие бандиты. Такие же группы стояли кругом сотнями. Все они шептались между собой и глядели в одном направлении.

Высоко вздымаясь над этой волнующейся массой, стояло жуткое, странное сооружение из свежеспиленных бревен. На одной из платформ находились одетые во все черное люди. Их неподвижность особенно подчеркивалась судорожно скрючившимся и раскачивающимся на веревке предметом. Болтаясь в воздухе, этот предмет постоянно вытягивался, и движения его делались все медленнее и медленнее. Наконец, он принял отчетливую форму повисшего на веревке человека. Его голова свесилась вперед, руки с силой ударяли по воздуху. Мелкая дрожь пробежала по его телу; он утих, став снова медленно качающимся взад и вперед черным предметом.

Глаза Жанны застыли от ужаса. Мучительная боль сжала грудь.

Кругом виселицы стояли такие же вооруженные люди с масками на лицах. Беспощадные каратели уже успели повесить двух бандитов. Но двое других еще стояли тут же со связанными за спиной руками, и перед лицом каждого бол-

талась петля. Жанна узнала Французика и Техасца. Когда повешенный затих, толпа издала мощный, глубокий вздох, и затем снова наступило молчание.

Замаскированный председатель карательной комиссии обратился к Техасцу:

– Мы отпустим тебя, если ты признаешься. Кто предводитель «Пограничного легиона»?

– Кто? Само собой, Рыжий Пирс... Ха!.. Ха!.. Ха!..

– Повторяю, мы даем тебе шанс, – последовал неумолимый ответ.

Техасец вдруг стал серьезен.

– Клянусь Богом, нашим вожаком был только Рыжий Пирс, – мрачно сказал он.

– Ложь не спасет вас от петли. Говорите правду, слышите? Мы знаем почти всю шайку, и нам необходимы только доказательства. Торопитесь.

– Пошли к чертям! – ответил Техасец.

Председатель махнул рукой, и двое замаскированных подошли к Техасцу.

– Не хочется ли вам передать что-нибудь?

– Нет.

– Никакой просьбы больше?

– Повесьте этого француза раньше меня. Мне хочется посмотреть, как он будет болтаться.

Больше не было произнесено ни единого слова. Подошедшие люди надели петлю на шею осужденного. Техасец от-

казался от черного капюшона. Он не стал дожидаться, пока платформа выскользнет из-под ног, и сам быстро шагнул в пространство... И снова по толпе пронесся глубокий сердитый гул. Жанна чувствовала сильное волнение толпы, хотя стоящие возле нее были неподвижны, как камни. Она с усилием открыла глаза, боясь увидеть болтающегося Техасца, но его тело висело неподвижно. Очевидно, смерть наступила мгновенно. Даже перед своей позорной смертью он остался храбрым и верным. Нередко перекидывался он с Жанной добрым словом. Кто знает, что привело его в шайку Келса?

Наконец судьи притащили обезумевшего от страха Французика. Он не мог стоять без поддержки... Надев ему на шею петлю, палачи стащили его с платформы и затем снова поставили на ноги. Он громко закричал от ужаса. Чтобы прекратить его вопли, они снова приподняли его на воздух. На этот раз он на несколько секунд дольше провисел в петле. Лицо его почернело, и глаза выступили из орбит, грудь высоко вздымалась, тщетно лова воздух, ноги работали с плавностью игрушечного паяца. Тогда, опустив его на ноги, палачи ослабили петлю на шее. Его пытали для того, чтобы вырвать признание. Веревка почти задушила его, и прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя. Очнувшись, он с трусливым ужасом отшатнулся от болтавшейся перед ним петли.

Судья молча помахал ею перед его носом и пальцем указал на троих мертвых бандитов.

С пеной у рта Французик принялся что-то кричать на своем родном языке.

Толпа, как один человек, шагнула вперед и замерла в напряженном молчании.

– Говорите по-английски, – приказал судья.

– Я все скажу! Я все скажу вам!

В эту минуту Жанна почувствовала, как рука Келса рванулась вперед. В глаза ей ударил ослепительно яркий синий свет, и грянувший выстрел почти оглушил ее. Горячий порошок опалил ей щеку. Французик вдруг быстро согнулся и рухнул с платформы.

Одно мгновение царила мертвая тишина, и, казалось, все окаменели от неожиданности. Но затем раздался хриплый рев тысячной толпы и топот бесчисленных ног. В следующую секунду разразился суший ад. Чудовищная масса бросилась в разные стороны. Жанна почувствовала, как рука Джима крепко обхватила ее, и волна кричащих, борющихся мужчин куда-то понесла их. Мельком она успела заметить мрачное лицо Келса и гигантскую фигуру Гульдена, боровшегося с истинной силой Геркулеса. Обезумевшие от ярости люди дрались, как дикари, и лезли туда, откуда послышался выстрел, но, пробившись, они не знали, кого им хватать. В этой внезапной панике вся банда Келса была моментально разбита и разогнана в разные концы.

Долгое время ноги Жанны не касались земли. Но несмотря на дерущихся и напиравших людей, она все время чув-

ствовала на себе руку Джима и, в свою очередь, тоже из последних сил уцепилась за него. Внезапно толкотня и пинки прекратились. Поддерживаемая Джимом, она взобралась на откос, и глазам их представилось странное зрелище. Виселица была окутана густым облаком пыли, группа председательствовавших с револьверами в руках, насторожившись, стояла возле нее, не зная, кого ей следует ожидать здесь. В воздухе мерно покачивались мертвецы, а вдали неслась громадная перепуганная толпа. Выстрел Келса создал страшную панику. Ни один из золотоискателей больше не знал, кто принадлежал к судьям, кто к бандитам. Решительно каждый ожидал страшной, кровавой расправы и, не доверяя своему соседу, в паническом ужасе стремился укрыться куда-нибудь.

Прижавшись к Джиму, Жанна долгое время не проронила ни одного слова. Оба они напряженно прислушивались. Некоторые честные золотоискатели вернулись обратно к эшафоту, где стояла тесная группа членов карательной комиссии, и постепенно воздух снова наполнился гулом взволнованных голосов.

– Ну и здорово! – прошептал Джим, все еще не веря происшедшему.

– Он был ужасен, – шепнула в ответ Жанна.

– Про кого ты говоришь?

– Про Келса.

– Да, если хочешь, ужасен, но я бы сказал – грандиозен. Эдакая отвага! Десятки судей и тысячи золотоискателей кру-

гом, и он все-таки бросил им вызов. Но он знал, что произойдет после его выстрела.

– Нет. Он вовсе и не думал об этом, – серьезно заявила Жанна. – Я чувствовала, как он дрожал. Я видела его лицо... О! На первом плане у него была только мысль о гибели собственной власти, и уже на втором – предательство Французика. Мне кажется, что этот выстрел означает скорее отчаяние и слабость Келса... Он больше не может владеть собой, хотя бы в его револьвере была всего-навсего одна пуля.

Джим посмотрел на Жанну, как будто ее слова были настолько же убедительны, как и непонятны.

– Ну что ж! Во всяком случае выстрел был дан вовремя, как для него, так и для нас, – ответил он нерешительно.

– А как ты думаешь, удалось ему уйти или нет? – боязливо спросила Жанна.

– Конечно. Они спаслись все до одного.

– Если бы люди Келса были послушны и верны ему, он никогда бы не погиб.

– Похоже на то, что ты жалеешь об этом.

– О, мне очень стыдно... я не хотела именно так выразить свою мысль. Я не знаю... но мне ужасно жаль Келса. Мне пришлось столько перенести из-за него, выстрадать... Моя судьба была так тесно связана с его, да и не только это! Обе наши с тобой жизни целиком зависели от него.

– Я понял тебя, дорогая, – серьезно сказал Джим.

– Но что нам-то делать теперь? Какое все-таки странное

чувство – свобода.

– Да, надо подумать.

Долгое время они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Жанна пробовала придумать что-нибудь, однако ее разум не поддавался. Оба они были словно оглушены.

К заходу солнца волнение золотоискателей улеглось. Исчезли и замаскированные судьи, и только кучка любопытных все еще толпилась возле виселицы с ее черными покачивавшимися жертвами. Жанна заметила, что судьи также повесили в петлю и изменника Француза. Полные презрения, они повесили его уже трупом. Что могло, быть более ужасно, чем эти четыре темные, расхлябанные фигуры? Лежащий на земле мертвец все-таки еще сохраняет достоинство смерти. Здесь же была отнята не только жизнь, но также и величие смерти, и перед глазами предстал обнаженный ужас.

– Жанна, мы должны покинуть Олдер-Крик, – вдруг решительно заявил Клэв. – Неизвестно, что еще вздумают затеять эти головорезы. Гульден, например.

– Пойдем пешком. Если мы купим лошадей или будем ждать почтовую карету, то нам придется вести разговоры с разными людьми, а я страшно боюсь...

– Но, голубок милый, повсюду рассеяны бандиты. Разбойниками кишат все леса, все тропинки, и где бы мы ни были, нас все равно, ожидает опасность.

– Мы будем идти ночью и отдыхать днем.

– Невозможно! Такое расстояние – и ни капли провианта.

– Ну, пройдем хоть часть пути.

– Нет. Мы возьмем два места в Баннек. Если в фуре будет много народу, то ей дадут вооруженный конвой. Но надо узнать, когда она поедет. Пойдем сейчас в лагерь.

Тем временем наступила ночь, и отдельные огни замелькали в темноте. Чем дальше они шли, тем больше встречали людей. Темнота подбадривала всех. Снова засияли шумные игорные дома и кабаки. Беззаботный Олдер-Крик вернулся к своей прежней разгульной жизни. Почтовая контора находилась сразу за «Последним самородком». В палатке хмуро горела желтая лампа. Подойдя к конторке, Джим прямо обратился к сидевшему за ней человеку.

– Скажите, когда отходит почтовая карета в Баннек?

– Когда мы отошлем ее, – грубо ответил человек, поднимая свои острые глаза на Джима.

– Ну, а когда это будет?

– Вас это не касается.

– Но я хочу купить два места.

– А, это другое дело! Подойдите ближе и дайте-ка взглянуть на себя... Го-го-го! Да никак это молодой Клэв. Я совершенно не узнал вас. Мы за эти дни стали немножко придирчивы.

Лицо человека просияло. Сердце Жанны перестало отчаянно колотиться. Она видела, как Джим положил на конторку мешочек с золотым песком и агент отвесил стоимость билетов. Прижав руку Жанны к груди, Джим поспешно вывел

ее из палатки.

– Все в порядке, – взволнованно прошептал он. – Карета отходит на рассвете, обычно же она шла в полдень. Они хотят хорошо вооружить ее.

– Неужели ожидается нападение?

– Агент ничего не сказал мне об этом. Но все возможно...

Будем надеяться, что ничего не случится.

– А что мы будем делать до рассвета?

И Жанна остановилась посреди улицы.

– В самом деле, что нам делать? Знаешь, пойдем и поедем чего-нибудь.

Он повел ее в маленький тexasский кабачок.

Жанна и Джим оказались единственными посетителями.

Расторопный мексиканец подал опрятный и сытный ужин.

– Будем надеяться, что все обойдется благополучно, – сказал Джим, глядя ее по руке. Он с робкой нежностью во взгляде нагнулся к ней и прошептал: – Ты не забыла? Ведь мы муж и жена, и это первый ужин в нашем медовом месяце.

– Джим! – прошептала Жанна, и щеки ее ярко запылали.

– Ты моя красавица... Но ты не девушка сейчас, а Денди Дейлс.

– О, не называй меня так.

– Не все ли равно? Ты моя, у меня масса золота, разве все это не похоже на чудный сон?

Жанна улыбалась, и ее строгий тон не удался ей.

– Сперва скрой меня и свои деньги, а потом уже кукаре-

кай, – смеясь, сказала она.

Выйдя на улицу, они принялись совещаться, где бы им переночевать. Наконец Джим решил отвести ее к своему постоянному месту ночлега.

– Здесь я всегда спал, – прошептал он, указывая на узкую нишу в скале. Закутавшись в одеяла, они прислонились к ней, и Жанна положила ему на плечо свою голову.

– Ты не озябнешь? – спросила она. – Ведь ты отдал мне все свои вещи.

Он засмеялся.

– Спи теперь. Ты измучилась, и тебе нужен покой.

– Джим, поцелуй меня.

Он нагнулся к ней и порывисто поцеловал. Это удивило ее. На мгновение его голова заслонила яркое сияние звезд. Она чувствовала, как он дрожит. Затем, стремительно поцеловав ее в щеку, он почти оттолкнул ее от себя. Жанна опять удивилась. Как все было странно! Она видела его лицо, освещенное звездным сиянием, и оно показалось ей мужественным, страстным и прекрасным. Постепенно она согрелась, ее мускулы ослабли, но сон все еще бежал от ее глаз. Где-то теперь Келс? Острая боль внезапно пронизала ей сердце. Ей было жаль его. Где он со своей разбитой надеждой и глубокой горечью? Как жутко было сознаться, что она обладала такой странной властью над ним, могла пробуждать лучшую сторону его души и не сделала этого до конца. Как страшно было подумать, что теперь он опять начнет проливать кровь,

тогда как она могла удержать его от этого и спасти столько бедных золотоискателей, у которых, может быть, имеются где-то матери и любимые женщины... Но все напрасно – она любит Джима. Собою она, может быть, и пожертвовала бы, но его она не отдаст ни за бандитов, ни за тысячу честнейших в мире золотоискателей. В этот момент Жанна поняла, что этот кошмар будет мучить ее всю жизнь и никогда ей не отделаться от острой боли при мысли о Келсе. Никогда она не заснет без того, чтобы не увидеть его то мрачного и угрожающего, то нежного и тоскливо-безнадежного лица.

Глава XVIII

Проснувшись, Жанна подумала, что она едва успела закрыть глаза. Однако рассвет приближался. Джим нежно трепал ее по щеке, стараясь окончательно разбудить.

– Давай трогаться из этого укрытия, – сказал он.

Осторожно пробравшись между обломками глыб, они быстро сбежали вниз под откос. Внезапно из-за угла улицы, вернее, из серого утреннего мрака, вынырнула большая карета, запряженная несколькими парами лошадей.

Джим побежал еще быстрее, и вскоре они настигли карету. Кучер высоко восседал на козлах, держа в руках вожжи и длинный кнут. Возле него сидело двое людей с винтовками. Дверь кареты была закрыта. В глубине виднелись силуэты пассажиров. Из окна была видна голова мужчины, рядом с ним торчал ствол винтовки. Он тихо переговаривался с кучером.

– Хэлло, Клэв! Поздненько же вы! – воскликнул третий мужчина, очевидно вчерашний агент. – Садитесь скорей. Когда вернетесь обратно?

– Еще не знаю, – ответил Джим.

– Ну, счастливого пути. – И он запер дверь за Джимом и Жанной.

– Трогай, Билл!

Карета тронулась. «Что за жуткий скрип и стоны издает

этот ящик!» – подумала Жанна. Джим радостно сжал ее руку. Наконец-то они в дороге.

Обоим молодоженам досталась совершенно отдельная скамейка. Напротив них сидело трое мужчин, по виду конвоиры, ибо они беспрестанно высовывались из окна и оглядывали местность. Немного дальше сидели сонный, равнодушный, бородатый золотоискатель и молодой человек, своим свежим видом совершенно не походивший на тип обычного золотоискателя. Ни один из них не обратил на Джима и Жанну особого внимания. Улица круто подымалась в гору, и кучер Билл подстегивал свою шестерку. Расхлябанная карета, казалось, от одного только скрипа и треска вот-вот развалится на куски. Временами она так сильно подпрыгивала, что Жанне приходилось крепко держаться, чтобы не свалиться со скамейки. А когда карета скатилась в речку и запрыгала по громадным валунам, то Жанна твердо решила, что все кости ее тела уже трижды переломаны. Этим переездом через реку заканчивалось ущелье, и на другом берегу шла совершенно ровная и гладкая дорога.

Наступил день, и вышедшее солнце наполнило долину мягким красноватым светом. В карете вдруг стало светло, но, кроме молодого человека, на Жанну никто больше не взглянул. Но и этот юноша тотчас же погрузился в какие-то грустные мысли. Он выглядел озабоченным и бедным.

Время быстро летело. Езда сделалась утомительной и монотонной. Вместе с солнечным светом появились мухи и

пыль, раздражавшие Жанну. Ее обычное ровное самочувствие нарушилось, и с каждой новой милей возрастала нервозность. Прислонившись к стенке, она устало закрыла глаза. Карета со скрипом катилась все дальше.

Вдруг раздались отчаянные ружейные выстрелы. С громким треском отскакивали щепки от стен кареты. Хриплые крики смешались с громким предсмертным ржанием раненой лошади. Внезапно карета с грохотом остановилась. По крыше барабанили тяжелые винтовки.

Джим громко закричал и повалил Жанну на пол. Один из убитых конвоиров свалился ей на колени. Ужас почти лишил ее сознания.

Неравномерный залп со стороны заставил умолкнуть треск винтовок на крыше кареты.

– Джесси Смит! Стой! – звенящим голосом крикнул Джим.

– Стоп, Биди! – ответил хриплый бас. – Черт меня побери, если это не голос Джима Клэва.

– Го-го-го! Гуль! – завопил еще кто-то, и Жанна узнала Бликки.

Джим приподнял голову Жанны. От ужаса он был бел как полотно.

– Любимая... ты... ты... ранена?

– Нет. Я только страшно испугалась.

Выглянув из окна, Жанна увидела толпу бандитов, собравшихся вокруг кареты. Некоторые из них были на лоша-

дах, другие просто стояли около. У каждого из них было в руках ружье. Открыв дверь, Джим помог Жанне сойти на землю. Ей пришлось переступить через труп конвоира. Бородач-золотоискатель и печальный юноша забились в угол кареты.

– Никак Джим Клэв и девочка Келса, или Денди Дейлс! – вскричал Джесси Смит. – Ну, ребята, это что-нибудь да значит... Послушай, мальчуган, надеюсь, ни ты, ни твоя спутница не ранены?

– Нет, но для чего вам понадобилось набивать этот ящик оловом?

– Черт знает что такое! – сказал Смит. – Келс посылает тебя в той карете, которую велит нам разграбить. Он и не пикнул нам о том, что ты будешь торчать в ней... Где и когда ты расстался с ним?

– Вчера вечером в лагере, поблизости от нашего блокгауза, – быстро ответил Джим. – Келс поручил мне Денди Дейлса и сказал, чтобы мы сели сегодня утром в карету. Я думал, что он тоже будет среди пассажиров или же выедет к нам навстречу.

– Ты не получал он него никаких приказаний?

– Ничего больше, кроме того, чтобы я стерег девушку до его прихода. Но он дал мне понять, что он имеет многое сообщить нам.

Ничего не понимая, Джесси Смит перевел взгляд с Клэва на Бликки и затем на Гульдена, медленно приближавшего-

ся к ним. Волосы этого колосса были растрепаны, в руке он держал громадный револьвер. Жанна проследила за взглядом его громадных свирепых глаз и увидела мертвого кучера, свесившегося с козел, и позади него – оба труп конвоиров. Одна из лошадей, запутавшись в постромках, лежала неподвижно, остальные пугливо обнюхивали мертвое животное.

– Есть там кто еще? – рявкнул Гульден и просунул револьвер в окно кареты. – Вылезайте! Живо!

Печальный молодой человек, в ужасе схватившись за голову, показался в дверях кареты. Он был смертельно бледен и едва держался на ногах. Гульден резко толкнул бородача-золотоискателя.

– Вылезай, слышал или нет?

Несчастный продолжал сидеть, низко согнувшись и хрипя.

– А-а! Что, получил, голубчик? – сказал Джесси Смит. – Но он все еще спит. Слышишь, Гуль?.. Сопит, как больная кобыла.

Вытянув свою громадную жилистую руку, Гульден одним взмахом выволок золотоискателя наружу. Громко застонав, несчастный упал на землю. Его шея и руки были в крови. Гульден принялся срывать с него одежду и наконец торжествующе замахал над своей головой большим черным поясом, туго набитым золотом.

– Га!.. – взревел он и протянул пояс стоявшему рядом и

алчно ухмылявшемуся Бадю. Затем повернулся к бледному юноше.

– Золото есть?

– Нет, я не искал его... – хрипло ответил тот.

Гульден быстро обшарил и похлопал по его карманам.

– Повернись! – приказал он.

– Ах, Гуль, отпусти его! – недовольно вскричал Джесси Смит.

Бликки положил свою руку на широкую спину Гульдена.

– Повернись! – повторил верзила, не обращая внимания на своих товарищей.

Зеленоватая бледность покрыла лицо юноши.

– Ради бога... не убивайте меня! – прошептал он хрипло. – У меня ничего нет – ни золота... ни револьвера...

Гульден так сильно дернул его, что тот несколько раз перевернулся. Толкая его перед собой, он отошел на несколько шагов; вдруг юноша повернулся и упал на колени.

– Не... не убивайте меня... – взмолился он.

Внезапно Жанна заметила, как мускулы Джима напряглись и рука его быстро скользнула к револьверу. В эту страшную минуту она думала только о его безопасности и что было силы схватила его за руку. Они должны терпеть...

Остальные бандиты недовольно ворчали, однако ни один из них не шевельнулся.

Гульден поднял свой громадный револьвер. Волосы на его голове встали дыбом, глаза светились безумием, и вся ги-

гантская фигура дрожала...

– Дайте мне... помолиться... – пробормотал оледеневший от страха несчастный мальчик.

Жанна не упала в обморок, но страшная слабость охватила ее.

– Гуль! Черт тебя подери! – вдруг с яростью заорал Бликки. – Я не могу допустить, чтобы ты убил этого мальчугана. Это совершенно бессмысленно. Беги, мальчик, беги! – И Бликки с силой уцепился за руку громадного Гульдена. Бледный юноша со всех ног пустился бежать вдоль дороги. Радости Жанны не было границ. Прислонившись к Джиму, она старалась овладеть собой. Внезапно ее взгляд упал на хрипевшего золотоискателя. Быстро нагнувшись, она приподняла его голову и приказала Джиму подать флягу с водой. Однако несчастный бородач уже не мог сделать ни глотка и тут же скончался.

С помутневшим взглядом поднялась Жанна и, поддерживаемая Джимом, еле-еле добрела до первого поворота. Бандиты же лихорадочно заработали. Бликки и Смит перерезали всю упряжь и вывели лошадей; Биди Джонс, словно вампир, обшаривал трупы. Трое бандитов, которых Жанна знала только по виду, собирали оружие; Бад с выжидательной усмешкой стоял возле кареты и смотрел, как Гульден с ловкостью истинной гориллы карабкался на крышу. Внезапно из-под кучерских козел он вытащил довольно объемистый кожаный мешок и бросил его вниз. Бад хотел поймать его, но

чуть не свалился с ног, получив сильный удар. Прижав его к груди, он завыл, как индеец. Все бандиты бросились к нему, громко вопя от радости. Вдруг Гульден вытащил второй такой же мешок и потряс им над своей головой. Дюжина жадных рук протянулась к нему. Едва мешок полетел вниз, как произошла дикая свалка, но это была только забава, только дикий восторг и дружеская возня. Бликки удалось отвоевать мешок, и, громко захохотав, он поднял его над головой. Достав еще десятка два маленьких мешочков, Гульден красноречиво поставил их перед собой. Стоявшие внизу бандиты подняли протестующий вопль. Наконец, колоссальная фигура Гульдена перегнулась через козлы и шарившая рука наткнулась на какой-то большой предмет. Лицо его вдруг побогрело, и, задержавшись на мгновение, он медленно оглядел своих товарищей. В его громадных, глубоко запавших глазах отразилась внезапная настороженность и нерешительность. Казалось, он готов был отдать все в мире, лишь бы только быть одному и не видеть этой нетерпеливо ожидавшей банды. Но, пробормотав какое-то проклятье, свирепо напрягся и вытащил громадных размеров крепко увязанный кожаный мешок, сплошь увешанный печатями, шнурками и квитанциями.

– Сто фунтов!.. – заревел он.

Жанне показалось, будто целая свора воющих дьяволов внезапно бросилась карабкаться на карету, где стоял их главный – громадный, страшный дьявол и яростно отпихивал их

ногами.

– Всем поровну! – грозно гремел он. – Будете ли вы, дурачье, наконец, вести себя спокойно и ждать, пока мы будем в безопасности?

– Ну, конечно, Гуль! – воскликнул Бад.

– Вот так добыча! – крикнул Бликки. – Хозяин правильно сказал. Странно только, почему он не показывается.

– Куда мы отправимся, ребята? – спросил Гульден.

Некоторые из бандитов высказались за Кэбин-Галч. Гульдену не особенно понравился выбор, однако он согласился.

– Хорошо! Кэбин-Галч так Кэбин-Галч. Но никто, кроме нас и Келса, ничего не получит от этой добычи.

Вскоре все было готово к отъезду. Гульден настоял на том, чтобы все золото было сложено только на его лошадь. Он точно осатанел и ни разу не взглянул на Жанну. Джесси Смит следил за работой других и отдавал приказания. Одну из лошадей предоставили Джиму. С рыцарской вежливостью Бликки уступил свою лошадь Жанне и галантно укоротил стремяна, когда они оказались слишком большими для ее ног.

Гульден страшно торопил всех и дважды чуть было не ускакал вперед, если бы его нетерпеливо не окликнули. Джесси Смит оглядывал всех с видом генерала.

– Ну и стошнит же их там, когда они узнают о нашей проделке! – заметил он.

– А что думает Келс? – резко спросил Бликки.

– Ничего для Келса! Он не присутствовал при захвате кареты, – заявил Бад.

Бликки мрачно посмотрел на него, но не проронил ни одного слова.

– Знаешь, Бликки, и у меня никак не укладывается в голове вся эта история, – заметил Смит.

– Спроси-ка Джима. Может быть, он теперь сообщит нам что-нибудь более подробное.

– Охотно, – ответил Джим с готовностью, – но я не могу вам ничего сказать больше того, что сказал раньше. Догадываюсь же о многом. Без сомнения, только Келс мог проследить за этим колоссальным скопищем золота, но почему-то послал меня в этой же карете. Он обещал дать мне потом более подробные указания, что я должен делать, однако больше я его не видел. По-видимому, он решил, что может положиться на вас. Это так же верно, как и то, что он хотел вовремя попасть сюда. Вероятно, он скоро будет здесь.

Выдумка Джима показалась Жанне нелогичной и весьма необидительной, однако бандиты охотно поверили в нее.

– Вперед! – заорал Гульден. – Вы приросли здесь, что ли?

Ни разу не взглянув на страшные остатки разрушенной ими кареты, бандиты выстроились в линию и двинулись следом за Джесси Смитом. Свернув с дороги, кавалькада поеха-

ла по обмелевшему дну ручья. За Смитом ехал Гульден, а позади него – Биди Джонс. Жанна и Джим ехали почти вплотную друг к другу. Улучив минуту, Джим нагнулся к ее уху и прошептал:

– Жанна, как только представится возможность, мы вырвемся...

– Нет... Гульден! – и прежде чем произнести имя чудовища, Жанна провела языком по пересохшим губам.

– Ах, он и не вспомнит о тебе, пока у него столько золота. Но болезненный ужас перед Гульденом оказался сильнее разума Жанны.

– Келс моя единственная надежда... Если он скоро не примкнет к нам, то тогда попробуем бежать... И если не удастся спастись от... от... – она с содроганием указала вперед, – то убей меня прежде... прежде, чем...

– Будь спокойна, – ответил Джим, стиснув зубы.

И они ехали все дальше и дальше, склонив свои мрачные лица над мутной и грязной водой, где скрывались предательские камни.

Ни лошадей, ни людей Джесси Смит не шадил. Выехав из ручья, они стали взбираться на гладкую, скользкую гору. Смит умел превосходно выбирать место, где можно было ехать скорее и где не оставалось никаких следов. Ни на секунду не замедлился ход его лошади.

Сначала эта езда была для Жанны сплошным напряжением, а затем превратилась в сущую пытку. Бандиты же, не от-

дыхая, ехали вперед. Неутомимый Смит только подгонял их. Солнце село, затем спустились сумерки, и, наконец, настала ночь, а кавалькада все еще ехала и ехала. Но в ту минуту, когда Жанна была уже готова упасть в обморок, Джесси Смит громко приказал всем остановиться. Джим бережно снял ее с лошади и уложил на траву.

– Пить! – прошептала Жанна и жадно припала к фляжке с водой. В ушах стоял тяжелый, глухой шум, и голова была будто стянута твердым обручем. Словно сквозь сон слышала она треск громадного костра и громкие голоса шнырявших взад и вперед бандитов. Постепенно все звуки уплыли куда-то вдаль, и измученная девушка уснула.

К утру ее голова прояснилась, и если бы не ноющее тело, то Жанна прекрасно бы себя чувствовала. Наскоро закусив, бандиты принялись собираться в дорогу. Гульден пылал жаждой движения. Жадным скрягой сторожил он тюк с золотом, и его товарищи проявляли почти такое же нетерпение. Все они жаждали только одного – дележа.

С восходом солнца кавалькада двинулась дальше. Выехав из лабиринта скал, ущелий и обрывов, Смит повернул к зеленым долинам. Сидевшему без седла на своей хромой кобыле Джиму было далеко не легко поспевать за ними, однако он всю дорогу ехал возле Жанны. Изредка перекидывались они парой слов, да и только о том, как бы ловчее поспеть им за этим сумасшедшим бандитом Смитом. Жанна чувствовала себя гораздо крепче. Только теперь узнала она, как мно-

гое могла вынести и как окрепла ее стройная фигура. Милую за милей длилась эта бесконечная езда, и, казалось, никогда не будет ей конца. Но неожиданно неутомимый Смит остановил свою лошадь, и еще до наступления темноты бандиты расположились на отдых.

Еды было немного, но разбойники не унывали и весело обсуждали долгожданное «завтра». Некоторые, чтобы сократить время, отказались от своих трубок и улеглись спать. И только один Гульден, не смыкая глаз, сторожил золото.

Красным светом залило солнце долину Кэбин-Галча. Па-сущиеся бараны и овцы испуганно глазели на проезжавшую мимо кавалькаду. Роса дрожала в чашечках цветов, и птицы, весело порхая, пролетали над быстрыми, кристально чистыми ручьями. Смеющееся утро встало над Кэбин-Галчем. Жанна вспоминала, как она разъезжала по этим полянкам. С какой сладостной дрожью приветствовала она лесок, где впервые заговорила с Джимом. Как много здесь происходило, и что-то еще ждет их впереди!

Внезапно ее сердце сильно забилося. Громкий, ясный призыв пронесся по поляне. На верхушке холма, подняв руку, весь в черном, стройный и властный, стоял Келс, атаман Пограничного легиона.

Глава XIX

Усталая и запыленная кавалькада остановилась перед террасой. Гульден громко приветствовал Келса, и все бандиты единодушно присоединились к нему. Окрыленные своей удачей, они все еще видели в Келсе своего атамана. Однако Келс не льстил себе напрасно. Он равнодушно прошел мимо тяжело нагруженной золотом лошади. Его глаза видели только Жанну.

– Девушка! Еще никогда меня так не радовал ни один человек! – воскликнул он взволнованно. – Как это случилось? Я никогда больше не надеялся...

Джим нагнулся ближе, чтобы вовремя перебить его.

– Келс, это была грандиознейшая идея с твоей стороны посадить нас в ту карету, которую ты велел разграбить им, – сказал он, выразительно смотря ему в глаза, – но мы едва-едва остались целы. Как я ни ждал тебя, ты больше не пришел. Ребята не знали о том, что мы сидим в карете, и принялись начинать ее оловом.

– Ага! Так вот как все сложилось, – медленно ответил Келс. – Но, Джим, самое главное ты сделал для меня – привез мне девушку. Я в большом долгу перед тобой, Джим.

– Сочтемся как-нибудь, – со смехом сказал Джим, слезая с лошади.

Внезапно Келс заметил, что несчастная Жанна совершен-

но падает от усталости.

– Жанна, милая, вы не ранены? – испуганно спросил он.

– Нет, я только страшно устала.

– Вижу, вижу! Идите ко мне! – И, заботливо сняв ее с седла, он почти донес ее на руках в ее прежнюю комнатку. Как все ей было знакомо здесь! Прошмыгнувшая по балкам белка приветливо фыркнула на нее. Ничего не изменилось с тех пор в этом уголке.

Келс несколько секунд держал Жанну в своих объятиях и хотел было прижать к себе, но не сделал этого.

– Как я рад вас видеть, Жанна. Я больше не надеялся на это... Но вы сперва отдохнете, а потом я приду и вы все расскажете... Я только что завтракал, не хотите ли, чтобы я чего-нибудь достал для вас?

– Вы были здесь один? – спросила Жанна.

– Да. Бейд и Красавчик...

– Гей! Келс! – внезапно рывкнула банда в соседней комнате.

Келс откинул край завесы, и Жанна увидела разбойников, окружавших стол, сплошь заваленный мешками золота.

Келс тихо присвистнул.

– Жанна, – сказал он, – сейчас начнется перепалка, но вы не бойтесь, я не забуду про вас.

Но несмотря на искренность его слов, она почувствовала, как вид золота сразу же повлиял на него. Прежний ужас охватил ее душу. Едва Келс вышел, как она принялась под-

слушивать.

– Всем поровну! – гудел гигант Гульден.

– Э, ребятки! – весело сказал Келс, – а не лучше ли вам сперва покушать?

Насмешки посыпались ему в ответ.

– Я нажрусь золота и буду сыт, – прибавил Бад.

– Ну, как хотите! – ответил Келс. – Бликки, достань со стены весы и принеси... Ну, кто пойдет против того, что к вечеру я отыграю большую часть золота?

И снова насмешки были ему ответом.

– Какой дурак захочет сейчас играть?

– Эй, хозяин, я держу пари за тебя.

– Ха-ха-ха! Смотри, запоешь иначе к заходу солнца.

Затем настала тишина, прерываемая металлическим позвякиванием весов.

– Черт бы тебя побрал, хозяин, откуда ты только узнал об этой куче золота? – спросил Джесси Смит.

– Шпионил. Красавчик был вместе со мной.

– Надо выпить за здоровье Красавчика! – воскликнул один из бандитов.

– А кто отослал почту? – еще раз спросил любопытный Смит. – Все мешки с одним и тем же штемпелем.

– Они идут от одного человека, – ответил Келс. – Все золото проходит через старшину приисков Олдер-Крика. Люди называют его Оверленд. «Так-и-так».

Услышав это имя, Жанна даже привскочила. Густая крас-

ка залила ее лицо. Старого Билла Хоудли, ее дядю, всегда называли так. Неужели бандит говорил именно о нем? Вряд ли, это имя было довольно обычным в горах.

– Я очень часто видел этого Оверленда, – заметил Бад.

– Кто-то проболтался, что легион хочет поохотиться за его золотом, – продолжал Келс. – Я думаю, за это мы можем послать на небо благодарность Рыжему Пирсу. Однако эта история с золотом благополучно сошла для нас. Вероятно, суматоха возле виселицы здорово напугала Оверленда, ибо он решил со следующей же почтой отослать в Баннек свой золотой песок. И это удалось бы ему, не услышь Красавчик случайно этой новости.

Выглянув, Жанна заметила, что и Джим сильно заинтересован рассказом Келса. Однако ей все еще не верилось, чтобы этот Оверленд был ее дядей...

Наконец Келс уселся за стол, а Бликки встал возле него с весами в руках. Остальные бандиты выстроились в ряд. Джим Клэв отошел в сторону настороженным, сосредоточенным зрителем.

– Всего нам не взвесить на этих весах, – заметил Бликки.

– Ну, само собой, – ответил Келс. – Сначала мы поделим только маленькие мешки. Десять делений – десять равных частей... Вытряхивай мешки, Бликки, да поторапливайся... А не то Гульден задохнется от жадности... Пока мы будем делить золото, пусть кто-нибудь сготовит нам завтрак.

– Ха-ха-ха-ха!

– Го-го-го!

– Кто хочет есть?

Бандиты толкались, хохотали и радовались, словно школьники.

– Нет, уж я лучше посмотрю, как будут отвешивать мою часть, – протяжно заявил Бад.

Рука Келса вздрогнула, и, выхватив револьвер, он тяжело стукнул им по столу.

– Ты не доверяешь моей честности, Бад? – быстро и резко спросил бандит.

– Брось, хозяин, я просто сболтнул.

Это столкновение вызвало едва заметную перемену в настроении бандитов. Веселость и шутки прекратились. Гульден и его команда ближе подошли к столу. Лица сделались напряженными, хмурыми и подозрительными.

Келс скоро закончил раздел золота, высыпанного из маленьких мешков.

– Это тебе, Гульден, – сказал он и подал великану один из мешков. – Джесси... Боссирт... Пайк... Биди... Бриверман... Бликки.

– На, Джим, будь с нами заодно, – добавил он, бросая ему мешок. Джим нагнулся, чтобы поднять его.

– Теперь один для Красавчика и один для меня, – продолжал Келс. – Бликки, выверни большой мешок!

И внезапно глазам Жанны представилась громадная, хмуρο поблескивающая груда золота. Глаза бандитов загорелись

желтыми огнями. Казалось, будто какая-то угроза витала над их головами. Движения Келса сделались резкими и порывистыми. Большие капли пота выступили у него на лбу, руки задрожали.

Вскоре были поделены и большие мешки. Напряженность спала с лица бандитов. Однако они все еще не могли успокоиться и походили на свору ищеек. Вдруг Бликки перегнулся через стол и сильно стукнул кулаком.

– Хозяин, я что-то вспомнил, – сказал он.

– Ну, так валяй, – ответил атаман.

– Будет Гульден делить свой слиток?

– Да, если он честный парень.

Бандиты громкими криками поддержали замечание Келса. Гульден тяжелым шагом подошел ближе.

– А разве я не имею права по собственному усмотрению делать некоторые дела, если мне этого хочется? – спросил он.

– Нет. Я разрешил тебе только одно: убивать, когда тебе это захочется... Вот наше условие.

– А для чего убил я?

Никто не ответил ему.

– Я хорошо помню, что я сказал, и поэтому оставлю этот слиток у себя.

Одно мгновение царила угрожающая тишина.

– Вот как? Теперь его карты открылись, хозяин, и все, что ты велишь, будет исполнено! – раздраженно сказал Бликки.

– А, ну его! – презрительно ответил Келс. – Я отыграю

этот слиток у него и поделюсь с бандой.

Громкое «ура» было ответом на его слова, и только Гульден мрачно уставился в одну точку. Келс поднялся и своей красивой сильной рукой помахал у него под носом.

– Я выиграю твой слиток! – воскликнул он. – Говори, согласен ты или нет?

– Вперед! – вдруг взревел Гульден и со страшной силой швырнул золото об стол.

Бандиты, толкаясь и бранясь, старались отвоевать наиболее близкие места за столом.

– Я участвую в этой игре! – крикнул Бликки.

– Все мы примкнем к ней, – заявил Джесси Смит.

– Валяй! – согласился Гульден.

– Но невозможно же играть всем сразу, – запротестовал Келс. – Давайте разделимся на две партии.

– Нет!

– Ну, в таком случае, пока я буду грабить одних, другие пусть отправляются завтракать.

– Правильно сказано, «грабить», – многозначительно воскликнул Бад. – Ты очень точно стал выражаться, Келс. Мне кажется, что за этой игрой следует смотреть в оба.

– Это второй раз, Бад, – гневно и с угрозой ответил бандит. – Берегись третьего раза.

– Ребята! Тяните, кто будет сейчас играть и кто потом! – крикнул Бликки, швыряя на стол колоду карт.

С поспешностью, словно они тянули жребий на жизнь или

смерть, бандиты бросились к картам. Бад, Бриверман, Джесси Смит и Биди Джонс не оказались включенными в игру.

– Биди, вы можете распрячь лошадей и выгнать их пастись.

Бад сделал кислую физиономию, а оба других бандита вполне охотно отправились исполнять приказание. И игра началась; только один Клэв стоял в стороне. Все бандиты молчали; время от времени их руки протягивались над столом и фигуры настороженно высовывались вперед. Бликки сидел, словно околдованный, жадный и напряженный. Джесси Смит был холодным и хитрым игроком; Боссирт и Пайк – просто две сволочи, которых Жанна почти совсем не знала, совсем потеряли головы. Постепенно Келс превратился в странного, слабого, охваченного азартом человека; он всегда выглядел таким, когда садился играть в карты.

Вышедшие к лошадям бандиты вернулись, неся за собой тяжелые тюки. Порывисто вскочив, Бад подбежал к ним и вернулся к столу, держа в руках бутылку с виски.

– Виски! – воскликнул Келс. – Убери его! Мы не можем играть и пить в одно и то же время.

– А ты посмотри на меня! – ответил Бликки.

– Пусть их пьют себе, – заявил Гульден. – Тем скорее мы заберем их золото и тогда сыграем с тобой.

Келс не сказал больше ни слова. Игра продолжалась, и он становился совершенно другим человеком. И, сам того не замечая, начал пить. Страх Жанны увеличился. Она чувство-

вала надвигающуюся катастрофу. Что думал Джим в эту минуту? Вспомнив его лицо, она поняла, что он испытывает то же самое.

Пролежав долгое время на постели, Жанна все сильнее и сильнее ощущала какую-то странную тягу наблюдать за Келсом и Гульденом. Под конец эта потребность сделалась прямо невыносимой. Ее судьба и жизнь зависели от этих двух игравших мужчин.

Встав, она подошла к своему месту наблюдения, и то, что она увидела, наполнило ее внезапным ужасом. Почти незаметная и неуловимая перемена в Келсе теперь выделялась с резкой и устрашающей отчетливостью. Груды золота, равные шансы играющих и пьяная отравка в черных бутылках – все это превратило каждого бандита в игрушку его собственных диких страстей. Исключением являлся только Гульден. Он был таким же, как всегда. Но при взгляде на окружающих холод пробежал по телу Жанны. Келс был мертвенно бледен и восторжен. Нетрудно было понять, что он выигрывал. Бликки осатанел от злости. Джесси Смит выглядел еще мрачнее и свирепее, чем обычно, но его хладнокровие исчезло. Ненависть светилась во взгляде, которым он окидывал Келса, когда тот требовал от него золота. Биди Джонс и Бриверман чуть не падали в обморок от жгучего нетерпения в ожидании своей очереди. Бад тоже сидел за столом, и его лицо исказилось от какой-то внутренней страсти. Проигрывали Пайк и Боссирт; хмуро стоя в стороне, они следили за своим та-

ющим золотом с болезненной ревностью и злостью. Охваченный этой напряженной атмосферой, Джим стоял, нервно стиснув кулаки; его лицо побледнело, глаза сверкали. А игра продолжалась. С громким треском летели карты, кулаки яростно ударяли по столу, слышался глухой стук кожаных мешков с золотым песком, свирепые проклятья проигравших и грубые взрывы радости сгребавших золото счастливыхчиков.

Вдруг Бад вскочил, перегнувшись через стол, сжал дрожащими пальцами свои карты и с искаженным яростью лицом и горящими глазами уставился на Келса.

– Вот! – хрипло крикнул он, страстно швыряя ему свои карты.

– Ни к черту не годятся! – насмешливо ответил Келс. – Нет ли чего получше?

Бад низко наклонился, стараясь заглянуть в карты Келса. Затем, побелев, выпрямился и с ненавистью посмотрел на него.

– Ты разорил меня... Ограбил... у меня ничего больше нет! – с пеной у рта гаркнул он.

– Не было ничего легче добиться этого. Проваливай вон из игры! – с ликующим презрением ответил Келс. Его охватил не азарт, а страсть остаться победителем.

– Ты плутуешь! – вне себя крикнул Бад.

Это обвинение подействовало на окружающих, словно электрический удар. Глубокая тишина прерывалась тяже-

лым дыханием. Келс остался все таким же бледным и торжествующим.

– All right, Бад, – ответил он, но его тон не подходил к его странному взгляду. – Это было в третий раз!

Как удар молнии грянул выстрел. Бад повалился прямо на Гульдена, и тот одним движением руки отбросил в сторону смертельно раненного бандита. Тяжело грохнувшись на пол, Бад больше не шевельнулся.

– Дайте мне виски! – с хриплой дрожью в голосе приказал Келс. – И едемте дальше!

– Можно мне примкнуть теперь? – жадно спросил Биди Джонс.

– Нет, погоди еще, – ответил Гульден.

– Скоро Бликки ляжет на обе лопатки, – воскликнул Келс. Что-то насмешливое прозвучало в его голосе. Золото больше не интересовало его, он упивался самой борьбой.

– Хозяин, от одной крупницы счастья ты уже задрал нос, – с мрачной презрительностью вставил Джесси Смит. – Еще немного, и твое сердце провалится в твои штаны.

Золото кучами лежало на столе; оно было только средством для достижения цели. Оно было ничем.

– Гульден, перемени игру, как желают эти господа! – издавался Келс.

– Двойную ставку! Тяните! – загремел в ту же секунду гигант.

Выдержав еще несколько ходов, Бликки поднялся из-за

стола, проигравшись до копейки. Огорченный разбойник готов был пойти в эту минуту на всякую низость и преступление, но он молчал и только хмуро следил за всеми.

– Хозяин, не пора ли нам начинать? – осведомился Биди Джонс.

– Ой, Биди, никак тебе надоело твое золото? – ответил Келс. – Подожди, пока я оберу Гульдена и Джесси.

Счастье восстало против Смита. Сперва он проиграл Гульдону, затем Келсу и, наконец, поднялся, побежденный, но не надломленный. Он жадно схватил бутылку с виски.

– Ребята, мне кажется, что счастливой звезде Келса я гораздо лучше посодействую, если перестану сам играть, – сказал он.

Вождь бандитов посмотрел на него со сдержанным гневом, как будто насмешливое предсказание Смита о его провале уже давало себя чувствовать.

– Ко мне, друзья, ко мне, и посмотрите на настоящую игру, – сказал он.

В эту минуту у Келса было в два раза больше золота, чем у Гульдена. Громадная куча маленьких мешков лежала перед ним.

Бандиты расплачивались уже целыми мешками. Кто открывал самую большую карту, тот выигрывал. Первые четыре раза Келс выиграл. Его лицо сияло. Он проигрывал и снова брал свое назад. Все бандиты столпились вокруг игроков, но только Джонс и Бриверман проявляли еще преж-

нюю алчность. Все остальные молчали. В воздухе повисла гнетущая напряженность. Вдруг Гульден начал без перерыва выигрывать, и поза Келса изменилась. Было жутко смотреть, как слабел этот человек, как под ударами капризной фортуны он постепенно терял мужество. Наконец половина набранного им золота перешла к Гульдону. Гигант был по-прежнему неуязвим. Он принимал свои потери так же, как и свои выигрыши, – с полным равнодушием. Руки Келса тряслись, но Гульден оставался спокойным и уверенным. Келса тошнило от его способности одинаково принимать и победу и поражение.

Самообладание настоящего, большого игрока выражается не в терпеливом отношении к своим потерям, а наоборот, в редком даровании оставаться спокойным в минуту полной победы. Все ярче и ярче сказывалось, что Гульден был великим игроком, а Келс нет. Гигант-разбойник не обладал никакими чувствами, никакой фантазией. Келс же казался воплощением страстности, горячей надежды, отчаяния и злости. Эта игра решала многое. Презрительные взгляды людей Келса предсказывали характер ее конца. То и дело протягивалась рука Келса к бутылке с виски. Однажды с тихим проклятьем он швырнул ее через дверь на двор.

– Эге, хозяин, не пора ли тебе... – начал было Смит, но в ожидании чего-то еще лучшего умолк.

Судьба по-прежнему играла Келсом. Выиграв раза два, он снова просветлел. Однако в тот момент, когда с его лица уже

начали сбегать мрачные тени, петля снова затянулась у него на шее. Он терял, терял, и с каждым мешочком золотого песка убывала частица его мужества и самообладания. И когда перед ним осталось то количество золота, с которым он начал игру, его охватила та трусость, о которой ему говорил Джесси Смит. Попытка Келса взять себя в руки и под презрительными взглядами товарищей сохранить прежнюю мужественную выдержку, – сорвалась жалко и безнадежно. Всегда холодный и великолепный в своей безумной отваге, здесь он позорно провалился. То был человек, которому никогда не следовало садиться играть в карты.

В какие-нибудь десять минут он спустил свой выигрыш. Больше у него ничего не осталось.

Не будучи в силах оторваться, Жанна смотрела на него с жалостью и отвращением. Наступил жуткий момент. Келс неподвижно уставился на громадную кучу золота, лежавшую перед Гульденом. Мускулы его лица судорожно подергивались. Казалось, он все еще не понимал, что с ним произошло.

Гульден медленно поднялся и угрожающе наклонился над своим золотом. Гигант, никогда не проявлявший никаких чувств, теперь вдруг весь запылал от душившего его волнения.

– Еще одну партию! У кого окажется большая карта. Ставлю все мое золото! – рявкнул он.

Как один человек, вся шайка бандитов к столу шагнула и, затаив дыхание, замерла.

– Еще одну партию, – беззвучно произнес Келс. – Но что могу я поставить?

– Девушку!

Помертвевшая Жанна отшатнулась, и острая боль пронзила ее грудь. Так вот какова была ее судьба! Как сквозь сон видела она ослабевшего Келса и подскочившего к нему Джима. Но оба они замерли, не двигаясь с места.

– Только один разними карту! Все мое золото против девушки! – гремел Гульден.

Келс сделал торопливое движение, словно желая выхватить револьвер, однако его руки ослабли, как у больного лихорадкой.

– Ты всегда хвастался своей отвагой, – безжалостно продолжал Гульден. – Ба! Ведь ты же знаменитейший игрок по всей границе... Вперед же!

Келс стоял, ни на кого не глядя. Все видели его муку. Казалось, он боролся изо всех сил с каким-то решением, но только для того, чтобы тотчас же нарушить его.

– Одну партию! Все мое золото против девушки!

Толпа бандитов разразилась единодушным насмешливым хохотом. Словно злобные, рычащие волки, протянули они головы в сторону Келса.

– Нет, черт тебя возьми, нет! – хрипло и яростно крикнул Келс. Он протянул руки, словно желая отогнать от себя вид золота, Гульдена, всех этих злобных людей и призрак страшного, неудержимого искушения.

– Ого-го! Хозяин, ну, теперь-то ты наверняка струсил! – воскликнул Джесси Смит.

Но вряд ли золото или насмешки товарищей сыграли такую громадную роль в эту жуткую критическую минуту Келса. Нет, то была лишь безумная, необратимая возможность, случай!.. То был яд азарта. Картина потери или выигрыша уже не трогала его. Мощная, грандиозная игра стояла перед ним, и все остальные чувства умолкали.

Движением руки он выразил свое согласие.

– Мешай карты, Бликки! – крикнул Гульден.

Бликки повиновался.

– Ну, снимай! – воскликнул Гульден. Дрожащая рука Келса скользнула к картам.

Внезапно Клэв пришел в себя.

– Стой, Келс, стой! – испуганно крикнул он и подскочил к нему.

Но ни Келс, ни остальные бандиты не слышали его, они даже не заметили его движения.

Келс поднял карту высоко над головой. То был червонный король. Какая перемена! Бледное, как у мертвеца, лицо Келса вдруг засияло, стало прекрасным, одухотворенным...

– Только туз может побить эту карту! – буркнул Джесси Смит среди всеобщего молчания.

Гульден протянул свою громадную волосатую лапу с таким видом, как будто никакой другой карты, кроме туза, он никогда не снимет. Его громадные глаза саркастически

взглянули на бандита, и прежде, чем самому взглянуть на свою карту, он протянул ее Келсу.

То был пиковый туз.

– Моего счастья тебе не побить... – торжествующе прогремел он и швырнул карту на стол.

Казалось, Келс вот-вот лишится чувств и упадет на пол. Джим Клэв быстро схватил его под руку.

– Келс, походи к своей девчонке и попрощайся с нею, – издевался Гульден. – Скорей, скорей, я хочу ее!.. Вперед, Биди и Бриверман, теперь вы можете свести со мной счеты.

Гульден снова сел за карточный стол, и бандиты тесно окружили его.

Джим повел растерянного Келса к дверям Жанниной комнаты. Сознание бедной девушки окутал мрак. Когда она пришла в себя, то лежала на своей постели, а Джим стоял, склонившись над ней. От отчаяния и ужаса он выглядел почти обезумевшим.

– Джим, Джим! – простонала она, хватая его за руки, и вдруг заметила Келса, стоявшего рядом с ним. Тупой, все еще пьяный, он медленно вникал в жуткие последствия своего поступка.

– Келс, – сказала Клэв тихим, хриплым голосом и нерешительно поднял револьвер. – Я убью тебя и Жанну, а потом себя.

Бандит уставился на него.

– Да, да! Убей меня и девушку. Это все, что осталось для

нее. Но ты-то зачем хочешь умирать?

– Я люблю ее. Она моя жена.

Притупленное восприятие Келса мгновенно пробудилось, и он сделал резкое движение. Жанна бросилась перед ним на колени.

– Келс, Келс, выслушайте меня! – прошептала она страстно. – Джим Клэв был моим любимым... там, в Хоудли. Мы поругались... Я сказала, что он трус и даже не способен быть настоящим негодяем. В гневе он отправился к вам. На следующий же день я поехала отыскивать его... Вы помните, как мы встретились с вами... Робертс был со мной вместе... но вы убили его... Помните все остальное? Когда мы с Джимом встретились здесь, я побоялась открыть вам это. Я уговорила его не безумствовать, и он успокоился. Наконец мы прибыли в Олдер-Крик, там он снова одичал, и я тогда вышла за него замуж, лишь бы только удержать его от некоторых страшных решений. В день линчевания мы спрятались и хотели уехать в почтовой карете. Но Гульден и его банда напали на нее. Они думали, что это вы послали нас к ним. Нам пришлось ехать сюда, в Кэбин-Галч... Мы надеялись, что вы отпустите нас, и вот теперь... теперь...

И Жанна больше не смогла продолжать. При мысли о Гульдене она почти лишалась чувств.

– Все это сущая правда, Келс, – взволнованно поддержал ее Клэв, глядя прямо на все еще не верящего своим ушам бандита. – Клянусь вам, поймите же вы нас!

– Боже мой, дружище, я понял, я все понял теперь! – с хрипом вырвалось у него. Его мрачная скованность вдруг исчезла. Алкоголь выветрился. Неожиданное открытие внезапно протрезвило его.

Жанна увидела, как лицо его просветлело. В нем пробудились лучшие стороны души и страшное, грызущее раскаяние. Она снова бросилась перед ним на колени, обхватив его руками. Он сделал попытку вырваться, но она удержала его.

– Встаньте! – приказал он. – Джим, оттащи ее. Жанна, не нужно, не нужно – передо мной! Разве я только что не...

– О, ты проиграл только ее жизнь, Келс, только жизнь, клянусь тебе! – воскликнул Клэв.

– Келс, выслушайте меня! – умоляла Жанна. – Ведь вы не хотите, чтобы я досталась этому людоеду?

– Нет, честное слово, нет! – тяжело ворочая языком, ответил Келс. – Я был пьян, я обезумел... Простите меня, Жанна... Ну как я мог предвидеть, что судьба так восстанет против меня?.. О, как все страшно, страшно!

– Келс, вспомните, вы любили меня, – нежно шептала Жанна. – Любите ли вы меня еще?.. Неужели вы не понимаете меня? Еще не поздно спасти мою жизнь и... вашу душу... Вы пережили злую минуту, но если вы меня теперь спасете от Гульдена, спасете меня для моего мальчика!.. Я вас почти погубила... но спасите нас, выведите отсюда и никогда больше не возвращайтесь сюда на границу.

– Может быть, я еще сумею спасти вас, – пробормотал он,

обращаясь больше к самому себе. Он старался собраться с мыслями, как будто был не в силах отделаться от очарования обнимавших его рук. Жанна почувствовала, как сильная дрожь пробегает по его телу. Он нервно гладил ее руки.

Клэв умоляюще обратил к нему свое бледное лицо.

– Келс, однажды я спас тебе жизнь, и ты сказал, что не забудешь этого... Теперь... Вот теперь!.. Ради всего святого, не заставь меня застрелить эту несчастную!

Жанна поднялась с колен, но все еще крепко держала Келса в своих объятиях. Она чувствовала, как растет его мужество, как он снова поднимается из мрачной бездны своего падения.

– Жанна, как-то раз вы показали мне сущность искренней женской любви. С тех пор я стал другим человеком. В некоторых отношениях я стал лучше, в некоторых – еще хуже... Силы мои сдали. Я больше непригоден для жизни на границе. И непрерывно меня преследует тот чудный миг. Жанна, вы верите мне, несмотря ни на что?

Жанна поняла всю его тоску, она читала его мысли. Она видела, как хотелось ему исправить содеянное.

– Вы помните этот миг? Хорошо, я еще раз дам вам пережить его, – прошептала она. – И еще больше хочется сказать вам, Келс, что если бы я не полюбила Джима и вы бы встретились в моей жизни, то я полюбила бы вас... И безразлично, бандит или нет, я бы пошла за вами на край света.

– Жанна! – почти рыдая от боли и счастья, вскричал он.

С полными слез глазами глядела Жанна на него, говоря эти слова. И он схватил ее в свои объятия с порывистостью, говорившей о его страдании, о всей пытке его сдержанности, к которой он принуждал себя все это время. Он осыпал поцелуями ее глаза, губы, волосы, руки, и она доверчиво, без малейшей тени лжи, отдалась его ласкам. В эту минуту Жанна была воплощением женственности; она была только нежной, чуткой, любящей и отзывчивой женщиной.

Наконец он выпустил ее и отвернулся. Жанна почувствовала, что душа этого замечательного человека была способна достигать такой же благородной высоты, как и мрачных падений. Жанна вытерла слезы, и надежда шевельнулась в ее груди. Келс повернулся к ней таким, каким она его встретила, – холодным, спокойным, непреклонным, с легкой, любезной улыбкой и странными светлыми глазами. Он больше не глядел на нее.

– Джим, сделаешь ты все, что я прикажу? – спросил он.

– Да.

– Сколько револьверов у тебя с собой?

– Два.

– Дай мне один из них.

Джим отдал ему тот, который он все время держал в руке.

Келс сунул его в карман.

– Достань свой второй револьвер и будь готов! – сказал он. – Но ни одного выстрела, пока я еще не сражен окончательно. А тогда делай, что найдешь лучшим... Береги по-

следнюю пулю для Жанны, в случае...

– Обещаю тебе, – твердо сказал Клэв. Келс вытащил из-за пояса длинный нож с блестящим клинком. Спрятав клинок в рукаве, он крепко сжал рукоятку. Не сказав больше ни слова, вышел.

Жанна чувствовала его нежный взгляд на себе, когда он обнимал и целовал ее, но сейчас он больше не взглянул на нее. Джим опустился на колени, глядя сквозь дырку в висевшей на двери завесе.

Шатаясь, прокралась Жанна к одной из щелей разохшихся бревен. Она должна смотреть за этой борьбой, хотя бы вся кровь ее заледенела от ужаса...

Игроки по-прежнему жадно следили за игрой. Ни один из этих мрачных людей не повернулся, когда Келс медленно стал приближаться к столу. Гульден сидел спиной к двери. Луч солнца проникал в хижину, и проходящий Келс внезапно прервал его своей широкой тенью. Разбойники все еще не замечали присутствия Келса. Внезапно его тело дрогнуло, словно от какой-то страшной внутренней судороги, и, сделав громадный прыжок, он вонзил нож в мощную спину Гульдена. Гигант-разбойник всей тяжестью грохнулся об стол, свалив в одну кучу людей, скамейки, карты, бутылки и всю груду золота. Жуткий, надтреснутый рев вырвался из его груди.

Отбежав к двери и держа в обеих руках по револьверу, Келс принялся выпускать заряд за зарядом из того, который он держал в правой руке. Все смешалось... Хриплые крики

бандитов и треск револьверных выстрелов почти заглушили рев Гульдена. Густые клубы едкого дыма с каждым новым выстрелом застилали комнату. С полу, куда повалились бандиты, выскакивали яркие и желтые огни, а навстречу неслись ответные выстрелы Келса. Но его сильная и ловкая фигура вдруг резко и болезненно пригнулась; он казался гораздо меньше и слабее. Временами его револьверы снова вспыхивали несколько раз подряд ярко; он все еще боролся. В эту минуту сбоку от него грянул ружейный залп, и Келс, опрокинувшись назад, упал у порога.

Густая завеса порохового дыма на мгновение отхлынула в сторону, и картина жуткого побоища ясно предстала перед глазами Жанны.

Гульден совершенно обезумел. Шатаясь и махая своими громадными страшными лапами, он топтался среди взбесившихся, воющих бандитов, словно кого-то выискивал среди них. Внезапно выхватив свои громадные револьверы, он принялся палить куда попало. Чувство ориентировки он уже утратил; рев его постепенно ослабел, гигантские силы пошли на убыль, ноги подкосились. Среди царящей паники он вдруг наткнулся на Джесси Смита и прицелился в него. Свирепый бандит с громким криком наудачу выстрелил из своего револьвера, и оба почти одновременно повалились на пол. Однако Гульден поднялся и с залитым кровью лицом все еще походил на гигантскую машину разрушения. Глядя в одну сторону, он непрерывно стрелял в противоположную. Все

патроны давно уже вылетели из его револьвера, а он все еще продолжал нажимать курок.

Келс стоял на коленях и держал в руке только один револьвер. Его пуля прикончила тяжело раненного Бликки. Время от времени его дрожащая рука поднималась и снова падала; он стрелял из последних сил. Его левая рука висела как плеть; белое лицо то и дело выплывало из тонкой синей пелены дыма.

Пайк был единственным, еще оставшимся на ногах, однако и он был тяжело ранен. Растратив все патроны, он отшвырнул револьвер в сторону и, вытащив громадный нож, бросился на Келса. Выстрел Келса заставил его повалиться головой вперед. После всех криков и выстрелов настала внезапная жуткая тишина. Ловящий кого-то в воздухе Гульден походил на чудовищное, окровавленное привидение. Внезапно он одним взмахом вырвал из стола ножку и завертел ею над головой. Его рев перешел в хрипящий свист.

Споткнувшись о мертвого Бликки, Пайк вдруг снова поднялся на ноги. Келс швырнул ему в лицо свой пустой револьвер и, шатаясь, поднялся с колен. Обессиленные, они пробовали еще бороться, но в этот момент к ним подошел Гульден и своей чудовищной палицей размозжил голову Пайка. Сила удара лишила Гульдена равновесия. Он упал ничком. Но Келс схватил рукоятку торчавшего из его спины ножа и что было силы рванул к себе. Падавшая туша Гульдена помогла ему вытащить нож. Широкая, дымящаяся струя крови

хлынула из открытой раны, и гигант-разбойник повалился на пол.

Выронив нож, Келс дрожа осмотрел лежащего у его ног хрипящего Гульдена и затем перевел взгляд на безмолвные тела остальных бандитов. Нерешительно сделав еще пару шагов, он упал у порога двери.

Жанна хотела броситься к нему, но ее ноги подкосились, и когда, опираясь на Джима, она, наконец, добралась до Келса, то ей показалось, что прошла целая вечность.

Опустившись перед ним на колени, она бережно приподняла его голову. Его лицо было бело как снег – глаза широко открылись.

Он не узнал ее больше. Его сознание померкло, жизнь быстро угасла.

Глава XX

Посадив Жанну на лошадь, Джим несколько минут подержал ее руки в своих.

– Держись крепко, родная! – серьезно сказал он. – Каждую минуту сюда может прибыть какой-нибудь из разбойников...

Поезжай вперед. Я возьму провиант и догоню тебя.

– Но как я найду дорогу? – жалобно сказала Жанна.

– Ты должна! Возьми себя в руки. Стоит только выехать, как ты успокоишься и начнешь следить за тем, где едешь.

Пришпорив лошадь, Жанна повиновалась и больше ни разу не оглянулась. Кэбин-Галче остался позади подобно кошмарному сну. Едва догнавший ее Джим заявил, что он не может гнать таким темпом своих нагруженных лошадей. С каждой милей сердце Жанны освобождалось от гнетущей тяжести недавнего кошмара. Она уверенно выбирала дорогу. Часы и мили летели незаметно. Знакомые места вызывали в ней тихое и грустное воспоминание о Келсе.

Жанна и Джим ехали, взявшись за руки; они вспоминали свою прежнюю жизнь в Хоудли. Разговор благотворно действовал на их измученные от переживаний души. Наконец, к заходу солнца, вдали показалась маленькая деревушка Хоудли.

– А вдруг мне придется сразиться с твоим стариком? – весело спросил Джим.

– Джим... только не рассказывай всего сразу, – пробормотала Жанна.

– Я представлю тебя своей женой. Они подумают, что мы с тобой с ума сошли.

– Нет, они скажут, что я бегая за тобой. Пожалуйста, Джим, держи все пока в секрете. Подумай, ну как понять все это моей тетке Анне?

– Хорошо. Я буду молчать, но при двух условиях.

– Каких?

– Приходи вечером опять туда, к кедром, где мы тогда поругались с тобой.

– С радостью!

– А теперь надень маску. То-то будет сенсация! В этом костюме Денди Дейсла ты прямо чудо что за красавица.

– Джим, мне стыдно...

– Пустяки!

Жанна повиновалась, и так они въехали на мост их маленькой дереvушки. Некоторые мужчины, узнав Клэва, пришли в сильное волнение. Постепенно за ехавшими молодоженами собралась целая толпа.

Внезапно Жанна увидела свою тетку, разговаривавшую с двумя соседками возле одного из блокгаузов. Женщины с любопытством уставились на приближавшуюся процессию.

– Господи! Никак это Джим Клэв! – вскричала одна из них.

Джим соскочил с лошади и схватил ее в объятия. От ра-

дости она не знала, с чего ей начать разговор.

– Джим! Мы всегда надеялись, что ты... что ты привезешь нам Жанну! – наконец пробормотала она.

– Ну, само собой! – воскликнул Джим. – Вот она!

– Как?.. Где?

Жанна спрыгнула с лошади и, сорвав свою маску, с рыданием обняла старушку.

– Тетя! Тетя! Это я – Жанна!.. О, как я рада, что наконец попала домой. Тетя, смотри мне в лицо, не смотри на мой костюм!..

Плача и дрожа от радости, старушка осыпала Жанну поцелуями и ласковыми словами, но, заметив собравшуюся кругом толпу любопытных, слегка оттолкнула ее от себя.

– Ах, ты, сумасшедшая! Разбойница! Пойди и сейчас же переоденься!

В тот же день вечером Жанна пришла ожидать Джима под кедрами. Стояла тихая, светлая ночь. Ручеек плескался среди камней, и ветер слегка шевелил пушистыми ветками.

Большой и неожиданной новостью оказалось для Жанны то, что ее дядя, Билл Хоудли, в самом деле был первым, открывшим богатые залежи золота в Олдер-Крике. За свои долгие труды он получил звание первого старшины.

Но Жанна ненавидела саму мысль о золоте. Она охотно оставила бы все золото в Кэбин-Галче, если бы Джим согласился на это. Сколько ужасов пришлось ей пережить из-за золота. Жанна научилась терпимо относиться к людям, будь

то честный золотоискатель или кровожадный бандит. Всю вину она приписывала только золоту. Разве забудет она громадный, кишасый людьми Олдер-Крик, где все были глухи и слепы ко всему, за исключением одного желтого металла?

Огненно-яркими останутся в ее памяти жуткие и свирепые бандиты, среди которых она жила. Вспомнив страшную смерть Гульдена, Жанна не испытала ничего, кроме чувства удовлетворения.

Но Келс будет всегда жить в ее памяти, и ей никогда, никогда не забыть его. Келс, жестокосердный убийца, организатор кровавых побоищ, он не должен был бы иметь места в мыслях чистой, порядочной женщины... Однако он все-таки имел его. Несмотря на все свои слабости и пороки, он обладал странным душевным благородством и отзывчивостью.

Одной ей удалось открыть его лучшее «я», и мрачность его преступлений бледнела перед этими прекрасными моментами. Никогда не забыть ей его последнего великого самопожертвования. Он ушел от нее, бледный, прекрасный, облагороженный великим душевным порывом, но со своей неизменной холодной усмешкой и загадочным, спокойным взглядом светлых глаз...

Вдруг Жанна почувствовала, как ее обхватили две сильные руки, и Джим доказал, что он очень веселый и любящий муж, но зато никудышный актер. Сыграть роль прежнего Джима ему совершенно не удалось. Гордость и радость обладателя сказались в нежном пожатии его рук и горячем

поцелуе губ.

– Джим, но ты вовсе не так целовал меня тогда! – засмеялась Жанна. – Иначе я вряд ли бы так разозлилась на это.

– Но я точно так же подкрался и обхватил тебя.

– Ты убежден в этом? К счастью, я совершенно случайно запомнила тот вечер и могу напомнить тебе его. Садись и будь Жанной. Я же буду Джимом Клэвом. Сейчас я покажу тебе, как ты себя вел.

Жанна направилась в глубь леса и осторожно, бесшумно подкравшись, резко набросилась на Джима, как раз так, как он это сделал в тот памятный вечер.

Джим высвободился от нее полузадушенный и запыхавшийся.

– Вот... вот каков ты был! – сказала она.

– Неужели... я в самом деле мог быть таким медведем? – стараясь отдышаться, еле проговорил он.

– Да-а! И не забудь, что я еще наполовину слабее тебя.

– В таком случае ты совершенно справедливо прогнала меня... Единственно, тебе не следовало ехать за мной на границу.

– Ах! Но ведь только благодаря этому я и узнала, что люблю тебя.